

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

9

Итак, дорогие ребята, вы снова в школе. Перед вами новый учебный год, как бы неведомая страна, которую вам предстоит исследовать. Каждая страница школьных книжек хранит свои тайны. Вы их будете открывать. Каждый урок готовит вам встречи с вещами, для вас ещё не известными. Вы их будете узнавать.

Какая это огромная радость: шаг за шагом продвигаться по дороге знаний вперёд, к тому дню, когда школа откроет в последний раз свои двери и ваши старые учителя проводят вас в широкий мир, в большую жизнь — на заводы, в шахты, на поля — повелевать машинами, добывать сокровища земли, сеять, строить, бороться, побеждать трудности!..

Новый учебный год! Он начался, как всегда, радостными встречами, волнением первых уроков, шумной толкотнёй перемен, первыми удачными ответами у доски, первыми победами в алгебре, физике, грамматических правилах.

Вы уже начали свой путь по трудной, но всё же весёлой дороге, ведущей в следующий класс, на следующую, более высокую ступень в жизни.

Желаем вам успехов, ребята! Желаем вам хорошо и настойчиво учиться весь этот год, чтобы в конце его стать на класс старше и на класс образованнее.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

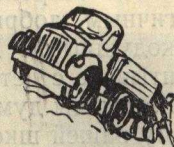

№ 9
СЕНТЯБРЬ
1956

В этом номере:

Какой будет наша школа.— В. П. Ильин, директор школы-интерната № 12	2
Рожок зовёт Богатыря.— Повесть К. Воронкова, Л. Воронковой. Окончание. Рисунки О. Коровина . .	4
Марс приближается к Земле.— В. Арсентьев, научный сотрудник Государственного астрономического института имени Штернберга. Рисунки С. Пивоварова	22
Задумано — сделано.— Ю. Новикова	27
Почему иволга просит дождя.— По мотивам литовского фольклора. Лев Озеров. Рисунки Ю. Кискачи .	33
Подарок немецких друзей.— Л. Почивалов. Фото автора Улукиткан (Из записок путешественников).— Г. Федосеев. Окончание. Фото автора	34
Народные сказки.— Рисунки А. Кокорина	36
Добрая память.— Из дневников юных туристов . .	49
Под землёй. (Рассказы о смелых людях).— Мирослав Бужкевич	52
Путешествие Голубой Стрелы.— Повесть Джанни Родари. Перевёл с итальянского Ю. Ермаченко. Продолжение. Рисунки А. Брея	54
Отчего и почему	57
В мире книг	66
Опасный сосед.— Рассказ М. Зверева. Рисунки П. Кирпичёва	68
Спорт	71
Будьте любезны...— А. Дорохов	73
В часы досуга	78
	80

На обложке:

сцена из спектакля
«Приключения Чиполлино»,
поставленного драмкружком
Якутского дворца пионеров.
Фото Я. Рюмкина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КАКОЙ БУДЕТ НАША ШКОЛА

Большие требования предъявляет наша жизнь к человеку. Настоящий человек должен быть широко образованным, умелым, энергичным, добрым и храбрым, сильным и великодушным... И все эти качества нужно воспитывать с детства.

Об этом мы думали, составляя новую программу нашей школы. Школа наша необычная: она одна из первых школ-интернатов, о создании которых говорил на XX съезде партии Никита Сергеевич Хрущев.

Слово «интернат» вы, наверно, слышали и знаете, что речь идёт о школе, где ребята не только учатся, но и живут. Принимают в интернаты прежде всего тех ребят, чьи отцы погибли на фронте, или тех, у кого в семье все взрослые работают и не могут уделять должного внимания воспитанию детей.

Школьники проводят у нас всю неделю. Домой они будут уходить только с субботы на воскресенье и во время каникул.

Вот и выходит, что наша школа — высокая, светлая, чистая, с хорошей спортивной площадкой и густым садом — должна стать для ребят вторым домом, а мы все — второй семьёй, в которой каждому живётся тепло и радостно. Но школа-интернат не просто заменяет семью: она может дать воспитаннику то, что не всегда могут и умеют дать родители: самое широкое, всестороннее развитие.

Конечно, прежде всего ребята должны получить у нас превосходное образование...

Мы обратили серьёзное внимание на изучение иностранных языков. Ребята у нас начинают заниматься ими уже в первом классе, а к окончанию школы, думаем, что каждый наш выпускник будет свободно говорить и читать хотя бы на одном иностранном языке.

Человек должен не только много знать, но и многое уметь. Умелые руки необходимы в жизни не меньше, чем живой, быстрый ум. Поэтому в нашей программе важное место занимает труд. Ручному труду ребята обучаются в классе, в разнообразных кружках, в прекрасно оборудованных мастерских.

Наши ребята совершенно самостоятельны. Они сами убирают свои спальни, натирают полы, дежурят на кухне, помогая и следя за порядком. В день дежурства они отвечают за порядок в школе.

Ребята у нас многому учатся: ремонтировать мебель, шить, готовить.

Современному человеку нельзя обойтись без технических знаний и навыков. Наша школа стремится дать их ребятам. Школьники у нас будут учиться не только токарничать, выпиливать и т. д. — они овладеют искусством фотографии, научатся печатать на машинке, обращаться с проекционным фонарём...

Есть у нас превосходный звуковой киноаппарат, и недалёк тот час, когда ребята сами будут снимать кинофильмы. Есть в школе два «Москвича» и шесть мотоциклов. По-

степенно все ребята научатся управлять ими, разбирать, ремонтировать.

Нам хочется, чтобы каждый из воспитанников нашёл в школе занятие по душе. У нас есть хорошая голубятня, собираемся завести служебных собак. Голубиная почта и дрессировка собак не только интересные, но и полезные занятия. Конечно, если не увлекаться ими чрезмерно!

Наша «закрытая» школа открыта для всего интересного и поучительного, что даёт жизнь. В зимних и летних туристских походах (а их намечено у нас очень много) ребята научатся ориентироваться по компасу, по часам, по звёздам и луне, будут собирать грибы, научатся удить рыбу, ставить палатки, управлять лодкой...

Мы хотим, чтобы наши ребята выросли сильными, ловкими, закалёнными. Поэтому физическому воспитанию мы придаём большое значение. Для каждого из ребят у нас уже приготовлены пара коньков и лыж с ботинками. Все девочки и мальчики нашей школы будут ездить на велосипеде, играть в шашки и шахматы. Все они должны уметь судить спортивные соревнования...

Дружба между младшими и старшими в таких школах, как наша, особенно важна. Нам хочется, чтобы старшие ребята полюбили малышей и заботились бы о них, как о родных братьях и сёстрах. Ведь маленьким на первых порах будет трудно без мамы. Старшие ребята у нас будут шефствовать над младшими. Пятый класс — над первым, шестой — над вторым, седьмой — над третьим.

Я не упомянул здесь ещё о многих сторонах жизни нашей школы: о пении, музыке и танцах, о выездах в театры и музеи, — словом, об искусстве, без облагораживающего влияния которого не может быть полноценного человека. Не успел рассказать о работе наших разнообразнейших кружков, о работе в саду... Всё это ещё только намечается, всё ещё впереди. Ведь наша школа-интернат только вступает в жизнь! Но начало уже положено, большое, важное начало.

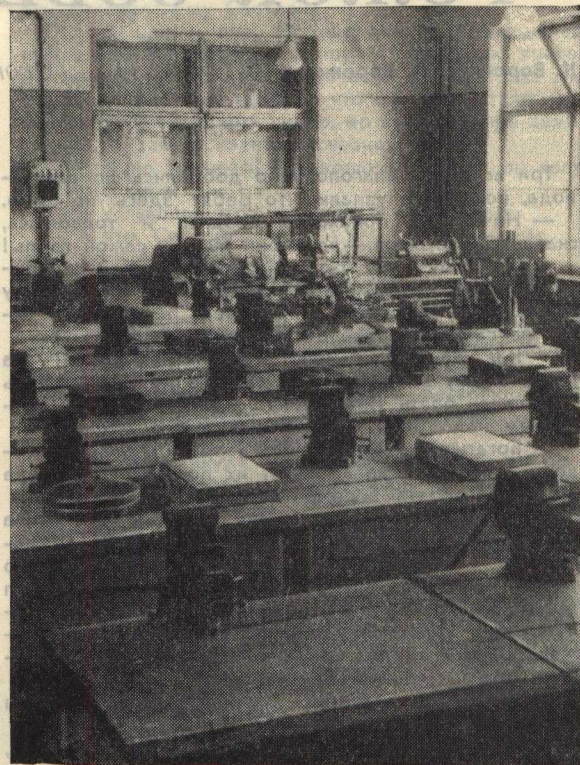
Государство не жалеет средств на нашу школу, оно придаёт школам-интернатам большое значение, и постепенно число их будет увеличиваться. Мы, педагоги, приложим все свои силы и умение, чтобы наша школа жила полной творческой жизнью. Я уверен, что ребята полюбят свою новую школу и у нас сложится дружный коллектив, который сумеет воспитать людей большой души.

В. П. Ильин,

директор школы-интерната № 12.

Это школьная химическая лаборатория.

А это слесарная мастерская.

РОЖОК ЗОВЁТ БОГАТЫРЯ

К. Воронков, Л. Воронкова.

(Окончание)

Рисунки О. Коровина.

16

Три всадника благополучно добрались до лесоза- вода, но тут же узнали, что ребят здесь не было.

— Ничего не понимаю,— сердясь и тревожась, сказал Серебряков,— ведь они были у самой тропы!

— Невдомёк, что тропа,— сдержанно ответил Крылатов.— Как её заметишь? Заросла вся. А стрелу камнеломка заслонила, видел ведь ты — целый букет на самой стрелке распустился!

— Как заметишь? Как это как заметишь? Да разве я ему эти знаки на камне не показывал? Быть у тропы и опять уйти куда-то в тайгу — это же безглазым надо быть! Камнеломка ему помешала!

— Богатыря ловят! — живо возразил Алёша. — Говорю вам, это марал крутит их по тайге! Не такие уж наши ребята бестолковые, честное слово!

Наскоро закусив и покормив лошадей, они снова отправились в тайгу. Три лошади одна за другой снова шли по заросшей папоротником тропе — только теперь идти было легче: их собственный след лежал до самого костра, оставленного утром ребятами. Голубоватый холодный пепел потушенного костра лежал светлым пятном под ёлкой, среди густой цветущей травы, и был виден издали.

— Вот теперь от костра надо глядеть, куда следы пойдут,— сказал Крылатов.

Алёша подогнал лошадь к самому костру. И вдруг, чему-то удивившись, соскочил с лошади.

— Что там? — нетерпеливо крикнул Серебряков.

— Товарищи... А ведь мы ошиблись. — Алёша растерянно обернулся к спутникам. — Тут следы-то, знаете... сорок второго размера! Что за оказия, честное слово?

Серебряков и Крылатов слезли с лошадей. Да, Алёша прав. Пепел отчётливо сохранял следы. Но это были следы сапога с толстой подошвой и с подковкой на каблучке...

— Вот те на! — Иван Васильевич развёл руками. — Значит, и костёр-то, получается, не они жгли...

— Ну что ж, — Андрей Михалыч резко хлестнул плёткой по своему сапогу и направился к лошади, — поедем дальше. К реке поедем. Если наши ребята действительно не совсем бестолковые, то должны же они к реке выйти!

Всадники повернули к реке. Выехав на берег, они тихо направились вниз, надеясь напасть на след пропавших ребят. Мокрая трава слабо блестела под вечерним солнцем, и никаких следов не было на ней.

— А если и были следы, дождем смыло, — проворчал Крылатов. — Ну уж как найдём, возьму хворостину хорошую! Не погляжу, что пионеры!

— Да что вы, Иван Васильевич! — обиделся Алёша. — У нас свои меры воздействия есть, посерьёзней ваших. А вы уж и хворостину скорей! Вот какой вы, честное слово!

— Меры, меры!.. Бегай вот за ними по всей тайге! — сердито прервал его объездчик.

Но Алёша лукаво улыбнулся и пожал плечами.

— Зато закалка, Андрей Михалыч! Сами же требуете, чтобы ребята закалялись. А как же какой-нибудь парнишка закалится, если он по тайге за спиной у папеньки ходит?

Андрей Михалыч свернул на него глазами и ничего не ответил. Пускай эти чертенята закаляются, лишь бы живы были! Лишь бы не случилось какого несчастья! Только бы узнать, что с ними ничего не случилось, — вот что мучит и разрывает сердце!

— А тут что? — сказал вдруг Алёша, приглядываясь к помятой траве. Это было как раз то место, где Серёжа привязывал туфли Светлане.

Андрей Михалыч заметил в траве обрывок бечёвки.

— Были здесь!

— А давайте покричим? — предложил Алёша.

Они остановились и начали кричать:

— Э-гей! Э-гей!

Кричали громко, протяжно. Но никто не отзывался. Распаянная среди кустов, ярко играла радужными пятнами большая паутина. Капли дождя, застрявшие в ней, блистали, как алмазы.

Бурый заяц прятался в траве. Заслышав людские голоса, он прыгнул в кусты и разорвал паутину. Это было чуть подальше ствола, лежащего через речку, по которому переправлялись ребята. И заяц, сам того не зная, своим прыжком в паутину сбил людей, уже шедших по верному следу.

Андрей Михалыч, оглядываясь по сторонам, заметил разорванную паутину.

— За мной! — крикнул он. — Они сюда пошли, видите, паутина разорвана!

И всадники тронули лошадей, пробираясь дальше по берегу и уходя всё дальше и дальше от тех, кого они искали.

17

Пообедав у костра тремя форелями, которых им удалось поймать, и ягодами, принесёнными Антоном, ребята решили идти дальше, пока не стемнеет. Теперь впереди опять шёл Толя. Он поймал двух рыб и очень гордился этим.

Редкие красноватые солнечные пятна то здесь, то там падали сквозь ветки на траву, на папоротники, на цветущие костры белой и розовой таволги.

Вдруг Серёжа остановился.

— Тропа!

Волшебное слово для тех, кто заблудился в тайге. Тропа! Всё равно, откуда она идёт, всё равно, куда приведёт; приведёт к жилью, к людям, к спасению, к жизни!

Все оживились.

— Где тропа? Где?

— Ему приснилось, — сказал Толя.

Но Серёже не приснилось. Это была как раз такая тропа, которая, словно зелёная нитка, прошивала тайгу. Она вся заросла высоким и буйным папоротником, вся зелёная среди зелени, и всё-таки она пролегла сквозь опасные чащи, как узкое ущелье, по которому человек может идти, и колючие лапы тайги не схватят его, не заплетут лианами, не окружат шипами аралии — чёртова дерева.

— Тропа! Тропа! — повторял Серёжа, сворачивая в сторону. — Я вижу: тропа!

— И я вижу! — закричала Катя. — Вон она! Вон!

Но Толя не видел тропы.

— Вы, наверно, рехнулись! — сказал он. — Опять в чащу полезли! Я не пойду с вами, слышите? Заблудитесь, я не отвечаю, слышите?

Но Серёжа уже вступил в заросли папоротника, в которых тайлась тропа, и уходил всё дальше, раздвигая

их руками. Он утонул в папоротниках, и только там, где качались сквозные верхушки, угадывалось, что идёт человек.

— Он с ума сошёл! — закричал Толя. — За мной, ребята! Я говорю, за мной! Не пойдёте, я один уйду! Но Катя, а с ней и Светлана торопливо шагали вслед за Серёжей.

Лишь Антон остановился. Привычный возглас жакка «За мной!» подействовал на него.

«Ведь говорили же, по реке идти, — подумал он, — а Сергей вон опять в чащобу полез».

Однако отстать от Сергея показалось ему страшно. Растерянно поглядывая на Толю и на уходящих ребят, он вертелся и не знал, куда ему броситься. Может, всё-таки с Толей остаться?

И вдруг он вспомнил, как переползала сегодня Светлана через ручей. Светлана чуть не плачет, а Толя стоит да смеётся. А потом про антонову лепёшку начал...

Ничего не сказав, Антон круто повернулся и побежал за Сергеем. А Сергея и девчат уже не видно, только папоротники вздрагивают и качаются на невидимой тропе.

— Ребята! Ребята! Ну куда же вы? — закричал Толя. Дикая тоска сжала ему сердце, как только он увидел, что остаётся один. Один в тайге!

— Ребята, подождите! Подождите! — закричал он.

— Остановимся? — спросила Катя.

— Нет, — ответил Сергей, — сам отстал, сам и догонит.

Толя вскоре догнал их. У него были длинные ноги, и бегал он легко. Но он был глубоко оскорблён и обижен.

— В беде товарища бросать, да? — упрекнул он, задыхаясь. — Как рыбу есть, так вы! А тут уж и подождать не могут!

— А ты тоже антоновы ягоды ел! — не оглядываясь, ответила ему Светлана.

Серёжа шёл молча, сосредоточенно. Один неверный шаг — и потеряешь тропу. И тогда уж совсем неизвестно, что будет. Опять ночь в тайге. Без хлеба, без воды. Надо идти, во что бы то ни стало идти, пока хоть искоса, хоть скупно, но всё-таки ещё светит солнце. А зайдёт солнце, исчезнет тропа.

— Что же тогда-то? — невольно спросил он вслух у самого себя.

Катя услышала этот тревожный вопрос.

— А что, Сергей?

— Если солнце сядет?

— А чего же? — неожиданно подал голос Антон. — Ляжем на тропу и... эта... будем утра дожидаться. — Иди сюда! — с какой-то глубокой лаской в голосе позвал его Серёжа. — Давай меняться будем. Впереди идти трудно. Пусть сзади девчонки идут.

Антон, гордый таким признанием, растолкал девочку и пошёл впереди. Вот вам «телятина»! Ничего. С «телятиной» не пропадёшь!

Бывает, что никуда не спешишь, а солнце стоит и стоит на небе. Иногда ждётся вечера, так солнце особенно упрямо не хочет сползть с неба. А вот теперь, когда так нужно, чтобы оно ещё осветило хоть лишний часик, хоть полчаса, — так нет, солнце уходит, уходит и гаснет неудержимо.

— Вроде так и придётся, как Антон сказал, — глухо произнес Серёжа, — ложиться на тропу — и всё...

— Ну и что ж? Ну и ляжем! — мужественно отозвалась Катя.

— Ну и ляжем, — послушался не менее мужественный голос Светланы.

Лишь Толя молчал. Он так устал, что было всё равно. Ему уже не верилось, что они когда-нибудь смогут выбраться из тайги. Нет! У неё нет края, из неё нет выхода. Он ведь знает, что такое тайга!

Становилось всё темнее и темнее. Зелёные тени, пересекающие тропу, начали сливаться. Лишь кое-где в вершинах ещё тлело солнце, будто последние угольки в костре. Но вот и они погасли, и сумрак властно вступил в тайгу.

— Всё! — безнадежно сказал Толя.

И столько было тоски в его голосе, что всем стало не по себе.

— Не выйдем? — в страхе спросила Светлана.

Она жадно ждала ответа, ей нужно было, чтобы Катя приободрила её, потому что мужество её было на исходе. Но Катя и сама уже колебалась в своей уверенности.

— Не знаю, — ответила она, — не знаю...

— Как не знаешь? — сразу заплакала Светлана. — Значит, так и пропадём? Уж я вижу, вижу, что пропадём! Раз вы все молчите...

Антон закричал. Он бы и сам заплакал, если бы не привык уже к своему положению мужественного человека. Наступило тяжёлое молчание. Каждый думал о доме, об отце, о маме... Все как-то растерялись. Голод и усталость ослабили волю. Но Серёжа всё шёл вперёд, и ребята машинально двигались за ним, всё чаще и чаще спотыкаясь об уже не видимые корни...

— Хватит, — вдруг сказал Толя, — я больше никуда не иду. Всё. — И он сел прямо на сырую траву.

— Встать сейчас же! — закричал на него Серёжа. — Зачем девчонок пугаешь!

— Не встану. Не хочу. Всё, — ответил Толя, не поднимая головы.

Серёжа сдёрнул с плеча аркан.

— Не встанешь? Говори, не встанешь?

В его голосе послышалась серьёзная угроза. Толя покосился из-за плеча и увидел аркан в дрожащей от гнева серёжиной руке.

— Ты что, драться? Да? — Толя поднял голову.

— Вставай! — крикнул Серёжа, замахнувшись арканом.

Толя встал. Ещё виден был узкий просвет тропы, узенькая щель между плотных, потемневших стен леса.

«Скоро совсем стемнеет, — думал Серёжа, торопливо шагая вперёд, — пропадёт и эта щель...»

Но щель не пропадала. Она даже расширилась. Серёжа прибавил шагу, сердце его забилось. Он не верил себе.

— Выходим из тайги! Выходим!..

— Просвет, — неуверенно сказал Антон, — сейчас, эта, ребята, куда-то мы пришли!

— Просвет! Правда, просвет! — забыв про слёзы, закричала Светлана. — Вон и бабочка пролетела!

Ребята оживились и чуть не бегом спешили туда, где, казалось им, кончается тайга.

— Не уходить с тропы! Эй, не уходить с тропы! — тревожно предупредил Серёжа.

Но почему бояться шагнуть в сторону от тропы, если тайга расступается, если сквозь деревья уже сияет закатное небо и яркая зелень поляны, окрашенная отсветами зари, зовёт на простор из душной и тяжкой таёжной мглы! Может, там уже луга, посевы, человеческие дороги, по которым ходят машины... А может, совхозная пасека расположилась тут, среди медоносных трав и невысоких кустов леспедецы!..

— Тут дорога! Тут обязательно дорога! Я знаю, знаю! — торопливо повторил Толя. Ему уже так хотелось, чтобы ребята забыли его недавние жалобы.

Не слушая криков Серёжи, он свернул с тропы и побежал по лесу прямо к зелёной, залитой зарёй опушке.

— Это луг! Вика посеяна! — радостно догадалась Катя. — Наконец-то мы на воле!

— На воле! На воле! — закричал Антон.

Желая поддержать и тут свою новую, ещё непривычную славу, он, пыхтя и размахивая руками, неожиданно ринулся к опушке, обогнал Толю и Катю, выскочил на зелёную поляну...

И вдруг ликующий крик его оборвался.

Катя, выбежав на опушку вслед за Антоном, застыла. Антон барахтался в болоте, которое скрывалось под яркой зелёной травой. Трясина была ему выше колен. Пытаясь выбраться, он увязал всё глубже и глубже. Он так испугался, что даже не кричал, только беспомощно хватался за кустики белоуса, которые тут же и обрывались под его руками.

— Серёжа!.. Сергей! — отчаянно закричала Катя. — Ой, Сергей же!.. Ой, Сергей!..

Она хотела подойти к Антону, протянула ему руку. Но и шагу не сделала, как увидела, что вязнет сама.

— Назад! Назад! — крикнул ей Толя. — Не лезь туда!

— Антон пропадает! Сергей! Сергей!

— Надо веток... Веток ему набросать! — Толя засуетился, начал ломать еловые лапы, то за одну ветку хватался, то за другую. Ветки не поддавались.

Катя, не зная, что делать, бросилась плашмя на край обманчивой болотной зелени, стараясь дотянуться к Антону. Но Антон никак не мог достать до её руки.

В ту же минуту выскочила из леса Светлана. Она взвизгнула и кинулась отталкивать Катю от болота. А когда увидела Антона, то закричала и закрыла руками глаза.

Серёжа, хмурый и раздосадованный тем, что ребята убежали с тропы, широким шагом, вразвалку вышел из леса. Ну что они, как маленькие, бегут, не видя, куда? Что тут ещё случилось с ними?

Но, увидев, что случилось, Серёжа сразу забыл свою досаду.

Катя, ухватившись за руку Светланы, вылезала из болота, еле вытаскивая вязнущие в грязи ноги. Но Антон, белый, как мел, всё ещё трепыхался, хватаясь за траву, и всё глубже уходил в трясины. С ужасом чувствовал он, как тянет его в глубину неведомая, страшная сила.

— Не шевелись! — Серёжа сдёрнул с плеча аркан. — Обвяжись вокруг пояса!

Дрожащими руками Антон поймал конец аркана. Еле владея собой, он опоясался верёвкой — и было уже самое время. Трясина подступала к поясу.

Дрожащими руками Антон поймал конец аркана.

— Держись! — Катя, вся в тине и болотной грязи, схватилась за верёвку, чтобы помочь Серёже. Схватился за верёвку и Анатолий.

Очутившись на твёрдой земле, Антон сел на какое-то коряво изогнутое корневище и жалобно смотрел на ребят, то на одного, то на другого, весь мокрый, грязный и очень испуганный.

Первой опомнилась Катя. Она взглянула на свои чёрные от грязи ноги, на испачканное платье, на грязные, ободранные руки и засмеялась.

— А хороши мы с тобой, Антошка! Правда?

— Ты ещё смеёшься! — со слезами сказала Светлана. — Я просто опомниться не могу, а ты!..

— Ну, а что же теперь? — Катя оглянулась кругом. — Водички бы... помыться... — И, обернувшись к Антону, крикнула: — Антон, хватит! Возвращайся к жизни!

— А я... эта... как его... — еле слышно отозвался Антон.

— Ожил? Ну и вставай. Нечего. Пойдём воды искать.

Катя схватила Антона за рукав и заставила подняться.

— Пойдём, пойдём! Тут где-нибудь ключ есть, у болота вода найдётся. И нечего тебе. Ишь ты, не опомнись никак!

И толкнула его кулаком в спину. Катю пугало антоново молчание. Забыв, что сама чуть не нырнула в трясины, она хотела, чтобы Антон освободился от ужаса, который только что испытал. Всё попрежнему, всё хорошо, и ни с кем ничего не случилось, пусть он забудет об этой страшной бездне, которая уже схватила и держала его... Все здесь, все с ним, и лес стоит крепкий на крепкой земле, и небо сияет на западе, и она, Катя, как бывает часто, стучает его кулаком по спине! Ну, Антон?

Катя, вся в тине и грязи, схватилась за верёвку, чтобы помочь Серёже. Схватился за верёвку и Анатолий.

— Да, — прогудел Антон, — надо, эта... умыться... как его.

— Сообразил наконец! — засмеялась Катя. — Неужели мы с тобой такие и будем ходить, как кабаны на лежбище!

— Смотрите, — сказал им вслед Толя, — чтобы опять вас вытаскивать не пришлось.

Серёжа, который молча свёртывал в кольцо свой аркан, искоса взглянул на Анатолия и снова опустил ресницы. Тонкая морщинка легла у него между бровей. В эту минуту ему стало ясно, что он — один. И девчонки и Антон беспомощны. А Толя, их отважный, геройский Толя, кто его знает, какой он? Вроде как и ловкий, вроде как и умелый... А вот можно ли надеяться на него, как на самого себя? Кто его знает...

Сергей поглядел на небо. Заря бледнела. Красные отсветы ещё падали на зелёную полянку, подманившую ребят. Только теперь эта яркая зелень уже не казалась им радостной и весёлой. Она была страшная и зловещая.

— Надо уйти отсюда, — с содроганием сказала Светлана, — стемнеет, забредёшь ещё...

— Подальше, подальше надо уйти! — сказал и Анатолий.

— Надо вернуться на тропу, — ответил им Серёжа, — вернуться на тропу и там ночевать. Ночью идти опасно.

Катя и Антон явились умытые, дрожащие от болотной сырости и холодной воды. Но они явились с добычей. У самого берега маленького пруда, где они умывались, они увидели несколько корней стреллиста. Как-то в пионерском походе вожатый показывал им этот стреллист, достал со дна несколько корней-клубней. А потом они пекили в котле эти клубеньки и ели. Совсем как печёная картошка были эти маленькие круглые клубеньки!

— Что же мало? — сказал Толя, увидев клубни. — Вы бы побольше накопили!

— Мы и так эта... всё. Там больше не было, — стуча зубами, ответил Антон.

— Спасибо и на том, — сказал Серёжа, — вот у нас и ужин. Пошли.

Серёжа направился туда, где, по его расчётам, была тропа. Ребята тянулись за ним. Но они опоздали, тайга уже успела заколдовать и спрятать тропу. И было как в страшной сказке: царевич вошёл в заколдованный дворец, а когда хотел выйти, то оказалось, что двери исчезли.

— Была бы у нас лошадь, — сказал Серёжа, наморщив лоб, — она бы сейчас нашла. Или собака. А мы вот... Ну, да что ж делать, подтянем пояски потуже, зажжём костёр — мошну да зверей пугать — и до утра.

Антон тотчас выполнил серёжин совет и туго затянул пояс.

— А эта... кроме стреллиста, поесть совсем нечего?

— Щавелю поедим, вон его сколько на опушке, — ответил Серёжа. — Вот я несколько шишек кедровых нашёл, поджарим, орехи вытрясем. До утра доживём.

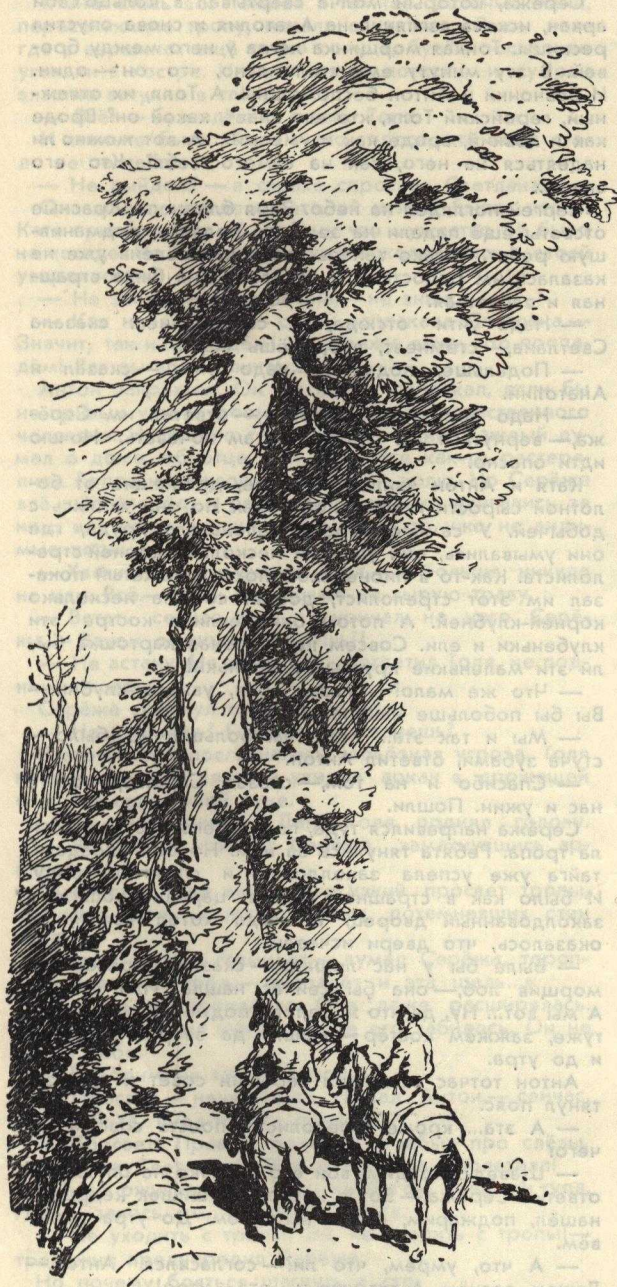
— А что, умрём, что ли? — согласился Антон. — Ляжем, заснём. А тут уже и... эта... утро!

— А что тебе даст утро? — осведомился Толя. — Не прятал бы лепёшку, сейчас поел бы.

— Найдём тропу и пойдём дальше, — ответил за Антона Серёжа, — раз есть тропа, — значит, люди ходят...

Три всадника спешили вниз по берегу ручья. Но вскоре они заметили, что никаких следов по пути не встречается. Если прошло пятеро, то след останется: помятая трава, сломанный сук... Не летели же они, как птицы, по воздуху!

— Вернёмся к дереву, которое через реку лежит, — сказал Андрей Михалыч и повернул коня.

Всадники внимательно оглядывали кусты и деревья, растущие по берегу.

Спутники молча последовали за ним. Вот и переправа. Неужели ребята всё-таки перешли на ту сторону?

Всадники внимательно оглядывали кусты и деревья, растущие по берегу: нет ли свежесломанной ветки, не содрана ли где кора...

— А что это там?— зоркие глаза Андрея Михалыча различили какой-то голубой комочек на ветке орешины, далеко вправо от упавшего дерева.

Серебряков тронул коня, Алёша и Иван Васильевич последовали за ним. Первым подскочил к орешине Алёша и снял с дерева голубой комочек.

— Ура! — закричал Алёша. — Голубой носок! — Имущество, значит, начали по деревьям развешивать! — усмехнулся Иван Васильевич.

— Это носок той беленькой девочки, что у Мионовых, — сказал Андрей Михалыч, взяв в руки скотанный, засохший от грязи носок. — Значит, они по берегу тронулись...

— Значит, так, — согласился Иван Васильевич, — только вот зачем же им сюда, по берегу-то идти?

— А им разве не всё равно, куда? — спросил Алёша. — Что вправо, что влево! Раз тропу потеряли...

— Да ведь совсем дураками надо быть, чтобы вверх по течению идти! — вспылil Андрей Михалыч. — Неужели догадки нет, что к морю выходить надо? А что им там делать, в сопках-то?

— У них какие-то свои соображения, — возразил Алёша. — Мы же ведь не знаем. А вам бы, Андрей Михалыч, только браниться, честное слово!

— Соображения, соображения! — сердито повторил Серебряков. — Было бы у них соображение, мы бы не путались за ними целый день по чащобам! Нет, вижу, зря я своего парня по тайге водил!

— Ну хоть и то ладно, что на след напали, — примиряюще сказал Иван Васильевич, — видите, и на траве следы есть. Ясно, шёл кто-то. Не сапоги же с подковками тут шли, если голубой носок на дереве висит!

— След есть, — согласился Андрей Михалыч, — ну, что ж, пойдём по следу.

Всадники ехали шагом, боясь потерять след. След бы отчётливый, — смятая, ещё не совсем поднявшаяся трава, сломанная головка соцветия «царской свежи», сломанная, незагоревшаяся спичка...

След уводил их всё выше и выше. Толстые деревья пропадали, начинался подлесок. А дальше густой еловый стланник преградил дорогу...

— Куда же они девались? — в недоумении пробормотал Алёша. — Свернули куда-то... Вот непонятные люди, честное слово!..

— К реке свернули, — сказал Андрей Михалыч, — следы на песке.

— Ну и глаза у тебя, — покачал головой Иван Васильевич, — эва откуда увидал!

Лес на том берегу реки ещё стоял освещённый солнцем. А здесь — под сопкой — на берег и отмель уже легли сумерки. Однако на песке действительно виднелись какие-то следы.

Андрей Михалыч соскочил с лошади, осторожно ступая, спустился на отмель, наклонился к следам...

И вдруг выпрямился, безнадежно опустив руки. — Что, ай на тот берег двинулись? — спросил Иван Васильевич.

— Да, двинулись, — ответил Андрей Михалыч, криво усмехаясь, — только не ребята, а сапоги с подковками.

Он хлестнул по песку плетью и вышел на берег.

— Э-ге, — сказал Иван Васильевич, — кто-то наш след шибко путает.

— Хотел бы я это знать! — Андрей Михалыч сорвал ветку крушины и, машинально растерзав её, бросил в траву.

— Вот ведь вы какой, честное слово! — с упреком сказал Алёша. — Люди по своим делам по тайге ходят. Попался им голубой носок по дороге, подняли, на дерево повесили, может, хозяйка искать будет, так на дереве лучше увидит... А откуда им знать, что мы по их следу побредём?

— Так что же, значит, опять к переправе? — спросил Серебряков.

Но Крылатов задумчиво оглядел темнеющие кусты, косые темнозелёные тени, мягко расчертившие берег, и покачал головой.

— Вроде как не стоит сейчас ходить, Андрей Михалыч. Спугаем всё, следы собьём. Лучше завтра с зарёй. А сейчас зажжём костёр, посидим тут, где наши ребята сидели... а?

— Это верно, — сказал Алёша, — и лошади отдохнут, попасутся, здесь трава хорошая.

Рано утром всадники снова стояли у переправы.

— Стойте, товарищи, — Алёша Ермолин, вытянув шею, глядел в воду, — что-то, кажись, блестит на дне?

Он слез с лошади и, войдя в воду в своих высоких сапогах, пригляделся ещё раз.

— Чудеса, товарищи! Честное слово!

Он снял пиджак, засучил рукав рубашки и вытащил со дна столовый мельхиоровый нож с узорной ручкой. Нож торчал среди камней, и вода не смогла утащить его.

— Видали?

— Всё ясно, — кивнул головой объездчик, — ни геолог, ни биолог, ни ботаник такого ножа в экспедицию не возьмут. Это, конечно, наши горе-герои. Ну что ж, поищем броду...

Всадники переправились на ту сторону и сразу поняли, что теперь-то напали на настоящий след. Вскоре нашли место, где был костёр и ребята обедали.

— Смотрите, рыбу ели! — усмехнулся Иван Васильевич, дотрагиваясь концом плети до рыбных костей, оставшихся в золе, — чем же они её ловили: руками, что ли?

— Изобрели что-нибудь, — сказал Андрей Михалыч, и в серых глазах его снова засветилась горделивая улыбка. — «Уверен, что это Анатолий!» Давайте поищем, куда они дальше двинулись. Тут сапогов с подковами нету!

19

Ночь наступила лунная, росистая.

Ребята наломали груды еловых веток — настроили себе постелей вокруг костра. Испекли и съели клубничные стреловидные. Разжарили кедровые шишки, которые от огня раскрыли свои плотные чешуйки, — и коричневые орешки высыпались из них все до одного. И, почти молча напившись горячего лимонника, улеглись кто как сумел. Катя и Светлана прижались друг к другу, чтобы согреться, Толя укрывшись с головой густой еловой веткой — всё-таки потеплее. Сергей спал, положив кепку на лицо. И лишь один Антон сидел у костра.

Ему спать нельзя; он часовой! Да и как спать? Не особенно уснёшь, когда на тебе всё мокрое и холодное — только знай поворачивайся к огню то одним боком, то другим. И потом ведь всё-таки не дома, не в своём саду. А по тайге-то — вон они, уже идут шорохи, уже похрустывают сучья под чьими-то лапами... Кто там ходит? Кто глядит сейчас из чащи на Антона? Может, волк. Может, медведь. А может, и сам рыжий хозяин — тигр! Они ещё ходят по тайге, эти бродяги...

Где-то недалеко легонько качнулась ветка, треснуло что-то. Антон вздрогнул и тут же посмотрел на Серёжу, не видел ли он,

что Антон задрожал? Но Серёжа уже спал, подложив под щеку кулак, и ничего не видел.

Однако шорохи в тайге становились всё слышнее, всё смелее. Будто кто-то подходил, крадучись, к костру, а потом, так же крадучись, удалялся. Антону стало неловко сидеть, прислушиваться. И, чтобы разогнать свой страх, а заодно и поугаить тех, кто подходит и смотрит на него из тьмы и чащи, он вдруг рявкнул во весь голос пиратскую песню:

— Эй! Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Э-хо-хо! И бутылка рому!

Ребята вскочили все сразу. Испуганные, недоумевающие, они уставились на Антона, а потом начали ругать его.

— Антошка-картошка! — кричала Светлана.

— Ты что, только сейчас с ума сошёл или давно уже? — осведомился Толя.

— Антон, ты же часовой! — упрекнул его Серёжа. — А часовые поют на посту, а?

— Да уж хоть бы пел-то что-нибудь подходящее, — сказала Катя, — а то поёт и сам не знает что! Свой любимый «Остров сокровищ» вспомнил!

— Ты просто дурак, Антон! — добавила Светлана. — И чего это тебе орать вздумалось?

— А я... эта... я их пугал, — объяснил Антон, кивая в сторону чёрной чащи леса, — а песню такую, ну, чтобы пострашнее. А что? Помните, как там... эта... пираты страшно пели?

— Кого «их» ты пугал? — замирающим шёпотом спросила Светлана.

— Ну кого? Барсуков. Ежиков, — пояснил Серёжа. — Они ночью просыпаются и ходят, шелестят. Вот Антон их и начал пугать, чтобы не шелестели.

— Ребята, дайте хоть уснуть, — попросил Толя, — ведь скоро моё дежурство...

— Тише. Спать, — сказал Серёжа. — На тебя надеяться можно, Антон?

— Как это? — не понял Антон.

— Не уснёшь?

Антон обиделся:

— Сказал тоже!

— А если заметишь что, сразу буди. Слышишь?

— Я тогда сразу «Пятнадцать человек» запою.

— Пой что хочешь...

И снова тишина. И снова зашелестела таинственным шелестом притихшая было тайга. И снова Антон сидит один, пошевеливая палкой горячие сучья. Барсуки, ежики... Хорошо, если там только барсуки да ёжики!

Вдруг над головой его низко пролетела какая-то тень. Антон инстинктивно пригнулся. Кто это? Брун-

Напившись горячего лимонника, улеглись кто как сумел.

Из чащи вырвалось на поляну целое стадо диких свиней.

дук прыгнул? Нет, бурндуки спят по ночам. Может, белка-летяга?

В это время в том месте, куда нырнула эта тень, загорелись два круглых жёлтых глаза. Они смотрели, не мигая, из-под косматой ветки. Антон уже хотел было запеть «Пятнадцать человек», но вспыхнули ещё два таких же вытаращенных глаза, мерцая жёлтым светом.

— Тыфу,— плюнул с досадой Антон,— совы глазастые прилетели! Из-за вас чуть опять... эта... ребят не разбудил. Каждый раз они к костру прилетают, любопытные какие-то!

Ночь в безмолвном и торжественном празднестве протекала над тайгой. Луна поднялась на середину неба. Ещё гуще засеребрилась трава, ещё ярче забелели ночные цветы, ещё веселей заиграли зелёные огни светляков. Даже шорохи и шелесты затихли в чащобе.

Антон начал дремать. Он хорошо помнил, что засыпать нельзя, но голова его против воли клонилась на грудь, тяжёлая, как арбуз. Он протирал глаза, не давал им закрываться, но глаза всё-таки закрывались.

В какую-то из этих мучительных минут до сознания Антона дошло, что он слышит шум. Он встряхнул головой, очнулся. Да, шум нарастал, приближался, будто по лесу шла буря, хотя ни одна ветка на деревьях не шевелилась.

— Сергей! — тихо позвал Антон.

Сергей вскочил.

— Слышишь, Сергей?

— Слышу.

Ещё помолчали, послушали. Шум надвигался с угрожающей быстротой, хрустели и трещали сучья, слышался мелкий частый топот, словно какое-то большое стадо мчалось сквозь лес. Скоро стало слышно хрюканье, повизгивание, отрывистый яростный хrap.

«Кабаны!» — догадался Серёжа.

— Ребята, вставайте! Кабаны на нас идут!

Все опять вскочили.

— Они кусаются? — закричала Светлана. — Скажи, они кусаются?

— Они не укусят, они сожрут! — крикнул ей в ответ Толя.

Антон схватил горящую ветку из костра:

— Я им в рыло!

— Надо шуметь, — сказал Серёжа, — ребята, скорее! Шумите! Их испугать надо. А то не заметят нас, растопчут...

Рёв и визги слышались уже отчётливо. Вдруг, словно заколебалась земля, закачался густой подлесок, зашатались молодые деревца, и из чащи вырвалось на поляну целое стадо диких свиней. Чёрные, косматые, они бежали плотной массой, тёрлись боками, жались друг к другу. Хряки огрызались, поросята визжали... И всё это неслось вперёд, будто спасаясь от какой-то беды.

Серёжа схватил котелок и принялся изо всех сил барабанить в него ножом. Девочки, как и Антон, схватили горящие ветки и, крича, размахивали ими. Они кричали и визжали сколько хватало сил.

Толя кричал тоже, а сам лихорадочно соображал: что говорил отец? Как спастись от кабанов? И вдруг вспомнил: на дерево надо, на дерево! Он бросился в лес и принялся карабкаться на толстую берёзу. Ноги у него скользили, он срывался, обдирая ладони, и снова карабкался. Наконец ему удалось добраться до большого сука. Он уселся на нём и спрятался в листе.

«Так поступают в опасности, — сразу успокоившись, подумал он. — Таёжники знают, как... Меня отец учил... Хорошо, что у меня отец такой, всё знает!»

Толя устроился поудобней, покрепче и тут только решился посмотреть вниз.

Старый кабан-вожак услышал ребячий сигналы. Задрав клыкастую морду, он приостановился. И всё стадо приостановилось. Вожак принюхался, наострив уши, послушал, как стучат и кричат ребята, и вдруг свернул в сторону. Он понял, что тут не враги, что тут опасности нет, а просто их предупреждают: сверни в сторону. И он свернул.

Стадо скрылось так же быстро, как и появилось. Снова закачался подлесок, подломилось несколько молодых деревьев, и шум всё глубже и глубже стал уходить в тайгу.

Ребята пришли в себя не сразу. Уже давно всё стихло в лесу, а Антон всё ещё кричал и махал горюющей веткой. Катя подошла к нему, отобрала ветку и велела замолчать.

— Убежали уже, ушли.

— А это я им горюшку на дорожку!

Тут Светлана неожиданно залилась слезами. Все с тревогой окружили её. Она уткнулась лицом в катино плечо, прижалась к ней и плакала, вся дрожа.

— Что ты?

— Что с тобой?

— Я боюсь! Боюсь! — рыдала Светлана, всё крепче прижимаясь к Кате. — Ой, какие страшные! Они бы нас съели могли!

— Да ведь их нету давно, — утешала её Катя, — они же убежали. И не съели нас. И не растоптали. Ну, погляди-ка, вот мы, все живые! И ты живая!

— А где же у нас Анатолий? — испугался Серёжа и начал оглядываться по сторонам. — Толя! Ау!

— Тольян, где ты, ау! — закричал Антон. — «Пятнадцать человек и бутылка рому!»

Катя хлопнула его по спине:

— Может, что случилось, а ты дурачишься!.. Толя! Ау!

— Я здесь, — отозвался Толя с берёзы. Он старался слезть незаметно, но не успел, да и не знал теперь, как это его занесло так высоко.

Ребята окружили дерево.

— Ого! — удивился Антон. — Здорово взобрался!

— Ну что ж, слезай, — сказал Серёжа, а потом вдруг отвернулся и пошёл к костру. — А если хочешь, там сиди.

Девочки, всё ещё крепко держась друг за друга, молча пошли за Серёжей.

— Вот ловкий, а? — продолжал восторгаться Антон. — Ну что ж ты, давай съезжай по стволу. А то, хочешь, раскачайся на руках и прыгни. Тут ничего, тут мох...

Толя кое-как слез с берёзы. И руки, и колени, и штаны — всё было у него белое, точно в муке или в извёстке.

— У! — засмеялся Антон. — На альбу залез, вымался весь!

Это и в самом деле была берёза-альба, как называют её ботаники, что значит «белая». Эта берёза действительно совсем белая, и шелковистая кора её даже пачкается белым. Толя кое-как вытер руки, отряхнул штаны и молча подошёл к костру.

Ребята снова уселись у огня. Сон исчез. Заговорили про кабанов, про то, как они бежали, как визжали и кто что в это время подумал.

— А всё-таки это, ребята, неспроста, — сказал Серёжа. — Чего это кабаны ночью побежали?

— Захотели и побежали, — сказал Антон.

— Они никогда не хотят ночью бегать, — возразил Толя. — А тут вдруг захотели и побежали!

— Кабаны ночью спят, — сказал Серёжа так, словно и не слышал Толю. — Они никогда не ходят по тайге ночью. Видно, кто-то их напугал.

— А кто? — прошептала Светлана.

— Не бурундук же! — улыбнулся Толя.

Но его опять будто не слышали.

— Какой-нибудь большой зверь напугал, — ответил Серёжа, — тигр, наверно... Тигр свинину любит.

— Тигр! — охнула Светлана.

А Катя прошептала, оглядываясь на тайгу:

— Значит, он тоже по их следам идёт?

— Может быть, идёт, — ответил неохотно Серёжа и сразу подложил целую охапку сухих сучьев в костёр. Пламя пригнулось, заметалось, поползло по

сучкам и разом поднялось большими белыми языками, далеко осветив долину.

— Ложитесь, ребята, давай ещё поспим, — предложил Антон. — Не будут же кабаны... эта... каждую минуту бегать!

— Товарищи, пусть Антон поспит, — сказала Катя, — он ведь дежурил.

— Да и все ещё могут поспать, — согласился Серёжа, — зари ещё не видно.

— Ложитесь! — сказал Толя. — Я дежурю.

— Нет, ты не дежуришь, — ответил ему Серёжа, — дежурить буду я. Потом Катя. Потом Светлана.

— А я?

— А ты нет.

— Почему? — Толя возмущённо хлопнул веткой по земле.

— Потому что мы тебе не доверяем.

— Толя вскочил:

— Что? Повтори!

— Разве ты глухой?

— Да, да! Мы тебе не доверяем! — закричала Светлана. — Ты убежишь да на дерево залезешь!

— На дерево! — Толя стегал веткой по своему мягкому сапожку. — Так все таёжники делают. Мне и отец говорил! А что ж, пусть кабаны сожрут?

— На дерево влезают, а товарищей оставляют! — вдруг тихо спросила Катя.

— Лезли бы и вы. А вы чего не лезли?

— Толя, — Катя поглядела на него с упреком, — но ведь ты же знаешь, что мы не умеем на деревья лазить!..

— Учитесь.

— Сначала ты научись быть товарищем и пионером, — сказал Серёжа, — это поважнее, чем на дерево влезть.

— Подумаешь!.. Сговорились! Вот придём домой... — Толя готов был не то плакать, не то драться. — Узнаете тогда!

Но ребята уже не слушали его. Они снова улеглись у костра, а Серёжа занял место дежурного. Толя улёгся один, отдельно от всех.

«Вот взять да умереть бы им на зло! — думал он. — Тогда бы узнали, как оскорблять товарища!..»

— Противный ваш Толька, — прошептала Светлана в самое ухо Кате, — бахвальщик. Мыльный пузырь — вот он кто. А я-то думала...

— Да... чуть слышно ответила Катя, — оказывается... да. Мы тоже думали...

— Спать! — негромко приказал Серёжа.

Девочки послушно утихли. Антон уютно похрапывал, чмокал губами, может быть, ел во сне жареные пирожки. Толя лежал тихо, наверно, тоже спал. Серёжа, крепко сжав губы, поглядывал в его сторону прищуренными светлыми глазами.

«Мыльный пузырь?.. Если бы только мыльный пузырь. Но ведь он товарищей бросает, когда трудно, это уже нет... это похуже!..»

Почему они всегда считали Анатолия героем? Почему Анатолий во всех играх и во всех школьных делах командовал ребятами? Почему он был всегда то старостой класса, то председателем совета отряда, то председателем совета дружины? Что он знал, что он умел?

Он умел говорить — вот что он умел. Он знал много слов, он сыпал ими, не задумываясь.

Это началось ещё в третьем классе. Их с Толей только что приняли в пионеры. Вожатый сказал им:

— Кто из вас может выступить на празднике в День птиц?

Ребята переглянулись. Они ещё никогда нигде не выступали. Тогда вожатый выбрал Толю.

— Вот ты и выступишь.

Толя весь покраснел, глаза у него заблестели. И страшно ему было выступать и хотелось выступать. Он очень волновался. Даже хотел отказаться. Но пришёл праздник, и Толя выступил. Он выступал очень хорошо. И стихи, которые надо было прочесть, прочёл отчётливо, звонко, с выражением.

И тогда все начали его хвалить. Вожатый хвалил, учительница хвалила, хвалили товарищи. Так вот и стал Толя Серебряков первым человеком в школе. Он всё может, всё умеет, всё знает. Все поверили в это. И сам Толя поверил.

А поверили-то, оказывается, напрасно...

Серёжа грустно задумался. За светом костра он не видел, как исчезали ночные светляки, как потихоньку бледнело небо и гасли звёзды. Затрепетала осина под еле слышным утренним ветерком. Осветились бледным светом наступающей зари вершины дубов.

Серёжа опёрся локтем о колено и сам не почувствовал, как задремал.

20

Тайга светлела, озарялась.

Серёжа встал, взял котелок и пошёл за водой. Он уже слышал, как плещет вода в ручье: плюм, плюм. Но тут его внимание привлекло другое — он снова увидел тропу. Отчётливо протоптанную тропу, которая вчера так настойчиво пряталась от них.

Звёзды котелком, Серёжа вернулся к костру. Ребята уже проснулись. Толя подкладывал сучьев в огонь. Девочки умывались листьями росистой травы и смеялись; молодцы девчонки, не унывают. Только Антон, повернув спину к костру, всё ещё натягивал курточку на голову и поджимал ноги.

— Товарищи! Что скажу! — закричал Серёжа. — Давайте дело решать! Антон, вставай!

Он потянул Антона за ногу. Но Антон брыкнулся и крепче закутал голову.

— Ребята, подымай Антона! Нападай! — скомандовал Серёжа и начал таскать с него курточку.

Катя и Светлана со смехом бросились помогать ему, они тащили Антона за ноги, за руки, пока совсем не растормошили.

Толя уныло смотрел на них.

— Ой, я совсем смеяться не могу! — сказала Светлана. — Силы нету, живот подвело!..

— У меня тоже, — прошептала Катя.

Антон сидел и таращил глаза, стараясь проснуться. Катя поглядела на него и снова засмеялась, хотя смех получался и не звонкий и не громкий.

— Давайте умою его!

И, сорвав горсть мокрой травы, подбежала было к Антону, но тот замотал головой:

— Я сам! Я сам!

— Как маленькие! — с упрёком сказал Толя. — Умираем с голоду в тайге... да, умираем, и нечего отмахиваться. Мы погибли. Пока нас найдут, мы умрём. Или тигр нападёт. А они дурачатся, как будто дома. Удивляюсь.

Толя еле встал. У него даже не было сил пойти к ручью, хотя пить очень хотелось. Тревожный сон не освежил его, он метался и стонал на колючей постели. И к утру решил, что теперь всё равно. Зачем куда-то идти, мучиться? Отец его, конечно, ищет. Так пускай найдёт здесь, на этом месте. Мог бы найти его ещё вчера, если бы побольше беспокоился. А если он ему не нужен, ну что ж, он погибнет. И не всё ли равно, где?

— Кто умирает? — спросил Антон, широко открыв сонные глаза.

— Кто? — Толя пожал плечами. — Я, ты, все мы... Антон вскочил.

— Я? Как это? Почему это? Я... эта... как его... ничего не умираю!

— Будет вам глупости городить, — оборвал Серёжа, — есть тропа.

— Где тропа? Какая тропа? — закричали все в один голос.

Один Толя промолчал и не повернул головы.

— Есть тропа, — продолжал Серёжа, — вчерашняя, хорошая, протоптанная тропа. Так что, будем чай кипятить или пойдём дальше?

— А чего ж Толька: «погибли, умерли»?! — рассердился Антон. — Чайку попьём и... эта... пойдём, раз тропа нашлась!

— Нет, сразу пойдём, сразу пойдём! — закричала Светлана.

— Настоящая тропа? — наконец подал голос Толя. — Правда, настоящая?

— Сам на ней стоял.

Побежали смотреть тропу. Да, конечно, это была настоящая, до земли протоптанная тропа.

Однако всё-таки решили, что раз тропа уже найдена, вскипятить лимоннику покрепче, взбодрить силы. Ведь и по тропе идти тоже устанешь!

Поляна незаметно озарилась весёлым светом раннего утра. Тронутые теплыми лучами, начинали раскрываться бархатные лиловые с жёлтыми сердцевинами ирисы. Они стояли кострами, по нескольку цветочных шапок на одном корне, радуясь лету, радуясь жизни, радуясь своей богатой и щедрой красотой.

— А до чего ж красиво всё-таки! — сказала тихо Светлана. — До чего красиво в тайге!.. А мы потом когда-нибудь ещё придём?

— Возьмём и придём, — ответила Катя.

Тихую минуту нарушил Антон:

— Эта... поищите... может, у кого корка какая. Прямо терпенья нет. Живот засох!

— Давайте лимонник пить, — сказал Серёжа, — пускай Толя первый, а то он у нас что-то ослаб совсем.

Толя подметил в его голосе не то снисходительную жалость, не то презрение. Хотел было вспылить, но промолчал и, не взглянув на Серёжу, взял у него кружку с кипятком.

Серёжа опёрся локтем о колено и сам не почувствовал, как задремал.

Антон долго смотрел, как Толя, не торопясь, боясь обжечься, пил горячий лимонник.

— Тольян, ты долго будешь кружку занимать? — закричал он наконец. — Тут и так... эта... Терпенья никакого!

И он почти вырвал кружку у Толи.

— Дай девочкам сначала! — крикнул Серёжа.

Но Антон не слышал. Он изо всех сил дул в кружку, громко отлёбывал, снова дул, сидя спиной к ребятам, и оттопыренные уши его, просвечивая, ярко розовели на солнце.

Через минуту Светлана начала дёргать его за рукав.

— Ну, скорей! Дай глотнуть! Идти же надо! Собственник! Единоличник!

Услышав это, Антон сразу оторвался от кружки. Он посмотрел на Светлану и, краснея, протянул ей кружку с недопитым кипятком. И когда это он научится прежде думать о других, а потом уж о себе? И как это у него всё так получается нескладно, жадность какая-то нападает!

— На, пей! — сказал он.

Но Светлана уже стало жаль его.

— Ничего, допивай. Я потом.

Наконец все напились. Затоптали костёр. Серёжа озабоченно пересчитал спички — их было всего пять, надо беречь. Хоть и нашлась тропа, но скоро ли она приведёт к какому-нибудь жилью, неизвестно.

И снова ребята гуськом пошли за Серёжей. Бодрости от лимонника хватило ненадолго. Мучительно хотелось есть. И ещё мучительней хотелось домой.

Так прошли с полкилометра.

Тропа становилась всё более отчётливой. Она уверенно бежала среди кустарника, спускалась в маленькие распадки и снова выбегала наверх. Она мелькала впереди в просветах пышной, густой зелени и видна была далеко по всему склону большой сопки.

К Толе стала возвращаться бодрость. Он снова становился тем самым Толей Серебряковым, который всегда и везде идёт впереди, а почему это ему надо плестись в хвосте вместе с Антоном и девочками? Разве здесь его место?

Толя подтянулся, принял свой обычный спокойный и уверенный вид. И, остановившись, озабоченно огляделся кругом.

— Всё ясно, — сказал он решительным голосом, — мы тут были с отцом. За мной, ребята!

И, отстранив Серёжу, зашагал по тропе.

— То есть как это за тобой? — крикнула Светлана. — И не подумаем!

Она обогнала его и пошла впереди.

— Тропу эту... Сергей нашёл, — сказал Антон, — а ты, Тольян, эта... как его... Хватит. Назад ступай. Сергей, давай дорогу показывай!

И он тоже перегнал Толю.

Серёжа опять пошёл первым. Сзади всех шла Катя. Ей хотелось идти со Светланой, но она никак не решалась перегнать Толю: ей было жалко унижать его.

«Обидно ему. Не буду перегонять. Пусть уж я последняя».

В это время Толя вытащил из кармана своих штанов носовой платок, встряхнул его и завязал на ходу расцарапанную коленку: видно, очень саднило. Вместе с платком из кармана выскочил какой-то жёсткий блестящий комок и упал в траву. Катя, поровнявшись, подняла его и хотела крикнуть: «Толя, что это ты потерял?!», — но не крикнула. В руках у неё была скомканная бумажка от большой плитки сливочного шоколада.

Катя покраснела и молча сунула бумажку в карман своего сарафанчика. Она была готова провалиться сквозь землю. Значит, ей тогда не показалось, что Толя что-то ест один, когда им всем так хотелось есть! Она видела, как он жевал, и не поверила своим глазам. Она выбрала себя за подлые мысли, за то, что таким подозрением оскорбила товарища!

А Толя ел один! Он так смеялся над Антоном, когда тот просыпал над ручьём свой запас, так стыдил его, а сам ел один!.. Антону говорил, что товарищи так не поступают, а сам...

— Пусти! — вдруг грубо толкнула она Толю и обогнала его на тропе.

— Чего ты? — удивился Толя.

Катя, не отвечая, догнала Светлану. Она шагала следом и до боли закусывала губу, изо всех сил стараясь не заплакать от обиды. Светлана, нечаянно увидев её закушенную губу, очень удивилась.

— Что ты? Очень устала? Болит что? У меня тоже болит. И живот. И голова. И ноги саднит.

— Не поэтому, — качнула головой Катя. — Молчи.

И, заметив, что Светлана тоже находилась и готова захныкать, она провела рукой по лицу и улыбнулась.

— Так я... На колючку наступила.

Ребятам казалось, что теперь, по такой дорожке, они пойдут очень быстро. Но прошли километра два, и шаг уже притупился. Они еле тянулись друг за другом. Куда ведёт тропа? Куда она приведёт? Сколько ещё часов, а может, и дней будет она вести их сквозь весёлую, праздничную и бесконечно равнодушную к человеку тайгу?

21

Всадники шли по следу до самого болотца. Дальше след потерялся: стадо бегущих кабанов изрыло острыми копытами землю. Было понятно с первого взгляда, что кабаны бежали в ужасе, ломая по пути подлесок и молодые деревца. Все молча искали других следов — того, кто гнал кабанье стадо. Искали и боялись найти.

— Вот, — Иван Васильевич увидел на влажной земле отпечаток тигриной лапы, — так и есть. Был.

— Был, честное слово!.. — пробормотал и Алёша.

Всадники сошли с коней и стали разглядывать след. Да, полосатый был здесь Это он гнал стадо... Но где в это время были ребята? Встретились их пути с путями зверя или это их миновало?

Все трое молчали. Они снова сели на коней и направились дальше по тропе. Ребята, если не случилось катастрофы в пути, прошли здесь. Увидев чёрный кружок недавнего костра и кучку ещё не остывшей золы, все сразу оживились.

— Теперь ясно, — сказал Андрей Михалыч, — на тропу вышли.

— Больше некуда, — согласился Алёша, — тут дорога торная, слепой дойдёт. Значит, выбрались. А всё-таки молодцы мои пионеры, честное слово!

— Дойдут, — успокоенно повторил и Крылатов, и задумчивые голубые глаза его повеселились, — по дороге нагоним!

22

Тропа привела ребят на открытый склон.

— Уж теперь-то, наверно, как её... какое-нибудь поле, — сказал Антон, с надеждой оглядываясь кругом, — ведь по тропе шли...

Но тропа спустилась к ручью и пропала, скрывшись где-то на другом берегу в сплошных зарослях ольхи.

— Как заколдовано!.. — прошептала Катя. — Ничего не видно, хоть бы пасека какая!..

— Пойдёмте вверх по этому склону, — предложил Толя, — лучше по открытому месту идти, чем по лесу. Тут хоть видишь, куда идёшь!

— А что видишь? — возразил Серёжа. — Тоже один только лес видишь.

— А я... эта... чего-то ещё вижу! — вдруг сказал Антон. — Вон на той сопке! Вон... как его... блестит!

— Камень блестит! — оживилась Катя. — Я тоже вижу. Вон зелёная полянка, а на полянке камень!

— Да, вижу, — сказал и Серёжа.

— А! — протянул Толя разочарованно. — Базальт. Выход базальта — и всё. Чему вы обрадовались?

— Но он же блестит! — заспорил Светлана. — Он же полированный, разве ты не видишь?

— Может, это какой-нибудь памятник? — попробовала догадаться Катя. — На могилах бывают...

Серёжа не дал ей договорить:

— Ну да! Это и есть могила! Партизанская могила. Отец сколько раз про эти могилы рассказывал!

— Ага! — подхватила и Катя. — Сколько раз рассказывал! Когда в гражданскую войну с белыми сражались, то здесь и хоронили, прямо в тайге!

— Могила? — Толя задумался. — Ну, а если могила, то чему радоваться? Чем нам помогут покойники?

— Но ведь к могиле ходят люди! — нетерпеливо сказала Катя. — Разве ты не знаешь? У нас партизанские могилы не бросают!

— А почему ты такую моду взяла — на меня кидаться? — Толя повысил голос. — Слова не скажи, всё только кидается, как тигра!

— Ладно, ребята, чего спориться, — остановил его Серёжа, — нам сейчас крепче друг за друга держаться надо, а они цапаются, сами не знают, чего.

— Я знаю, чего... — ответила Катя. И, отвернувшись, умолкла.

Чем больше они приглядывались к чёрному блестящему камню на солнечной сопке, тем больше убеждались, что это не просто выход базальта, но что этот камень отполирован и поставлен руками людей. Подумали, посоветовались и решили идти через распадок прямо к этому камню. Оттуда уж наверняка есть тропа к человеческому жилью.

Сопка была голая, безлесая. Каменная вершина сопки, высоко поднявшись, была чётко очерчена на голубом фоне неба. Добраться до этой каменной грядки, спуститься по тому склону, перелезть через овражек — и вот она, та светлая поляна, на которой стоит базальтовый камень.

Не обращая внимания на ушибы и царапины, ребята по кабарожим тропкам поднялись к вершине. Но когда ступили на каменную гряду и заглянули на ту сторону склона, то почувствовали, что мужество покидает их.

Весь склон, сверху до самого распадка, был завален сломанными и вырванными с корнями деревьями. Когда-то давно здесь прошёл ураган и положил деревья, как траву. Стволы, уже ошкурившиеся, оголённые, сероголубые от времени и дождей, перепутались ветвями и корнями, навалились друг на друга в безмолвном, безжизненном хаосе. Они лежали в несколько ярусов. Огромные мёртвые сучья тянулись кверху, будто просили о помощи. Почерневшие могучие корни, вырванные из земли, придавили собой вершины молодых деревьев и погибли вместе с ними. Далеко раскинувшись, лежал бурелом; весь склон был серый и чёрный от мёртвых гладких стволов, на которых печально блестело солнце. И лишь кое-где, пробиваясь снизу между

засохшими и подгнившими стволами, вылезал на свет упрямый молодой ельник.

— Ну, что делать будем? — после хмурого молчания и раздумья спросил Серёжа. — Обходить завал или...

— Далеко обходить-то... — сказал Антон с той-ской, — эта... и края не видно.

— Как же, по стволам полезем? — негромко спросила Светлана, глядя на завал испуганными глазами.

— Решайте, — сказал Серёжа, — я сы вроде как по завалу рискнул. Ну, а как вы, говорите. По завалу, прямо скажу, штука нелёгкая. Провалиться до самой земли можно. А уж обдерёшься — за милую душу.

— Да что он, большой, что ли, завал-то? — сказал Антон. — По некоторым... эта... как по перилам, съехать можно. В школе-то, как её...

— В школе перила гладкие, — напомнила Катя, — и упасть некуда.

— Уж если лезть, ребята, то давайте с умом, а не так вот, по-стрекозы! — сказал Серёжа. — Палки нужны длинные, чтобы до земли доставали. С палками и пойдём.

— У... долго! — загудел Антон. — Возиться с ними... а где их... эта... брать-то?

— Здорово, кум, — ответил Серёжа, — в лесу палок не найдём!

Толя понял наконец, что надо и ему сказать своё слово. Самолюбие снова заговорило в нём. Уж если Антон собрался лезть через завал, то не оставаться же ему...

— С палками — это дело, — сказал он, — давайте подыщем палки. Все путешественники с палками ходят.

Это был трудный переход. Даже Катя, которая думала перескочить с песенкой с дерева на дерево, очень скоро умолкла. Приходилось быть всё время в напряжении, чтобы не оступиться, не оскользнуться, не выколоть глаз о торчащие сучья, не упасть вниз, между валежिन, в тёмные, как колодец, щели.

— Кто устал, отдыхай! — командовал Серёжа. — Не спешите. Береги силы.

Щаще всех отдыхала Светлана. Ей трудно было управляться с длинной, неуклюжей палкой, она цепляла ею то за корни, то за ветки и чуть не падала, когда заносила её, чтобы опереться.

— Я брошу! — прокричала она Серёже. — Мне без палки лучше.

— Не бросай, а учись! — ответил Серёжа. — Не смей бросать. Потихоньку иди! Квочка! Ну вот, опять! Ты что, села или упала?

— Села.

— Ну, смотри. Садиться садишь, а падать не смей! И когда все остановились передохнуть, Серёжа, крепко опираясь на свою палку, вдруг произнёс весёлую и спокойную речь:

— А вы, небось, думаете, что это настоящий завал! Вот-то страшный завал, небось, вы думаете! А это разве завал? Так, буреломина. Вот на Сихотэ-Алине бывают завалы, будь здоров! Там бы мы и не сунулись переходить. А это что? Вон уж и конец видно. А на той стороне, у камня, вроде как и тропа. Руклой подать. Только торопиться не надо, а глазное, бояться не надо...

— А мы и не боимся! — Светлана уверенно вскочила и снова взялась за палку. — Дойдём!

— А чего... эта? Умрём, что ли? — отозвался Антон. — Подумаешь, как его... завал! Так, буреломина!

Катя лукаво и вместе удивлённо покосилась на Серёжу. Не настоящий завал! Ох, и хитрый, оказывается, у них Сергей! И кто знал, что он такой хитрый? Взял да соврал насчёт завала!

— Может, Серёжа и вправду соврал. Завал-то всё-таки был тяжёлый. Но всем как-то стало легче и смелее после его слов. И скользили, и срывались, и ушибались, и царапались о сучья и ельник, однако шли и шли.

И лучше всех шёл Антон. Может, потому, что хотел показать свою смелость, может, потому, что не понимал всей опасности их пути. Но он то скатывался по гладкому бревну, как по школьным перилам, то вдруг, упершись палкой, перепрыгивал со ствола на ствол...

— Тише ты! — окликали его то Катя, то Светлана. — Разбавалился!

— Ловкий чересчур, — проворчал и Толя.

— А чего я? — беспечно, полный радостного удальства, отозвался Антон. — А я... эта... ничего. Перепрыгну, и всё... как её...

При этих словах палка у него противно завизжала, скользая по стволу, и Антон исчез, провалившись в бурелом.

Девочки охнули и застыли на месте. Серёжа осторожно подобрался к провалу.

— Антон, — крикнул он, — ты живой?

— Живой... — жалобно ответил Антон, — только... эта... не вылезти мне... Елки тут заполонили.

— Ты на земле стоишь?

— Нет. На ельнике... Весь в колючках... Совсем... эта...

— Допрыгался! — с досадой крикнул Толя. — Вот и сиди теперь там!

Серёжа на минуту растерялся. Как его вытаскивать?

— Пускай сидит, — повторил Толя, — а то уж очень бахвалиться приучился!

— Ребята-а! — жалобно проныл Антон.

— Не бойся! — крикнул ему Сергей. — Сейчас вытащим. Держи аркан!

Серёжа утвердился покрепче на корявом стволе и нагнулся, чтобы посмотреть, куда бросить аркан.

— А я... эта... я сам! — неожиданно поднимаясь над брёвнами, отозвался Антон. — Я по веткам...

— Ура, Антон, — крикнула Катя, — ура герою Телёнкину!

— Подумаешь! — проворчал Толя. — Нашли героя! Идёт да в завалы проваливается!

Самой последней выбралась из завала Светлана. Она боялась, бодрилась, а минутами совсем теряла и волю и силы. Но странно, всё-таки где-то, в глубине сознания, она ликовала. Где ещё пришлось бы ей пережить такие приключения! Разве во сне. Да и во сне такого никогда не приснилось бы!

Выйдя на поляну, где наверху, на светлом склоне, стоял полированный камень, ребята повалились от усталости.

— А к камню будем подыматься? — спросила Светлана. Хоть и устала она до смерти, но жажда новых и новых впечатлений не исчезла.

— Не будем, — коротко ответил Толя.

— Будем, — тотчас возразила ему Катя.

— Вроде как придётся подняться, — сказал Серёжа, — поискать тропу у камня. Да и к могиле хорошо бы подойти!

Прошло десять — пятнадцать минут. Первой наскучило отдыхать Кате.

— Я пойду пока...

И она пошла вверх по сопке. Светлана вскочила тоже.

— И я!

Вскоре и остальные приплелись наверх.

— «...Слава героям, павшим смертью храбрых в борьбе за Советскую власть. 1919 год», — медленно разбирая буквы, прочёл Серёжа и снял кепку.

— Ребята-а! — жалобно проныл Антон.

Все молча выстроились у могилы. Толя и Антон тоже сняли свои кепки. Серёжа ещё раз прочёл надпись, вырезанную на камне. И задумчиво, сурово сдвинув брови, сказал:

— Они воевали здесь и умерли. Легко им было, что ли? Нет уж. Нелегко, поди. И голодали и в снегу ночевали...

Все молчали.

— А мы?— снова начал Серёжа.— Третий день в тайге — и уже устали, уже расхныкались. А ведь мы пионеры! Ленинцы! Красные галстуки носим! Эх!..

При этих словах ребята незаметно выпрямились, подтянулись, подняли головы.

— А чего мы? — сказал Антон.— Мы... эта... ничего. Живые.

— Конечно, живые,— тонким голосом подтвердила Светлана,— вот ещё!

— Ну, а пока живые, не хныкать,— заключил Серёжа,— и становись в линейку! Отдадим погибшим героям наш пионерский салют. Командуй,— обратился он к Толе,— ты ведь председатель совета дружины!

Толя тотчас подтянулся, выступил вперед.

— Равняйся! — скомандовал он.

Ребята выровнялись в линейку.

— За дело Коммунистической партии... будьте готовы! — торжественно произнёс Толя и поднял руку.

— Всегда готовы! — ответили пионеры, отдавая салют. Так простояли несколько минут.

— Вольно! — скомандовал Толя.

И вдруг, сразу завянув, он обернулся к Серёже: — Ну хорошо, а что же теперь?.. Где же та тропа у камня, которую ты обещал?

— Искать надо.

— Вчерашнего дня?

— А ты замолчи! — закричала на Толю Светлана.— Сам хныкало и других расстраиваешь! Председатель совета дружины тоже! Вон ступай в кустарник, там и похнычь.

— Я хныкало? — возмутился Толя. Только что ребята так уважительно слушали его пионерскую команду — и вот опять!

— Не ссорьтесь у могилы! — сурово остановил их Серёжа.

— Смотрите, — обрадованно сказала Катя, — а ведь у камня ирисы!

— Может, они десять лет назад посажены...

Светлана обошла вокруг камня. И вдруг увидела, что один ирис заботливо привязан к палочке. Видно, стебель был сломан или клонился в сторону, а кто-то пришёл и привязал его.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Светлана.— Ирис к палочке привязан! Десять лет назад, что ли, его привязали? Или он с палочкой вырос?

— Конечно, тут бывают люди, — сказал Серёжа, — давайте искать тропу.

— А эта... как её... — негромко заговорил Антон, уставившись куда-то на гривку склона.— А это не тропа?

Серёжа сразу зашагал туда, куда показывал Антон. Да, это была тропа. Только кем она протоптана? Людьюми? Или козами, которые любят бегать по каменистым вершинам?

Ребята постояли у этой неясной тропки и решили идти по ней: другой-то никакой не было.

Тропка снова увела их в лес. Сначала было страшно: заведет в лес да снова исчезнет! Но чем дальше ребята шли, тем больше убеждались, что это всё-таки настоящая человеческая тропа.

— Уж теперь-то куда-нибудь придём! — с облегчением вздохнула Катя, когда увидела, что на тропе совсем пропадает трава и дорожка становится торной.

Неожиданно тайга расступилась, и среди светлой долины, окруженной сопками, ребята увидели дом.

— Ура! Спаслись! — Антон начал бросать вверх свою измятую кепку.

— Тише, — сказал Серёжа, — что это, как банда какая? Если дом, — значит, люди живут. Надо вежливо входить, а не орать.

— Ничего! Если забранят, потерпим! — отмахнулась Светлана.

Однако все притихли и начали приводить себя в порядок: отряхаться, обтирать о траву ботинки, причёсываться... Но как ни пытались они придать себе приличный вид, из этого почти ничего не вышло.

Но что же теперь делать? Уж какие есть!

Дом был низкий, широкий, сложенный из толстых брёвен, с большими окнами, с хорошим крылечком. Огромная столетняя ёлка, обросшая седым, голубоватым мхом, свешивала над тесовой крышей дремучие ветви. Тут же по еловым ветвям богато зависала дикий виноград с маленькими зелёными кисточками. Высокая полынь-артемизия вся в мелких жёлтых цветах, светлая и серебристая, обступила дом, доставая верхушками до крыши.

— Всё заросло... — прошептала Светлана.— Как в «Спящей красавице»... Значит, тут никто не живёт?

— Посмотрим, — ответил Серёжа, — бывает, что и живут. А чаще так — придут, переночуют и дальше идут.

Дверь оказалась запертой. Замок с толстой дужкой висел на железных кольцах, окна были закрыты ставнями, и на поляне вокруг дома стояла глубокая полуденная тишина.

— Никого! — вздохнула Светлана.

Ребята растерянно переглянулись. Серёжа, чуть нахмурясь, поглядел на них, закусив губу.

Подавленные, примолкшие стояли они и глядели на запертую дверь. Силы вдруг покинули их. Так они были уверены, что сейчас встретят людей, что тут их накормят, дадут отдохнуть, отправят домой... И вот — никого.

Антон присел на ступеньку, бросив на траву свой пустой, до смерти надоевший ранец.

— Что же делать будем, а? — спросил Серёжа, ни к кому не обращаясь.

На этот раз и он растерялся. Когда уже казалось, что все испытания окончены и все беды пройдены, их встречает запертая дверь. Если бы хоть войти в дом!

— Вы пока решайте, — сказала Катя, — а я в холодке посижу.

И она уселась в тени под ёлкой.

— Я не знаю, что делать, — сказала Светлана, — только идти дальше я совсем не могу. Ну, не могу — и всё!

И она растянулась на траве около Кати.

— Ждать будем? — обратился Серёжа к Толе.

Толя стоял, прислоняясь к перильцу крыльца.

— Решайте, — ответил он, приподняв брови и глядя в сторону, — вы же теперь всё сами, без меня решаете.

Снова наступило молчание. Только кузнечики стрекотали в дышащей жаркими запахами траве, и от их стрекотания тишина казалась ещё более глубокой, ещё более нерушимой.

Понемножку подкрадывалось отчаяние. Ну, что делать? Идти нет сил. Ждать? Кого ждать? И сколько времени ждать? Час, день, неделю? А может, и до самой осени никто не заглянет в этот таёжный дом?!

Лишь один Антон ни о чём не думал и не расстраивался. Вернее, он тоже призадумался было, но сидеть, привалившись к перильцам, было так удобно, а солнышко так славно пригревало, что печальные думы как-то незаметно рассеялись и приятная дрема начала заволакивать глаза.

Где-то над головой, может быть, на старой ёлке, прощбетала птица.

«Видит, что мы тихо сидим, вот и прилетела,— подумал Антон,— а вот и другая, на крыше... Как бы на голову не села! Интересно, что это птицы тут крутятся, около дома? Разные птицы, целая стая. И чего им тут надо?»

Но лень было пошевелиться, лень обернуться и поглядеть. Мало ли птиц в тайге...

Но вот одна прошумела крыльями совсем близко от крыльца. Антон открыл глаза. Недалеко от дома на тонкой ветке калины сидела птица с лиловой шейкой и с бледнокрасным пером на крыле... Антон поморгал ресницами: приснилось ему, что ли? Ведь это сизая лесная горлица, он горлиц сто раз видел... Но почему же у неё шейка лиловая, будто выкрашена чернилами? У Антона мать вот так же своих кур метит — покрасит чернилами, они и ходят целое лето с лиловыми шейками, и никакой дождь эту метку не смывает...

Вдруг Антон широко раскрыл глаза и весь встрепенулся.

«Покрасили чернилами!.. Горлицу покрасили!..»

Сразу вспомнился вечер перед грозой. Антон лежит в постели. А за стеной, в соседней комнате, сидят с отцом гости-биологи, и один за другим текут их весёлые рассказы. И не то сон, не то рассказ — Борис Данилыч держит в руках сизую птицу и красит ей шейку лиловой краской, а крылья — красной. И снова слышит он его смех и слова:

«Красная — то краска смылась, а лиловая — чернила это были — осталась. Ну, Саша и догадался!..»

А теперь эту птицу с лиловой шейкой Антон видит перед собой. Вот она сидит на калиновой ветке и поглядывает на крыльцо... А почему поглядывает? Да потому, что биолог Саша прикармливает их здесь!

— Антон, ты что? — с тревогой спросил Серёжа, заглянув ему в лицо. — Ты кого увидел?

— Подожди, подожди!.. — поморщился Антон, отмахиваясь от Серёжи. — Не мешай мне... Я... эта... думаю.

— Тише, Чапай думает, — отозвалась из-под ёлки Катя.

«Избушка в лесу... Лабаз?.. — Антон старался припомнить всё, что слышал в тот вечер. — Лабаз... Так, значит, этот дом и есть тот лабаз, где биологи живут в тайге... Стой!»

Антон вскочил.

«...Ключ у нас всегда у крыльца под крышей висит».

Антон, ни слова не говоря, начал взбираться на перила крыльца. Ребята с изумлением смотрели на него.

Антон встал на перильца и полез рукой под крышу. С минуту он молча шарил по карнизу. И вдруг с радостным криком:

— Спасибо, Борис Данилыч! — достал из-под крыши ключи.

— Вот они!.. Эта! Вот они! — закричал он, гремя ключами. — Эта! Ага!

Он соскочил с перилец и, держа светлое колечко, на котором висели два больших ключа, ещё раз позвенел ими перед удивлёнными глазами ребят. Девочки вскочили. Толя поднялся на ступеньки.

— Откуда ты узнал? Как ты догадался?

— Вот и знал. Вот и... эта... догадался!

Антон встал на перильца и полез рукой под крышу.

— Дай-ка сюда, я открою, — сказал Толя, протягивая руку.

Но Антон живо отдернул ключи и прижал их к животу.

— Ишь ты! Я... эта... нашёл!

— Ну так открывай, если нашёл! — засмеялась Катя. — Что ж, ты их теперь на животе греть будешь?

— Ну открывай, открывай же! — закричала Светлана. — Вот телятина!

Антон подошёл к двери, не спеша отпер замок.

— Кто первый? — спросил он, оглянувшись на ребят.

— Уж иди ты, — улыбаясь, сказал Серёжа, — ты ключи нашёл, ты и входи.

Антон медлил, держась за ручку двери.

— Ну что же? — нетерпеливо крикнул Толя.

— Да... а... эта, как её... говорят, тигры в пустые дома забираются, — сказал Антон, нерешительно поглядывая на ребят, — залезают и лежат там... И рыси тоже...

— Ну, давай я пойду, — предложил Серёжа, — откуда он в такой дом взлезет, когда всё закрыто?

Антон взглянул на ставни в окнах, набрал воздуха в лёгкие, отворил тяжёлую дубовую дверь, шагнул за порог... И тут же с визгом вылетел обратно. Дверь тяжело захлопнулась. Антон отбежал от крыльца на поляну. Глаза его стали круглыми от страха.

— Он... Как его!.. Говорил ведь! Он!

— Кто, тигр?— наперебой спрашивали ребята.— Тигр, да?

— Он!— повторял Антон.— Он... там!..

Ребята глядели друг на друга. Как это может быть? Такой крепкий дом, и крыша крепкая. И дверь такая, что не отроешь. Не в трубу же он спустился? Да в эту трубу и козлёнок не пролезет.

— Ты что видел-то?— спросил Серёжа у Антона.

— Клыки видел!— взволнованно прошептал Антон.— И глаза жёлтые... и... эта... уши!

Серёжа, что-то решив про себя, пошёл к дому. Он тихо поднялся на крыльцо, послушал у двери. Ни звука, ни шелеста. Он громко постучал ключами— та же безответная тишина. Серёжа приоткрыл дверь. В домике был сумрак, только солнечные лучи, прорвавшиеся в щели ставней, пересекая комнату, освещали её. Луч из крайнего окна падал прямо на жёлтый, с чёрными полосами широкий лоб тигра. Глаз его блестел, как большой, с чёрной точкой янтарь.

На мгновение у Серёжи дрогнула рука и захолонуло сердце. Но это было только мгновение. Он тут же почувствовал, что этот глаз блестит не живым блеском: так блестят бусы, кусочки стекла...

Приглядевшись как следует, Серёжа засмеялся и распахнул дверь:

— Входите! Хозяин приглашает!

Антон, со страхом глядя на Серёжу, подумал, что, наверно, Серёжа заболел... Но ребята уже бежали на крыльцо. Они уже входили вслед за Серёжей в дом, они уже смеялись там. Вот открылась ставня, распахнулось окно...

Антон медленно побрёл к дому. С опаской войдя в комнату— разве он не видел клыков и рыжего полосатого лба?— он встретился глазами с янтарным взглядом тигровой шкуры, лежавшей на деревянной койке. Это был тот самый тигр, которого когда-то поймал в капкан и убил Андрей Михалыч.

Антон перевёл дух и смущённо улыбнулся:

— Здорово... как его!

В доме было всё, что требовалось для обихода. У окна стоял большой, чисто вымытый стол, около него табуретки. В углу печка с плитой. На стене висела деревянная полка, на которой стояли две кастрюли, миска и чугунок. Под ней— небольшой ларь с тяжёлой крышкой. Антон подошёл и поднял крышку.

— О!— Лицо его расплылось в улыбке и сразу напомнило прежний румяный колобок.— Тут... эта... эта... всё!

— Что всё?— Катя оттолкнула Антона, пощупала мешочки, лежащие в ларе.— Крупа, сахар... Ой, ребята, мы можем обед сварить! Ура! Ура! Ура!

— И чай с сахаром!— подхватил Антон.— Тут и сухари есть! Эта... чёрные, с солью!

Ребята ликовали, забыв про усталость. Какая там усталость! Они плясали, хлопали в ладоши, говорили все разом о том, что надо сейчас сделать и что они сделают.

— Ну, довольно кричать!— прервал их наконец Толя.— Разжигайте печку, есть до смерти хочется!

— Серёжа!— спросила Светлана.— А это ничего... что мы чужое берём?

— Ничего,— ответил Серёжа, у которого губы так и расплывались в улыбке.— Это и оставлено для тех,

кто в тайгу за делом идёт. Или заблудится. Это научной станции лабаз. Биологи ходят, энтомологи там... Для них и харчи оставляют. Мы скажем потом нашим, что у них взяли, наши отдадут. Ничего.

Светлана снова повеселела, захлопотала.

— Ребята, кто-нибудь за водой! Печку, чур, я растапливать. Пошли за хворостом! Катя, а ты...

— А я буду кашу готовить. Тут пшено есть.

— Ура! Кашу!..— заорал Антон и схватил ведро.— За водой!

Около дома Антон нашёл небольшой родничок. Дикие жёлтые бальзамы свешивались над прозрачной водой, и маленький ключ позванивал где-то под зелёными ветками. Антон зачерпнул воды и ушёл. А Катя решила вымыть пшено тут же, под ключом. Она мыла пшено и глядела кругом. Здесь всё было хорошо: и дом, и ключ, и виноград, повисший на ёлке. Здесь и солнце светило веселее и тайга глядела дружелюбнее. Ой, как хорошо, что они наконец вышли сюда!

Когда Катя принесла кастрюлю с промытым пшеном, в плите уже бушевало пламя. Светлана орудовала короткой кочерёжкой и кричала, чтобы ей давали скорее дров. Серёжа около крыльца рубил дрова— топорик он нашёл тут же, в уголке у плиты.

— Ставь сюда, ставь на середину!— закричала Светлана Кате.— А чайник на ту сторону! Вот всё сразу и закипит.

Катя посмотрела на раскрасневшуюся, увлечённую своими делами Светлану и засмеялась.

— Что, сразу ожила?

Но Светлана только отмахнулась от неё.

— А чем кашу есть будем?— вдруг забеспокоился Антон.— Ложек-то... эта...

— Толя, посмотри в столе,— сказала Катя,— ты рядом там сидишь. Не может быть, чтобы в таком доме ложек не было!

— Да вы кашу-то сначала сварите,— ответил Толя,— суетятся... Не дождёшься ничего.

— Ишь ты! Холопы суетятся, а барин ждёт!

— Шути, только поумнее,— отозвался Толя.

— А я не шучу,— возразила Светлана,— как вошёл, так и сел! И не шевельнулся ни разу.

— Ну, что ты к нему пристала, Светлана?— остановила её Катя.— А что он будет делать? Он же дома привык, чтобы ему подали да приняли от него. За ним и сейчас мать, как нянька, ходит.

От этой коварной защиты у Толи краска бросилась в лицо.

— Ну и привык!— запальчиво сказал он.— А почему это я должен на стол подавать? Ещё, может, скажете, я и посуду мыть должен? Что я, девчонка, что ли?

— Ох, ты, скажите, пожалуйста!— закричала Светлана.— Это, значит, девчонки за ним убирать должны?..

В это время Серёжа принёс охапку мелко расколотых дров и с грохотом бросил их у плиты.

— А мальчишки должны за него дрова колоть да за водой ходить?— продолжала Светлана.— Только один Анатолий ничего никому не должен!

— Не беспокойся,— сердито ответил Толя.— Анатолию дел хватает. Вся пионерская дружина на Анатолию висит!

— Думается, больше не будет она на тебе висеть,— сказал Серёжа.

— Как это не будет?— Толя удивился и встревожился.— А почему это не будет?

Но Серёжа уже не слушал.

— А что,— обратился он к ребятам,— мы, пожалуй, потом и сами все вымоемся тёплой водой как следует, а?

— Мыться полагается до обеда, — сказала Катя. — Вода горячая есть.

Но тут все заняли: «Ну вот ещё, мыться! Есть до смерти хочется!», — и Катя не стала настаивать.

— Садитесь за стол! — приказала Светлана. — Катя готова.

— Ура! — завопил Антон и бросился к столу, роняя по пути табуретки.

Всадники решили, что ребята пошли по тропинке — да и трудно было решить иначе, — пустили лошадей рысью. Когда стали переходить через ручей, Андрей Михалыч опустил повод, — пускай лошадь сама найдёт тропу на другой стороне ручья, человеку, даже опытному, угадать её в зарослях кустарника трудно.

Лошадь безошибочно нашла дорогу. Она влезла в самую чащу бересклета и орешника — Андрей Михалыч даже усомнился на минутку: куда это она, в чащобу? Но тропа была как раз тут, укрытая ветками кустарника. Выбежав на пригорок, тропа уже свободно вилась среди высоких деревьев.

«Если нашли тропу через ручей, то молодцы, — подумал Андрей Михалыч, — но нашли ли?..»

Проехав минут десять по тропе, Иван Васильевич окликнул объездчика.

— Андрей Михалыч, а меня что-то сомненья берут, как это они перешли через ручей и ни одной веточки не обломали? Ведь пять человек шли...

— На песке никаких следов не было, — задумчиво сказал Алёша.

Андрей Михалыч остановил лошадь, внимательно оглянулся кругом:

— Будто сквозь землю провалились.

— Провалились — и то ямка была бы, — нехотя усмехнулся Иван Васильевич. — Неужто их леший завал понёс?

— Давайте ещё покричим, — предложил Алёша, — может, путаются тут где-нибудь в кустах, честное слово!

И опять все трое начали кричать. Кричали, пока не охрипли. А когда, ни до кого не докричавшись, всадники взялись за поводья, вдруг откуда-то издали, с высоких сопков, до них долетел неясный человеческий голос:

— Э-гей! Эй! Эй!

Всадники повернули лошадей и направились по редколесью туда, откуда доносились голоса. Они нетерпеливо вглядывались вдаль: не мелькнёт ли где белая рубашка или пёстрое платьишко? Но белели пригоршни соцветий на кустах калины, пестрели яркими гвоздиками и колокольчиками солнечные полянки, а людей не было.

— Стой! — Алёша вдруг поднял руку. — Там... Э-гей!

— Э-гей! — откликнулся совсем близко басистый голос.

И с гольца прямо под морды лошадям соскочили двое.

— Э! — удивился Андрей Михалыч. — Борис Данилыч!

— Я, — ответил Борис Данилыч, — я и Саша. Мы. А вы кого-нибудь ещё звали?

Всадники сошли с лошадей. Поздоровались. Рассказали, что уже третий день блуждают по тайге, ищут ребят. Вроде и на следы нападали, а потом опять сбивались: какие-то сапоги с подковками путали их...

— Сапоги с подковками? — Борис Данилыч пристально посмотрел в лицо Андрею Михалычу. — Сапоги с подковками?

Ничего не говоря, он прошёл, тяжело ступая по мягкой тропинке, несколько шагов. И так же молча показал рукой на отпечатки своих следов.

— О-ох! — простонал Андрей Михалыч. — Да что ж я сейчас с вами сделаю!

Борис Данилыч молча развёл руками.

— Ну, что ж, — сказал он, — пойдёмте к нам в лабаз, отдохнём. А там уж отправимся все вместе искать ребят. Вон, видите, на сопке чёрный базальт? Партизанскую могилу? Ну так вот, мимо той могилы тропа к нам.

— Поехали, — сказал Андрей Михалыч. — Саша, садись ко мне. А Борис Данилыч к Алёше сядет: у него лошадь дюжая.

Выехав на поляну, где стоял домик биологов, всадники слезли с лошадей. Алёша и Саша остались расседлать лошадей, напоить, стреножить и выбрать им пастбище получше, а Борис Данилыч, Андрей Михалыч и Иван Васильевич направились к дому.

— То мы у вас в гостях, а то вы у нас! — сказал с улыбочкой Борис Данилыч, стараясь разогнать подавленное настроение своих спутников. — Эге! А что ж такое я вижу: окна-то в доме открыты? Неужели это мы их так оставили? Не может быть! Эге, эге! — Борис Данилыч повысил голос. — А из трубы-то, глядите-ка, дым идёт! Там уж кто-то без хвостов гостюет!

— Да это наши ребята гостюют, вот убей меня гроза, — сказал Иван Васильевич, и голубые глаза его просияли, — как пить дать!

Они неслышно подошли к дому. Из открытых окон доносились голоса.

— Так и есть, — наконец усмехнулся и объездчик, — они. — И остановился у открытого окна. Он снял кепку, вытер платком лицо и с облегчением перевёл дух. Живы ребята!

Ребята обедали. Как они веселились, как они хвалили пустую, немасленную пшённую кашу!

Андрей Михалыч поднялся на крыльцо и уже взялся за скобу, но его остановило то, что он нечаянно услышал в открытое окно.

— У нас в это время ничего не было, — громко сказала Катя Крылатова, — у нас ни крошки ворту не было, а ты, Анатолий, один съел большой шоколад. Я видела. На вот бумажку! Ты уронил.

На стол с тонким звоном упала бумага с «золотцем». Кто-то начал расправлять её ладонью на столе.

— Ого! Сливочный!.. Экстра!.. — Антон вкусно причмокнул губами.

— Да с него бы, с вашего Анатолия, разве только за это надо галстук снять! — подхватила Светлана, и тонкий голосок её задрожал. — А водил нас по бес-тропью только лишь из-за одного хвастовства, лишь бы на своём поставить! А на дерево от кабанов залез, сам спрятался, а до остальных и дела нет? Да я бы такого пионера одного дня в отряде не держала! А вы его ещё на Выставку посылаете!

— Что такое? — вдруг взревел Андрей Михалыч и ударом кулака распахнул дверь. — Понятно, всё понятно!

Он замахнулся на Толю плёткой.

— Это всё правда? Отвечай!

Толя побледнел. Но, подняв на отца глаза, ещё крепче сжал губы. Борис Данилыч схватил Серебрякова за руку, и тот опустил плётку.

Вошёл Иван Васильевич, а за ним Саша Боровиков и Алёша.

Вот это была неожиданность. Ребята так и застыли, кто где сидел. Только Светлана охнула тихонько. Первый опомнилась Катя.

— Папаня! — закричала она. — Ты здесь! Приехал!..

И бросилась к отцу. Она обняла его за шею и вдруг заплакала.

Тут все заговорили, закричали — каждый своё.

— Катя, да чего же ты плачешь! — засмеялась Светлана. — Когда плохо было, так ни одной слезинки! Дядя Иван Васильевич, вы знаете, всё время она весёлая была, а я ревела, сколько раз ревела!

— А Сергей нас вывел... эта... — начал было Антон. Но Сергей прервал его:

— Ну и ладно. Вот ещё — вывел! Нашёл, про что говорить!

— Папаня, а ведь Антон у нас, оказывается, такой парень геройский! — утирая слёзы и смеясь, стала рассказывать Катя. — Вот, папаня, ты знаешь, мы все над ним смеялись, а он, знаешь, как лианы резал и рвал, чтобы нам выйти! И ягоды прямо из-под морды у медведя выхватил — это чтобы нам принести! И кабанов пугал. И в бестропье всё время с Серёжкой впереди!

— Только если бы не Сергей, мы бы... — начала было Светлана.

Но Серёжа опять прервал её:

— Да ладно тебе. Вот ещё!

Иван Васильевич улыбался, кивал головой и всё повторял:

— Ремнём бы вас всех, чтобы не убежали! Ремнём бы или хворостиной здоровой!

— Ну, что же, — сказал, усмехаясь, Алёша, — вы тут подкрепились, как водится? Молодцы! Вот путешественники, честное слово!

Он говорил, а сам косился на Андрея Михалыча, который стоял у окна, ни на кого не глядя. Толя сидел за столом, опустив голову, и молчал.

Андрей Михалыч обернулся, покосился на сына:

— Ну, а ты что же про свои подвиги не расскажешь, председатель? Что же ты молчишь, ты ведь у нас оратор. — И, обернувшись к Алёше, добавил: — Вот, полюбуясь, вожатым, какого «героя» мы с тобой вырастили, воспитали! А я-то думал... сын у меня... — Он не договорил и махнул рукой.

Алёша, ничего не понимая, поглядел на Толю. — В чём дело, Анатолий? Что такое тут?..

Толя сверкнул на него потемневшими глазами и снова опустил ресницы. Губы его подрагивали, тонкие брови сошлись к переносью. Слёзы душили его, но Толя терпел. Только бы не заплакать! Только бы не заплакать! Только бы не заплакать!

— Что ж, Андрей Михалыч, — Иван Васильевич прервал тяжёлое молчание, — поблагодарим Бориса Данилыча, да и домой бы! Дома-то беспокоятся.

— Да, — объездчик хлестнул плетью по сапогу, — надо домой.

Он зашагал было к выходу, но у двери обернулся.

— Счастливый ты, Иван Васильевич. Гордиться можешь своими детьми. И завхоз Телёнкин может гордиться. И на эту вот, — он указал на Светлану, — на городскую, — только радоваться. А мне...

Он махнул рукой.

— Ничего не понимаю, честное слово! — пожал плечами Алёша. — Что же это Анатолий натворил?

— Вот то-то и плохо, что вы, пионерские вожатые, ничего не понимаете. Глядели бы внимательней, кого в отряде отличаете, заглядывали бы в человека поглубже, так понимали бы! — оборвал его Андрей Михалыч. — Съесть кусок тайком от товарищей! Да мне на свет стыдно глядеть, что у меня такой сын!

— Да что вы уж так-то, Андрей Михалыч, — вступился Борис Данилыч, — не сердитесь, бросьте. Жизнь-то ещё впереди. Человек ещё молодой, десять раз переменится!

— Ребята, домой! — нахмуясь, крикнул Алёша. — Дома разберёмся.

— Домой! Домой! — подхватили ребята.

— Подождите! — остановила их Катя. — Надрызгали, а убирать за нами кто будет? Борис Данилыч, да?

— Дельное замечание, — сказал Алёша, — прибирайтесь. А мы пока лошадей оседлаем.

— Ну что же, Анатолий, — Иван Васильевич тронул за плечо Толю, который всё ещё неподвижно сидел у стола, — поедем, брат, на этом дне жизнь не кончается.

Толя встал. Отыскав кепку, надвинул её на лоб и молча вышел из дома. И так же молча, ни на кого не оглянувшись, пошёл вниз по тропе.

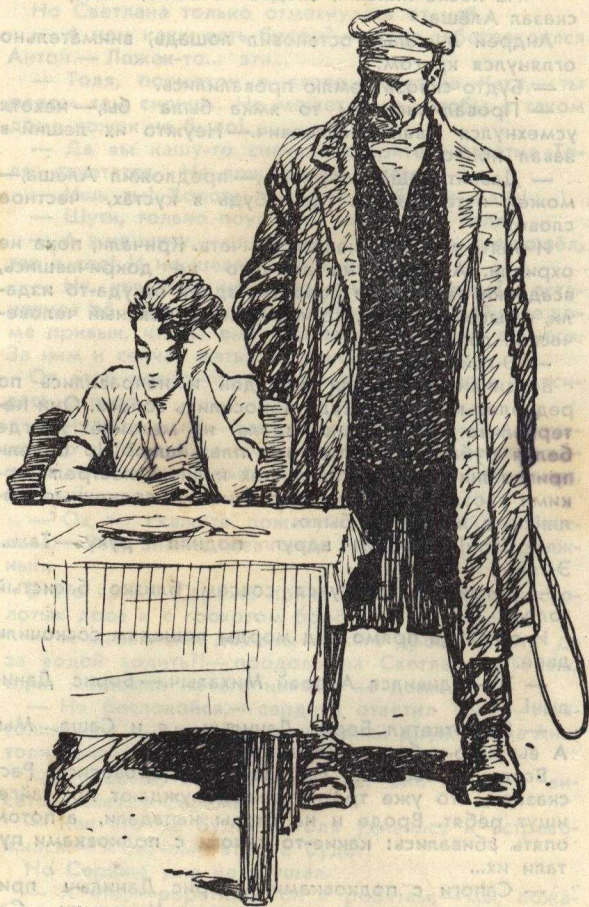
— Эй! Куда ты один? — закричал Антон. — Тольян, куда!.. Э!..

— Э!.. Подожди! Вместе пойдём! — закричал и Серёжа. — Андрей Михалыч, смотрите, Толя один пошёл!

— Пусть идёт! — ответил Андрей Михалыч, седлая лошадь.

Андрей Михалыч не обернулся и не посмотрел на Толю. Он был рассержен, обижен, огорчён, он презирал сына. Но сквозь это презрение к сыну пробивалось и тягостное недовольство собой. А сам-то он, отец, прав ли? Учил переходить через ручьи, учил разжигать костры и влезать на деревья. А быть хорошим товарищем, а помогать другу, когда тебе и самому тяжело, делить последний кусок хлеба — этому не учил! Да и как придёт в голову учить этому? Ведь это само собой должно быть понятно!

А Толя шёл и шёл, не оглядываясь. Может быть, впервые он по-настоящему задумался о том, как

— Ну, а ты что же про свои подвиги не расскажешь?

важна в жизни пионерская дружба, как нелегко заслужить её, как крепко надо её беречь и как страшно её потерять. Так и ушёл один, никому не сказав ни слова, и зелёные цветущие заросли приняли и заслонили его.

Алёша молча проводил его глазами. Он тоже был расстроен.

— Ничего,— сказал Иван Васильевич,— перемелется, мука будет. А парень того, задумается. Вот съездит на Выставку...

— Ни на какую Выставку он не поедет,— возразил Андрей Михалыч,— на Выставку посылают лучших!

— «Задумается»!— повторил Алёша слова Ивана Васильевича.— Тут не только Анатолию придётся задуматься. И как же это всё так получилось? Честное слово, понять не могу!..

В это время из дома вышел Серёжа.

— Папаны,— обратился он к отцу,— у тебя рожок с собой?

— С собой. А что тебе?

— Мне бы надо тут ещё остаться.

— Это зачем же?— удивился Иван Васильевич.— Ещё не устал нешто? Ещё по дому не соскучился?

— Да нет, не это... Серёжа тербел в руках свою рыжую кепку.— Богатыря-то мы не загнали... А ведь он тут где-то, бродяга, ходит!

— Почему ты думаешь, что тут?

— Да уж знаю. Всё время за нами ходит, а в руки не даёт. Вот если вы тихо посидите в доме, он обязательно подойдёт! На рожок подойдёт!

Борис Данилыч улыбнулся.

— Ну что ж, товарищи! Давайте посидим. Хоть чайку попьем.

Все снова вошли в дом. Борис Данилыч расшевелил огонь в печи, поставил чайник. А Серёжа взял у отца рожок, вышел на поляну перед домом и заиграл. Звонкая, чистая песенка понеслась в тайгу, она искала марала, звала его, подманивала... Она взлетала к вершинам сопки, где выются каменные козы тропки, она проникала в распадки и вплеталась в звон ручьёв. На одной из полянок, усеянной солнечными пятнами, она отыскала Богатыря, отдыхавшего под липой. У марала дрогнули уши, он прислушался, раздул ноздри, встал... Это его звала знакомая, звонкая, как ручей, песня, добрая, как хлеб, ласковая, как тёплая мальчишечья рука...

Серёжа стоял и играл. Он волновался: а вдруг ушёл золоторогий бродяга, убежал куда-нибудь в далёкие солонцы вместе с кабарожим стадом? А может, стоит где-нибудь недалеко, и слушает, и не хочет выйти?

Серёжа всё играл песенку про чибиса, всё повторял один и тот же мотив.

— Забыл его Богатырь,— вздохнул Алёша.

Но Иван Васильевич, глядя в тайгу прищуренными глазами, негромко возразил:

— Не должно бы. Нет, не должно бы.

— Не забыл, не забыл,— торопливо подтвердила Катя,— ни за что не забыл!

Все они тихо стояли у окон и смотрели на Серёжу. А Серёжа всё играл.

— Настоящий парень,— прошептал Андрей Михалыч,— молодец. Марал, конечно, не выйдет. Но у парня есть характер. Факт.

— Идёт!— вдруг охнула Светлана.

Она первая увидела, как дрогнули ветки широкой орешины на опушке и как среди светлоселёной шершавой листвы показалась жёлтая рогатая голова.

— Идёт!— вздохом прошло по комнате. И тут же Антон Телёнкин, желая получше рассмотреть марала,

полез на табуретку с ногами, оступился, потерял равновесие и с грохотом обрушился на пол.

— Как всегда!— сказала Светлана, а Катя залилась смехом, изо всех сил зажимая рот.

Серёжа всё играл. И, не переставая играть, отходил к крыльцу. И марал, словно притягиваемый волшебным зовом, медленно, нерешительно переступая длинными ногами и высоко подняв голову, вышел на поляну. Темнобурый с жёлтыми подпалинами, он стоял и глядел на Серёжу. Солнце ударяло ему в затылок, и панты его, нежные, светлосерые, широковетвистые, будто сияли на голове.

— Хорош!— прошептал обездчик, и впервые за это утро на губах у него появилась добрая улыбка. Обращаясь к ребятам, он сказал:

— Вот этот парень и поедет на Выставку.

— Да ведь как сказать...— Иван Васильевич замялся.— Не мы это дело решаем, Андрей Михалыч,— пионерская организация на то...

— Ничего,— ответил Андрей Михалыч,— я особое заявление в пионерскую организацию сделаю. Заявление члена партии. Учтут, я думаю.

— Конечно, учтём,— вмешался Антон.— Мы эта...

— Вот именно,— заключил Алёша и, взъерошив Антону волосы, обернулся к Ивану Васильевичу.— А ведь марала-то, наверно, и заарканить можно?

— Не надо арканить,— сказал Иван Васильевич,— можем панты ему повредить. Он сам за нами домой придёт. Серёжа поиграет, а он и придёт.

Серёжа перестал играть и открыл дверь в дом.

— Видите?— спросил он радостный, раскрасневшийся, с большими сияющими глазами.— Вы его видите?

— Видим, видим!— ответили ему.— Спасибо, Серёжа!

«И что это мне казалось, будто Толька красивый?— подумала Светлана, встретив серёжин взгляд.— Да ведь Сергей-то гораздо лучше его! Уж если кто красивый у нас, так это же он! Серёжа».

— Заманишь Богатыря домой, Серёжа?— спросил обездчик, надевая кепку.— Или как?

— Заманю, Андрей Михалыч,— ответил Серёжа,— теперь, с рожком-то, обязательно заманю!.. Арканом-то я не сумел. А рожком обязательно!

Путники поблагодарили хозяев домика и, кто на лошади, кто пешком, отправились домой. Они уходили не спеша. Зелёная тайга постепенно заслоняла их ветвями. Борис Данилыч и Саша, стоя у крыльца, долго глядели им вслед. А потом вошли в дом и закрыли дверь.

Снова тихо стало на поляне. Плюмкала вода в ключе под жёлтыми балзаминами. Ярко пестрели цветы. Высокая полынь-артемизия неподвижно стояла вокруг затихшего домика, словно сторожа и оберегая его, и старая ёлка склоняла над крышей узорные плети дикого уссурийского винограда...

Были здесь ребята или не были? Веселились ли тут, ссорились ли? Ушёл ли отсюда один, наказанный одиночеством за то, что больше всех своих товарищей любил самого себя, не уважал пионерских традиций и не берёг пионерской чести?..

Да, всё это было. Богатырь, умчавшийся было в чаще, снова стоял на опушке и смотрел туда, куда ушли люди. А что же делать ему? Идти за ними следом или, закинув рога, ускорять в тайгу?

Но чу! Опять она, эта песенка! Опять рожок зовёт его знакомым, добрым голосом, зовёт, обещает...

Марал облизнул шершавым языком свои чёрные губы и медленно зашагал туда, куда звал его серёжин рожок.

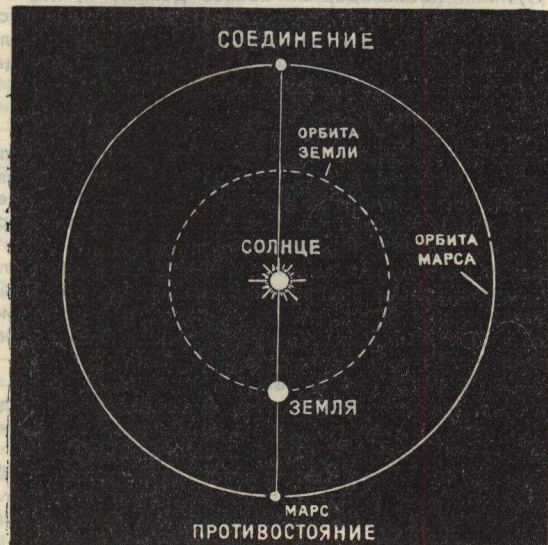
Марс

приближается к ЗЕМЛЕ

КРАСНАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Каждый вечер, вот уже много недель, телескопы обсерваторий разных стран обращены к восточному сектору неба... Там сверкает красновато-оранжевая звёздочка, выделяясь яркостью среди окружающих звёзд.

Это планета Марс, один из самых близких наших соседей в солнечной системе. Ещё весной Марс вовсе не казался таким ярким. Но уже в июне он блеснул сильнее, чем большой, хотя и далёкий Сатурн. В июле Марс сверкал так же ярко, как великан Юпитер, в августе превзошёл и его, а сейчас, в сентябре, уступает в яркости только Венере, которая появляется на рассвете, перед восходом Солнца.

Просмотрите внимательно положение Марса, Земли и Солнца на этом рисунке, и вы сразу поймёте, почему Марс бывает то ближе к нам, то дальше от нас.

Все эти месяцы блеск Марса возрастал потому, что Марс приближался к Земле. 7 сентября он подошёл к ней на самое короткое расстояние.

Но как и почему Марс иногда приближается к Земле? Чтобы объяснить это, мне придётся рассказать вам немного о солнечной системе и о том, как движутся Земля и Марс вокруг Солнца.

У Солнца большая свита. Девять планет сопровождают его в пространстве, обращаясь вокруг него по своим путям — орбитам.

Из всех девяти самая близкая к Солнцу планета — Меркурий. Затем идут Венера, Земля и Марс.

Итак, Венера и Марс — наши ближайшие соседи. Но эта близость, конечно, только сравнительная: Венера никогда не бывает к нам ближе, чем на 40 миллионов километров, а Марс держится ещё дальше. Он совершает каждый свой оборот вокруг Солнца почти вдвое дольше, чем Земля. Ведь его орбита больше, чем орбита Земли, и к тому же движется он по ней медленнее, чем Земля по своей.

НА ОДНОЙ ПРЯМОЙ

Примерно через каждые два земных года Солнце, Земля и Марс оказываются почти на одной прямой линии. Если при этом обе планеты находятся по разные стороны от Солнца, астрономы говорят, что Марс — в соединении. Когда Марс в таком положении, наблюдать его трудно. Планета видна днём или в лучах зари, и расстояние от неё до Земли в это время наибольшее — около 400 миллионов километров. Положение, когда Марс и Земля находятся по одну сторону от Солнца, называется противостоянием. В противостоянии гораздо удобнее изучать Марс, потому что он тогда ближе всего к Земле; он восходит вечером и всю ночь хорошо виден.

В своих противостояниях Марс не всегда одинаково близко подходит к Земле. Это объясняется тем,

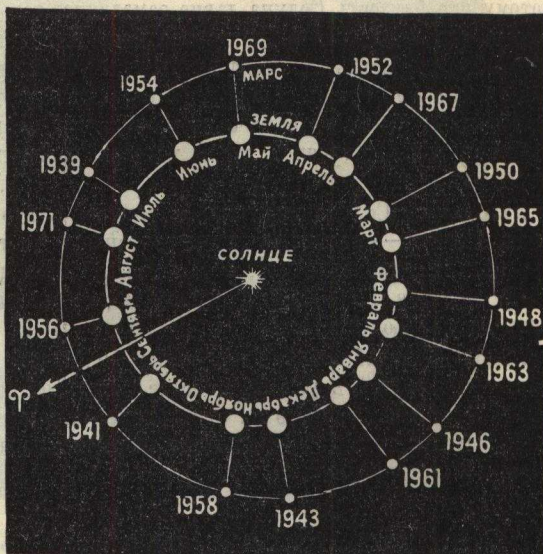
что орбиты обеих планет не имеют формы правильных окружностей. Правда, земная орбита вытянута не сильно. Поэтому расстояние от Земли до Солнца изменяется всего на пять миллионов километров: в начале января Земля находится от Солнца за 147 миллионов километров, а в начале июля — за 152 миллиона километров.

Орбита Марса вытянута гораздо сильнее, чем орбита Земли. Когда Марс ближе всего к Солнцу, он от него за 206,5 миллиона километров, а когда дальше всего, он находится за 249 миллионов километров от Солнца. Разница не в 5 миллионов километров, как у Земли, а в сорок два с половиной миллиона.

БЛИЗКИЕ ВСТРЕЧИ

В некоторых противостояниях Марс подходит особенно близко к Земле: на 60 миллионов километров и ближе. Такие противостояния называются великими. Они случаются не часто: через каждые пятнадцать или семнадцать лет. Если бы год Марса был ровно в два раза длиннее, чем земной год, то все противостояния происходили бы в одних и тех же точках орбит Земли и Марса и каждый раз в это время расстояние между планетами было бы одним и тем же. Однако между противостояниями проходит не два земных года, а два года и пятьдесят дней. За эти лишние полсотни дней Земля и Марс успевают несколько уйти вперёд в своём движении вокруг Солнца, и новое противостояние происходит уже в других точках обеих орбит. То же повторяется ещё через два года пятьдесят дней. Только по прошествии семи или восьми противостояний из этих пятидесятидневных промежутков накопится полный земной год и Марс с Землёй снова окажутся приблизительно в тех же местах на своих орбитах. Снова произойдёт великое противостояние.

Так получается, что между двумя великими про-

потому что близость Солнца давно замедлила, затормозила его вращение вокруг своей оси. И вот на одной стороне Меркурия стоит вечный день и страшная жара в 400 градусов, а другую сторону никогда не освещают и не согревают солнечные лучи. Жизнь невозможна ни на горячей, ни на холодной половине Меркурия.

Далёкие от Солнца планеты — Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун — получают так мало тепла и света, что на них даже в точках, обращённых к Солнцу, царит мороз в 150—200 градусов. Может ли там быть жизнь? Конечно, нет.

Только ближайшие наши соседи — Венера и Марс — находятся в условиях, более или менее похожих на земные. Только на этих планетах солнечной системы можно предполагать наличие жизни в той или иной её форме.

ВОЗДУХ, ВЕТРЫ, ОБЛАКА

Каковы же условия на Марсе? Учёные уже многое узнали об этой планете. В поперечнике Марс почти вдвое меньше Земли. Марсианский год равен 687 земным суткам, а сутки на Марсе длятся на 40 минут дольше, чем на Земле. Так как Марс дальше от Солнца, чем Земля, он получает меньше сол-

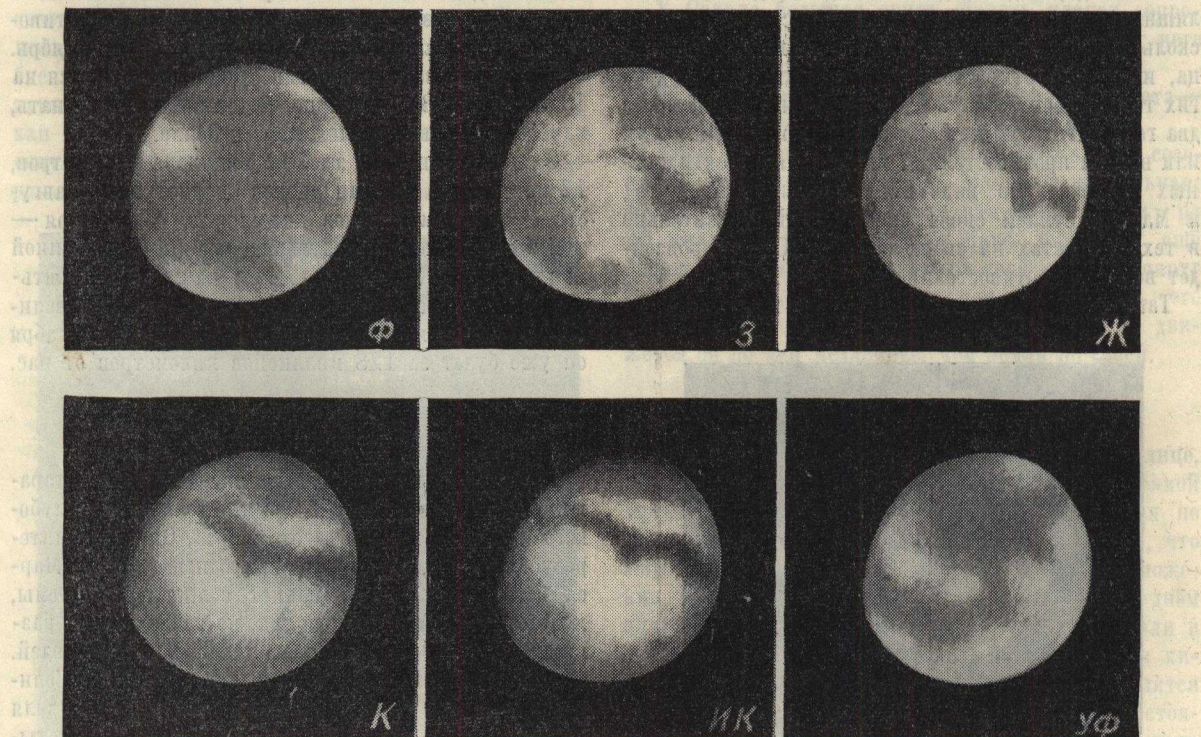
нечной энергии. Там гораздо холоднее, чем у нас. Даже на экваторе Марса температура около полудня достигает самое большее 20 градусов тепла, но иногда там бывает и 5, как у нас где-нибудь на Чукотке летом. А ночами, даже и летом, на экваторе Марса наступают морозы градусов в 45. В средних широтах зимой 70—80 градусов ниже нуля, а в полярных областях зимняя температура доходит даже до 100 градусов холода. Зато в середине лета, когда наступает полярный день и Солнце не заходит полгода по-марсиански, то есть почти двенадцать земных месяцев, на полюсах становится «тепло»: температура держится около нуля и даже выше.

Но удалённость от Солнца не единственная причина суровости климата на Марсе. Исследования показали, что воздух на этой планете очень сух. Он содержит водяных паров в несколько сот или даже в тысячу раз меньше, чем воздух Земли.

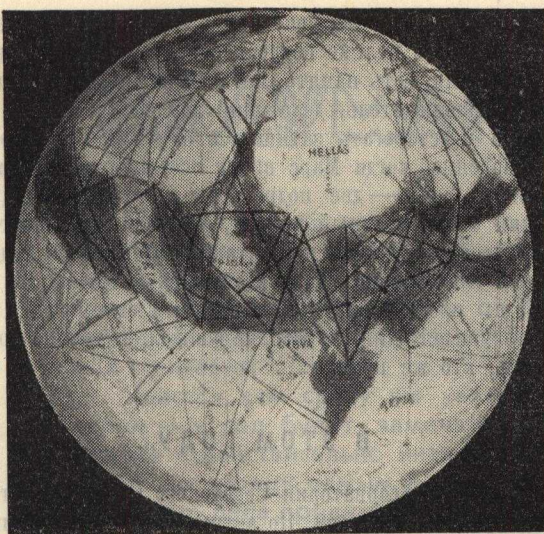
Во всей атмосфере и на поверхности Марса воды не больше, чем у нас в Ладожском озере. А между тем водяные пары в атмосфере помогают планете лучше сохранять солнечное тепло и не отдавать его в мировое пространство.

Кислорода в атмосфере Марса тоже очень мало, в несколько сот раз меньше, чем в земной.

И в довершение всего атмосфера там очень раз-

Вот шесть снимков Марса. На всех он выглядит совсем по-разному. Это объясняется тем, что снимки сделаны с различными фильтрами, не одинаково пропускающими свет. Первый снимок — с фиолетовым фильтром, второй — с зелёным, третий — с жёлтым, четвёртый — с красным, пятый — с инфракрасным, шестой — с ультрафиолетовым. Обратите внимание, как пятно, похожее на летящую птицу, выступает всё отчетливее, начиная с зелёного и кончая инфракрасным фильтром.

Эти два изображения Марса нарисованы двумя астрономами, много лет изучавшими его. Слева — рисунок Ловелла, справа — рисунок Антониади. Очертания пятен сходны; оба рисовали одно и то же полушарие Марса. Но у Ловелла начерчено много каналов, а у Антониади их нет совсем.

реженная. У поверхности планеты она так же разрежена, как наша земная на высоте 20 километров от поверхности Земли. Такая атмосфера создаёт лишь слабое давление. Это приводит к тому, что воде на Марсе было бы легче испаряться, она должна кипеть уже при температуре около 40 градусов.

Наблюдая Марс, астрономы иногда видят облака, хотя и несравненно менее плотные, чем земные. Они напоминают туман или лёгкую дымку. Видимо, они состоят из мелких кристалликов льда, подобно нашим перистым облакам, наиболее высоким в земной атмосфере. На Марсе появляются ещё и жёлтые облака; по всей вероятности, они состоят из пыли. Облака перемещаются; это значит, что на Марсе бывают ветры.

ПОЛЯРНЫЕ ШАПКИ, ПУСТЫНИ, «МОРЕ»

В телескоп хорошо видны белые, чуть-чуть голубоватые шапки около полюсов Марса. Полярные шапки Марса изменяются в зависимости от времени года. Зимой они увеличиваются до 3—4 тысяч километров в поперечнике, а летом уменьшаются, иногда совсем исчезают. Астрономы установили, что полярные шапки Марса состоят из снега, льда или инея. Подсчитав количество тепла, которое получает от Солнца поверхность Марса, и наблюдая за скоростью таяния его полярных шапок, учёные определили их толщину. Они не толще нескольких сантиметров. При таянии полярной шапки от неё остаются отдельные островки; вероятно, снег задерживается на более возвышенных местах. Так, обнаружено на Марсе, в районе его Южного полюса, нечто вроде плоскогорья высотой около километра.

В телескоп на поверхности Марса видны обширные красноватые пространства. Их прежде считали материками в отличие от других пятен, «морей», о которых речь будет дальше. Астрономы изучали, как эти пятна отражают солнечный свет, и сравнивали с тем, как его отражают различные породы на земной поверхности. Оказалось, что по отражению света «материки» Марса очень схожи с пустынями Земли, которые покрыты песком красноватого цвета, например, пустыня Кызыл-Кумы, пустыня Гоби. Поверхность «материки» Марса ровная и покрыта очень мелкой пылью.

В телескоп на фоне марсианских пустынь видны более тёмные пятна. Прежде думали, что это моря. Но вы уже знаете, что исследования показали, как мало влаги на Марсе. Кроме того, если бы тёмные пятна были морями, от их водной глади отражалось бы Солнце, и мы видели бы сверкающий «зайчик» солнечного отражения.

Не только присутствие больших морей на Марсе выдаёт бы солнечный зайчик. Даже небольшое озеро с поперечником в 300 метров отразило бы солнечные лучи и сверкало бы, точно звёздочка на поверхности планеты.

ЗАГАДКА «МОРЕЙ» И КАНАЛОВ

Так что же это за тёмные пятна? Учёные давно и тщательно изучают их, чтобы найти ответ. Замечали, что пятна эти изменяют окраску. Ранней марсианской весной они принимают красноватую окраску, потом становятся зеленовато-синими, к середине лета на них появляются бурые и желтоватые пятна, а зимой все эти цвета блекнут, и пятна принимают серый оттенок.

Эти изменения цвета навели на мысль, что пятна Марса — зоны, покрытые растительностью. Однако простое сходство изменений ещё не могло служить доказательством.

Чтобы разрешить тайну тёмных пятен Марса, наш советский учёный Г. А. Тихов стал исследовать растения Земли, стал выяснять, как они отражают солнечный свет и какую часть световых лучей поглощают. Он выяснил, что растения Крайнего Севера и высокогорных районов в отличие от растений тёплого климата сильно поглощают красные лучи, которые несут в себе значительную часть солнечного тепла. Пятна «морей» поглощают свет сходным образом. При этом многие из наших горных и северных растений имеют синеватый оттенок, как и пятна на Марсе.

Значит, если на Марсе есть растительность, то она ближе к земной растительности сурового климата. И понятно: ведь на Марсе условия ещё более суровые, чем у нас на Севере или в высоких горах.

В 1954 году американский астроном Слайфер обнаружил на Марсе тёмное пятно в месте, где его прежде не было, и считает, что это образовалась новая зона растительности.

Пятна марсианских «морей» — не единственная загадка этой планеты. Вот уже восемь десятков лет идут споры между учёными о «каналах» Марса. В 1877 году итальянский астроном Скиапарелли обнаружил на «материках» Марса сетку тёмных прямых линий, соединяющих «моря». Во времена Скиапарелли ещё думали, что это настоящие моря. Скиапарелли назвал открытые им линии каналами. Возникла мысль, что это искусственные оросительные сооружения на засушливых пространствах марсианских материков, а отсюда делался вывод, что на Марсе живут разумные существа, строящие эти сооружения. Но дальше пошли разногласия. Одни учёные, наблюдая Марс, видели эти каналы, другие нет. Американский астроном Ловелл тоже зарисовал их, а французский астроном Антониади никаких каналов не обнаружил, хотя он всю жизнь посвятил изучению Марса и зарисовкам его поверхности.

Некоторые учёные считают каналы оптической иллюзией, которая получается благодаря тому, что глаз, долго всматриваясь в мелкие, разрозненные пятнышки, невольно объединяет их в линии.

Однако в 1909 году, фотографируя Марс через красный фильтр, Г. А. Тихов снова обнаружил «каналы». Но всё же на фотографиях они выглядят не так, как на рисунках Скиапарелли и Ловелла. Это не сплошные линии, это скорее группы пятен, расположенных в определённых направлениях.

Фотография, казалось бы, имеет перед глазом то преимущество, что она не делает ошибок, передаёт в точности то, что попадёт в объектив. Но на самом деле это не всегда так. Снимки Марса приходится делать с большой выдержкой, в несколько минут. Движения воздуха в толстой и плотной атмосфере

Земли за это время успевают исказить изображение, смазать все мелкие подробности. А у человека, кроме зрения, есть память, которой не имеет фотоаппарат. Наблюдатель, делающий зарисовки, может часами подстерегать затишье в атмосфере и, уловив мгновение, когда Марс виден особенно чётко, зарисовать одну — две подробности, потом, в следующий благоприятный момент, — ещё и ещё. Поэтому зарисовки и до сих пор остаются хорошим и надёжным способом получать изображения Марса. Но вот беда: против рисунка всегда можно спорить. То, что увидел один, другой не увидел, и трудно доказать, кто же прав.

В ЭТОМ ГОДУ...

Многие обсерватории Советского Союза неотступно следят за Марсом. Но астрономам, работающим в больших городах, трудно наблюдать Марс. Заревые электрических огней, засоряющая воздух пыль и копоть мешают этому.

Из таких городов учёные отправились в другие обсерватории, чтобы вести наблюдения вместе с работающими там астрономами.

В Крымскую астрофизическую обсерваторию приехали астрономы Харькова, ленинградцев приняла Ташкентская обсерватория, а в Абастуманской обсерватории вместе с её хозяевами ведут наблюдения астрономы Пулково.

Каждое великое противостояние открывало науке много интересного о Марсе. Но после каждого из них вставали перед астрономами новые, более сложные вопросы. Несомненно, так будет и теперь. Много прояснится в наших сведениях о Марсе, тем более, что в эту встречу и у нас и за рубежом применяются новые методы и новые чувствительные приборы. Особенно интересными могут оказаться снимки, сделанные при помощи мощного пятиметрового телескопа-рефлектора, с которым наблюдения Марса в великом противостоянии ещё не велись ни разу. Но вряд ли мы и на этот раз узнаем наверняка, есть ли жизнь на этой планете. Вероятно, лишь межпланетные полёты помогут решить все споры.

Первые космические ракеты-автоматы, а потом первые путешественники межпланетного корабля, «приземлившегося» на Марсе, дадут нам окончательные ответы, раскроют загадки Марса. И этого уже недолго ждать. Развитие современной науки и техники делает возможными такие полёты. И, может быть, к следующему великому противостоянию уже не только телескопы обратятся к Марсу, а и первые астронавты ступят на загадочную почву марсианских «морей». Может быть, среди них будет и кто-нибудь из вас, дорогие читатели.

В. Арсентьев,

научный сотрудник Государственного астрономического института имени Штернберга.

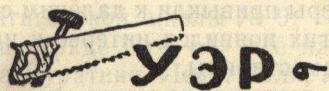
ЗАДУМАНО-СДЕЛАНО

Начался новый школьный год, ребята! Для пионеров он может стать интересным, весёлым. Это, конечно, было бы лучше всего. Год может оказаться трудным. Это тоже не страшно. Хуже всего, если он будет скучным. А ведь каким он будет, это зависит от вас, звеньевые, от вас, члены совета отряда, члены совета дружины, редакторы школьных стенгазет!

Удастся вам сразу же увлечь весь отряд каким-нибудь хорошим делом — и год будет замечательный. Только дела эти должны быть разные и действительно интересные, полезные и такие, чтобы они пришлись по сердцу самым различным ребятам.

Какие дела придумать?

Здесь вы читаете о разных пионерских делах. Каждое из них под силу вам, ребята! Займитесь любым, но сделайте его ещё лучше, ещё интереснее, проявите свою изобретательность, находчивость, смекалку! И обязательно доведите до конца то, что вы задумали.

«Сделано комбинатом «Уэр» — эти слова часто слышатся в казанской школе № 11. Так говорят про книжные полки, про линейки и указки, про вышитые салфеточки, которыми украшены коридоры, учительская и классы.

«Уэр» (У. Р.) значит умелые руки. Пионерский производственный комбинат «Умелые руки» объединил все кружки школы: столярный, судостроительный, фото, рукодельный, переплётный. Теперь эти кружки называются цехами. Если школе нужны какие-нибудь приборы, наглядные пособия, директор школы обращается с просьбой к директору комбината «Уэр», ученику 8-го «Б» класса Дубровину, и заказ оформляется по всем правилам, как на самой настоящей фабрике.

Почему бы и вам, ребята, не создать у себя в школе подобный комбинат? В не-

го могут войти и кружки юных электротехников и радистов. Для юных скульпторов, художников, юннатов — для всех в таком комбинате найдётся дело.

А руководить кружками, как и в 11-й казанской школе, могут ребята-старшеклассники. Поговорите с комсомольцами вашей школы об этом.

КАК ЗВУЧИТ МЕТАЛЛОЛОМ

Город Львов... Из окон школы № 6 слышатся нестройные звуки труб и гобоев, — как видно, оркестр настраивает свои инструменты. Но вот музыкальная нестроица оборвалась, и улицу огласили дружные звуки весёлого марша...

— Хорошо звучит наш металлолом? — спрашивают школьники у прохожих, которые останавливаются под окнами.

Люди недоумевают: при чём тут металло-

Булавочку вам Буратино несёт.
— За это мне дайте хотя бы фাগот!

А вот это, например, сделал мастер не «Уэр».

лом? Но школьники говорят правду. Двадцать тысяч килограммов чёрного и восемьсот килограммов цветного лома собрали они за прошлый год. На деньги, полученные за металлолом, они приобрели инструменты для школьного духового оркестра.

ШЕФЫ И ПОДШЕФНЫЕ

Каждый день после уроков пионеры Школовской школы отправляются к своим подшефным. Дорога не очень близкая, и ребята чаще всего бегут бегом: им не терпится взглянуть на своих питомцев.

Работать на ферме
совсем не легко,
Уж лучше я буду возить
молоко.

Седьмой «Б» шефствует над восемнадцатью годовалыми тёлками. У каждого из ребят своя подшефная. Разумеется, каждый старается, чтобы его Бабочка или Пионерка была самой чистой, самой сытой, самой красивой.

За загородками, точно ребята в деревянных кроватках, стоят самые маленькие телята. Они такие славные, большиеглазые, что девочки каждый раз умиляются. Так приятно, должно быть, мыть телят тёплой водой, протирать полотенцем мягкую шёрстку, укрывать их сеном! Но к маленьким телятам допускаются только самые опытные и умелые.

Ребята кормят телят, чистят их скребками, кладут им свежие подстилки. Постепенно школьники привыкают к правильному уходу за молодняком и становятся опытными животноводами.

Старшие девочки учатся доить коров. И, может быть, иные из них станут со временем такими же мастерами, как доярка Маша Хитрова. Маша ведь тоже пришла на ферму неопытной школьницей.

Колхозники уважают и ценят труд ребят. За прошлый год ребята заработали несколько тысяч стаканов молока. Молоко было отослано в школу.

ЗОВУТ НАС ЗИМНИЕ ПУТИ

Только недавно кончились летние походы, ребята с восторгом вспоминают о них. За лето пионеры привыкли к далёким странствиям, у многих появился интерес к истории, к памятникам старины.

Но ведь летние дела можно продолжить и зимой. Пионеры города Нежина исходили летом свою Черниговскую область, а теперь готовят сбор «История земли Черниговской»...

Зимой нельзя отвыкать от ходьбы. Пионеры московской школы № 345 наметили на зиму целый ряд однодневных тренировочных походов. Они, конечно, выполняют план. В этой школе ещё в прошлом году только в одном 7-м «Б» классе у тридцати ребят красовался на груди почётный значок «Юный турист».

Я пришёл бы раньше всех,
Да зарылся носом в снег.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ В ТЕАТРЕ

Может быть, вас удивляет, почему здесь появился Буратино? Да ведь этот деревянный мальчишка всюду суёт свой длинный нос, всех тормошит, болтает всякие глупости... И всё же, представьте, он подал дельную мысль. Спросите об этом хотя бы пионеров пятигорской школы № 9.

Ведь в отряде 5-го «А» всё началось как раз из-за Буратино. Леда, Галя, Люся и Алла прочитали книгу о его приключениях и долго потом говорили о чём-то с заведующей школьной библиотекой Галиной Николаевной Лир. С этого и начались всякие странности в 5-м «А». Несколько девочек стали перешёптываться между собой, прятать от по-

друг какие-то загадочные свёртки и задавать непонятные вопросы.

— Нет ли у твоей бабушки лисьей шубы? — ни с того ни с сего спрашивала Леда кого-нибудь из девочек.

— А тебе-то что?

— Так... вообще.

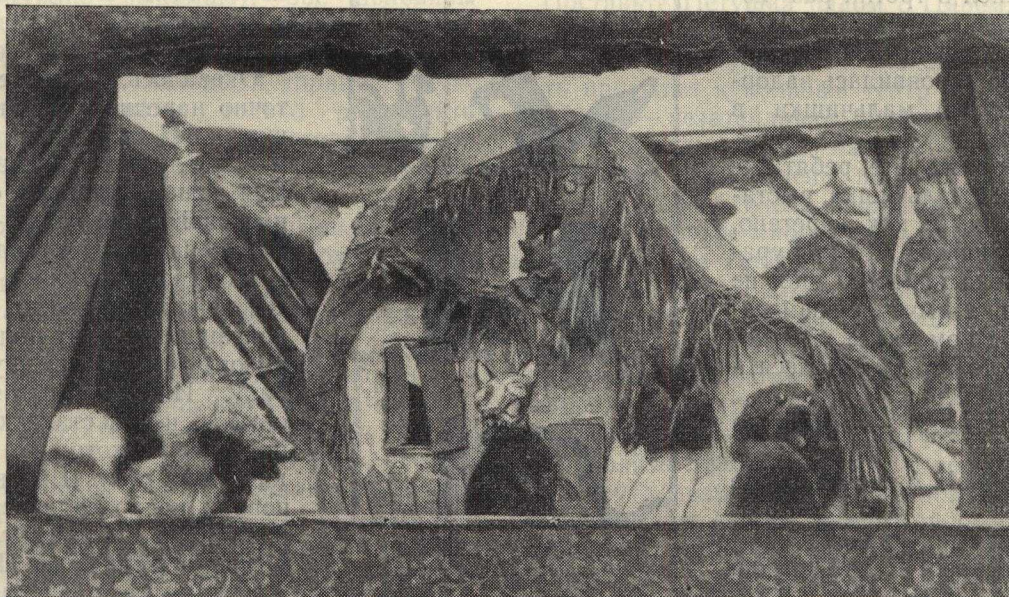
А Люся Адельханова попросила у подружки две чёрные пуговицы.

— Для блузки или для юбки? — осведомилась девочка.

— Для глаз! — выпалила Люся и, взглянув на озадаченное лицо подружки, вдруг прошептала пугающим шёпотом, совсем как черепаша Тортила:

— Тайна!.. Страшная тайна!

Тайна разъяснилась седьмого марта. В ко-

Сцена из спектакля «Теремок».

ридоре рядом со стенгазетой школьницы увидели афишку:

ВНИМАНИЕ

**Завтра, 8 марта, в зале
состоится представление
театра кукол.**

Начало ровно в 7 часов

Афишка была разрисована цветными карандашами. Внизу художник изобразил Буратино — тощего и долгоногого, как комар.

Весь день в школе спорили, откуда взялись кукольники: в Пятигорске кукольного театра не было. К концу уроков все уже узнали, что театр ниоткуда не приехал и кукол сделали пионерки-пятиклассницы, они же будут говорить вместо кукол.

В семь часов школьный зал был набит битком.

Первоклашки с первых скамеек таращили глаза на «ширму». И вовсе это не ширма, она больше похожа на шкаф или на высокий ящик, покрытый синей материей. На ящике маленькая, точно игрушечная сцена.

Зазвенел в третий раз колокольчик. Занавес дёрнулся, но не раскрылся, на его синем фоне появилась задорная фигурка мальчишки в колпачке.

— Здравствуйте, ребята! — пропыхал мальчишка, выставив длинный, как веретено, нос. — Узнаёте? Это я, Буратино. Пока занавес ещё не подняли, я выучу арифметику. А вы помогайте мне, хорошо? Что это будет: десять раз по три?

— Тридцать! — крикнула публика.

— Верно!.. А десять раз по два?

— Конечно, двадцать!

— Неверно! Десять раз по два — это 4-й «Б». Там десять человек получили двойки по немецкому... А сейчас мы по-

Это Баба-Яга,
Костяная нога.

Несколько сценок из спектаклей кукольного театра.

кажем вам пьесу-сказку «Лиса и Заяц». Мы — это наш новый кукольный театр. В нём нет никакого Карабаса-Барабаса, а самый главный — я, Буратино!

ВСЯКАЯ ВЕРЁВОЧКА ГОДИТСЯ

Буратино хвастал, конечно, но не очень. Он и вправду был в театре важным лицом. Не забывайте, что это он подсказал девочкам и Галине Николаевне мысль — организовать кукольный театр. И потом он сопровождал все спектакли, остря на разные школьные темы.

Вскоре у Буратино появился помощник — бородатый дед Еремей. Вдвоём они вели забавные разговоры, высмеивали нерях, хвастунов и лентяев. Правильнее сказать, лентяек. Тогда ещё в школе учились одни девочки.

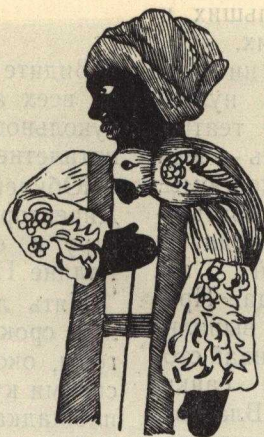
Помещения у кукольников не было, они ютились в тесной библиотеке у Галины Николаевны. Там стояла ширма, первые декорации и коробки с лоскутами, обрезками меха и пуговицами, выпрошенными у мам и соседей.

Оказалось, что иные вещи точно нарочно сделаны для кукол. Из перчатки, например, получается превосходный заяц. А старые, отжившие свой век игрушки — просто клад для кукольника. Когда театр готовил пьесу «Синенький цветочек», кто-то притащил из дому облезлую, одноглазую игрушечную собаку. Из неё вытряхнули опилки, и она стала куклой-петрушкой, которую можно надеть на руку. Шкурку подновили, подкрасили, вставили блестящие пуговицы-глаза, и вышел отличный пёс Полкан.

Кукольные пластмассовые головки тоже годятся в дело. К такой головке можно при-

Заслуженный актёр театра
Петушок Золотой
гребешок.

Это Негр из пьесы «По-
щучьему велению». Ви-
дите, и игрушечный по-
пугай пригодился.

Старейшая актриса труп-
пы Лиса Патрикеевна.

лепить любой нос из пластилина, раскрасить лицо — и вот перед вами старушка, мальчик, царь или разбойник, смотря по желанию. Преобразить готовую головку быстрее и легче, чем делать куклу заново.

Но кукольники учились и этому искусству. Головки из папье-маше делаются так: лепят головку из пластилина, смазывают её каким-нибудь жиром, а затем облепляют со всех сторон ровным слоем из мелких кусочков газетной бумаги, густо смазанных клейстером. Когда бумага высыхает, головку разрезают пополам, отделив затылочную часть от лица, пластилин вынимают; обе половины склеивают — и головка из папье-маше почти готова. Изнутри она пустая, чтобы можно было вставить пальцы и управлять куклой. Теперь остаётся только раскрасить лицо, приклеить волосы и вставить кукле глаза.

Глаза тоже нужно выбрать подходящие. Косматому лешему очень подошли глаз-кнопки, которыми прикалывают бумагу. Они поблескивают тусклым зеленоватым блеском, а щёлки в кнопках очень похожи на узкие зрачки.

Лису и медведя сшили из обрезков старого меха. Долго думали: как сделать колюче-го ежа? Утыкать спину иголками? Вблизи это ещё ничего, но издали, из зала, иголки просто не видно. Перепробовали всякие материалы... И тут оказалось, что лучше всего подходит обыкновенная бумажная бечёвка. Из обрезков бечёвки получились отличные длинные ежовые иголки. Вот и выходит, что в хорошем кукольном хозяйстве всякая верёвочка годится.

ЛЕДА И ЛАРА

— Кукарёку, кукарёку.

Почему ты стал калекой? — говорит Володя Григорьев, с грустной улыбкой разглядывая своего тряпочного Петушка.

Петушок хоть и не вполне калека, но вид у него не из горделивых: пёстрый хвост выцвел, гребень печально поник. Ещё бы! Ведь он самый старый, самый заслуженный актёр в труппе! Он участвовал ещё в первом спектакле — «Лиса и Заяц».

Поставьте Петушка рядом с Царём, которого смастерил недавно Юра Гитштейн, и вы сможете сами убедиться, какой большой путь проделал кукольный театр 9-й школы. Петушок — незатейливая кукла-петрушка, Царь — нарядная кукла на тростях. К рукам куклы-царя прикреплены палочки, позволяющие ей делать очень сложные движения.

Теперь в театре много таких хитро сделанных кукол. Вот Баба-Яга, летящая в ступе, вот филин Пучел с вращающимися глазами, вот Петрушка из пьески «Петрушка-путешественник». По ходу пьесы горе-путешественника тащат из болота, и зрители видят, как ноги у него вытягиваются. Поэтому у куклы Петрушки сложные, складные ноги.

Управлять такой куклой не просто. Это под силу только опытным кукловодам. До прошлого года самые трудные роли в спектаклях играла Леда Лир, теперь она уже студентка. А рядом с десятиклассницей Ледой за синей ширмой водила Мышку или Зайчика второклассница Лара Киреева. Тем и хорош кукольный театр: в нём найдётся де-

Юбилейный значок школьного кукольника.

ло для больших и для маленьких.

Что бы ты ни умел делать,— всё нужно в кукольном театре. Любишь шить — шей куклам костюмы. Любишь рисовать — пиши декорации и разрисовывай кукольные лица. Нравится тебе выпиливать — выпиливай столы, стулья, санки, как Дима Власов...

Об актёрах, певцах, музыкантах и скульпторах говорить не приходится: их роль в театре понятна. Но и для тех, кто интересуется техникой, в кукольном представлении много работы. Движения каждой куклы можно усовершенствовать. А всякие чудеса и превращения?!

Когда в спектакле «По щучьему велению» понадобилось, чтобы сосна расцветала розами алыми, Боря Ананьев немало потрудился над гирляндой из маленьких красных лампочек. И тот же Боря предложил заменить рисованную заднюю декорацию картинками волшебного фонаря.

Правда, пока что от этой мысли пришлось отказаться: волшебный фонарь требует темноты, а актёры-куклы должны играть при свете. А жаль, потому что световые декорации необыкновенно красивы, и Боре очень хочется их использовать! Может быть, вы, ребята, подскажете ему, как это можно сделать?

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

Видите этот значок? Он красовался на груди всех актёров, режиссёров и художников кукольного театра школы № 9 в день его пятилетнего юбилея.

Юбилей прошёл тепло и торжественно. Директор школы объявил благодарность театру и его неутомимой руководительнице Галине Николаевне Лир.

Пять лет для школьного театра — немалый срок. Двадцать пьес поставлено за эти годы, около ста раз выступали пионеры со своими куклами в детских домах, клубах, на площадках и в лагерях. Кто из пятигорских ребят не знает кукольного театра девятой школы!

В свой торжественный день кукольники показали премьеру. Это был сложный постановочный спектакль «По щучьему велению». К нему готовились особенно тщательно — целых два месяца!

Долго не смолкали аплодисменты: ребята требовали выхода исполнителей.

И вот перед синей ширмой выстроились смущённые и счастливые мальчики и девочки: «старейшая» актриса театра Леда и маленькая Лара, староста кукольного кружка Юра, артисты Дима, Боря, Володя и многие другие. В руках они держали кукол, и куклы тоже кланялись публике. Только Буратино не было на юбилее: он уехал далеко... Ребята отослали его в гости к своим друзьям — колхозным пионерам. Пусть те посмотрят, как надо делать кукол!

Ю. Новикова

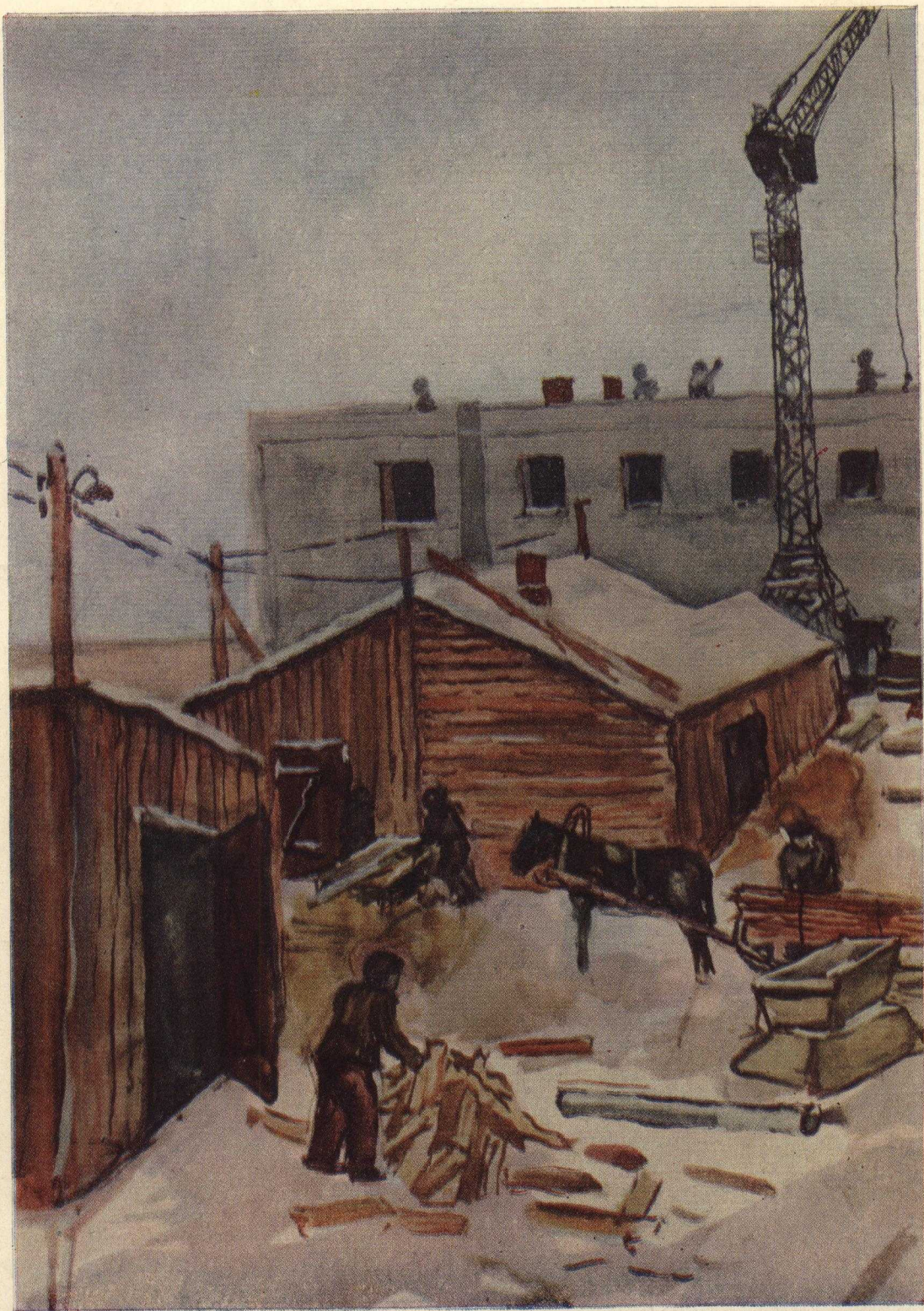
МОСКВА В РИСУНКАХ ЮНЫХ ХУДОЖНИКОВ

При Автозаводе имени Лихачёва есть Дворец культуры, а там, в изостудии детского сектора Дворца, занимаются ребята, которые любят рисовать. Руководит студией художник Дм. Г. Соболев.

Посмотрите картины, напечатанные на цветных вклейках и на четвертой странице обложки. Это всё нарисовано ребятами автозаводского изокружка. Картины показывают Москву. Вот она перед нами в солнечный зимний день, когда тени древесных ветвей в садах синими узорами ложатся на снег. Вот она в вечерних сумерках, когда загораются тысячами огней московские улицы.

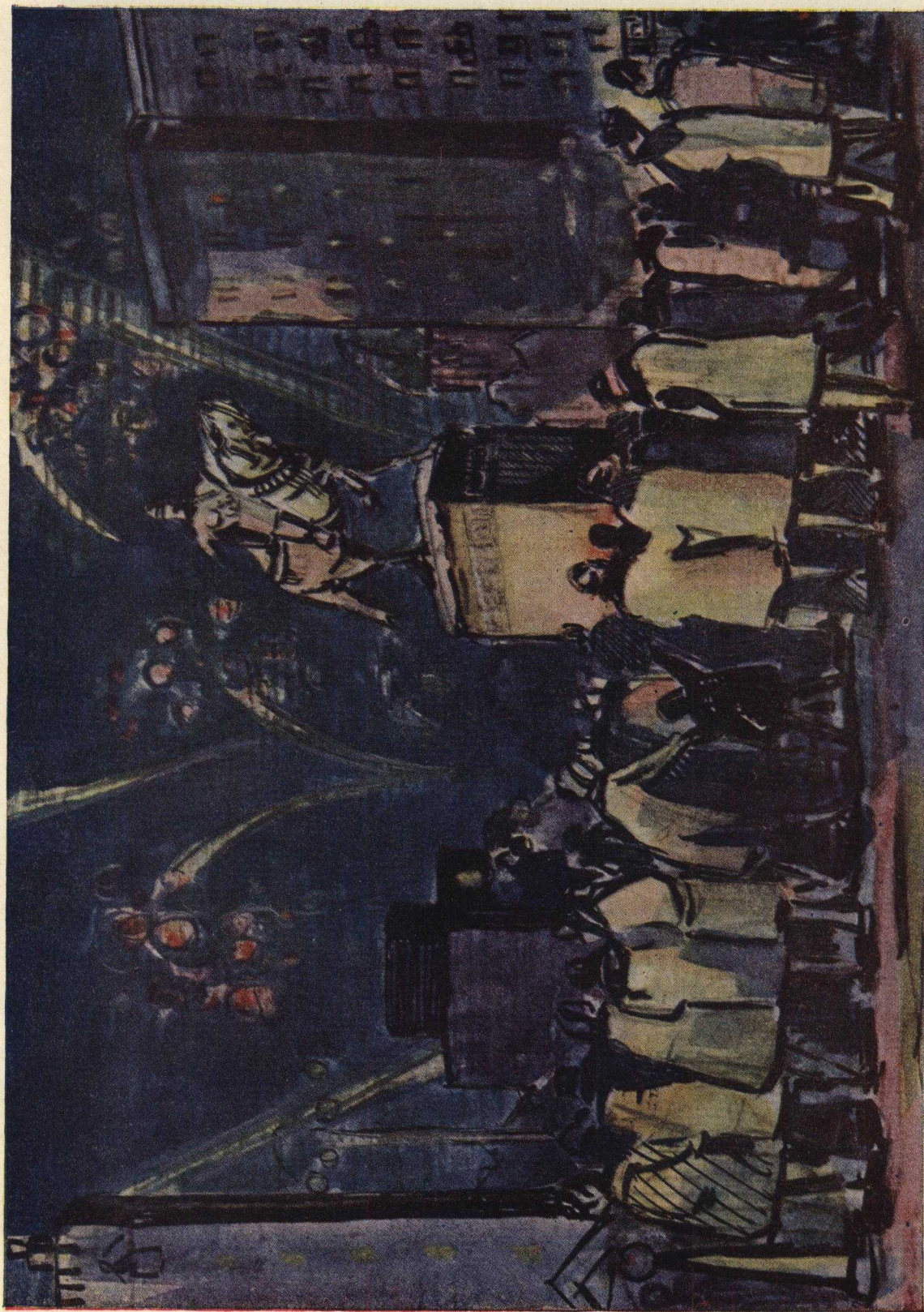
Мы видим на этих картинах и нарядную, оживлённую Москву в час праздничного салюта и простую, будничную, трудовую Москву с вырастающими на глазах стенами новых домов, с плавными и послушными движениями длинноносых подъёмных кранов, с перестуками молотков и грохотом сгружаемых досок.

Вам, наверно, понравятся работы автозаводских ребят, как понравились они всем, кто их видел на отчётной выставке изостудии.

НА СТРОЙКЕ.

Любезнов Саша.

В ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР НА СОВЕТСКОЙ ПЛОЩАДИ.

Тертышников Алексей.

Лев Озеров

Земля суха от зноя.
Земле б воды напиться.
Томятся жаждой звери,
Томятся жаждой птицы.

— Копать давайте яму,
Пора за дело браться!
Дожди наполнят яму,
И всем нам хватит, братцы.

Так порешили птицы,
Так звери порешили.
Взялись за дело дружно,
Хотя не все дружили.

Скорей бы яму выкопать,
Трудом избить заботу!..

Одна лишь только иволга
Не вышла на работу.

Поёт печально ива,
Поют в тоске луга:
— Ступай работать живо,
И-вол-га!

Пошли дожди обильные,
И яма, словно пруд,
Водой холодной полнится,
Её зверюшки пьют.

И не страшна им засуха.
И полдня жгучий час.
— Мы славно поработали,
И есть питьё у нас.

Рисунки Ю. Кискачи.

Одна лишь только иволга
Осталась без воды.
Одна лишь только иволга
Не вышла из беды.

К воде слетела иволга —
Её прогнали прочь.
Сидит на ветке иволга
И плачет день и ночь.

Так повелось, что иволга
Бойтся пить с земли.
И ждёт на ветке иволга,
Чтобы дожди пришли.

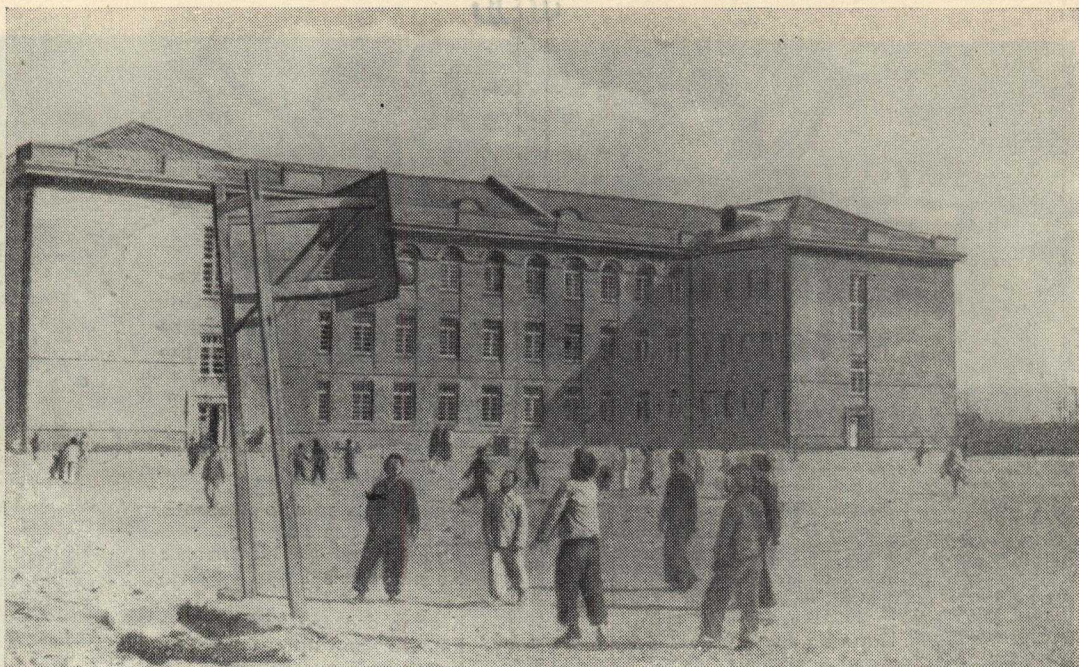
Чтоб клюв раскрыть и капельку
За капелькой ловить.
Так повелось, что иволге
Дано в полёте пить.

Вот потому-то иволге
Всегда нужны дожди.
Когда застонет иволга,
Тогда дождя и жди.

Тогда-то слышит ива
И светлые луга,
Как стон плывёт тоскливо:
— И-вол-га!
— И-вол-га!
— И-вол-га!

По мотивам литовского фольклора.

ПОДАРОК НЕМЕЦКИХ ДРУЗЕЙ

Л. Почивалов

Фото автора.

В окошке оборвалось мелькание зеленеющих крестьянских полей с пятнами голубых, полных воды воронков от бомб. Колёса вагона застучали на стрелках, и через три минуты мы уже выходили на перрон Хамхынского вокзала.

По дороге в гостиницу мы разглядывали Хамхын. Как и все города Северной Кореи, он сильно разрушен американскими бомбами. Куда ни взглянешь — пустыри или крошечные, наскоро построенные, временные домики. Но так же, как и в других городах Кореи, здесь уже видны большие восстановленные дома, а то и целые улицы новых домов.

Всего три года прошло с тех пор, как в Корею было подписано перемирие, но корейцы уже успели сделать очень много. Великая стройка идёт в стране, и в ней принимает участие весь народ. Рабочие, простояв смену у станка, после работы ещё два—три часа расчищают территорию завода от развалин. Служащие и студенты во время отпуска работают на строительстве каналов и водохранилищ. А сколько я встречал на стройках школьников! В Нампхо я видел, как они разравнивали привокзальную площадь города, в долине Анчжу рыли оросительные каналы, в Пхеньяне сажали деревья, а в Симпхо, рыбацком посёлке, сами строили двухэтажную школу. Жизнь научила корейских ребят владеть плугом, киркой, лопатой так же хорошо, как карандашом и пером...

В центре Хамхына, неподалёку от улицы Вильгельма Пика, я обратил внимание на большой кирпичный дом. Он казался особенно нарядным и красивым рядом с временными хижинами.

— Это наша школа, — объяснил мне переводчик.

На другое утро мы зашли в эту школу. Как раз началась перемена, и все ребята были во дворе. «Гу-

тен таг!» — закричали они, увидев нас. Я удивился: очень неожиданно прозвучало здесь, в корейской школе, немецкое приветствие.

Директор школы товарищ Лю Де Фу и ребята, с которыми мы разговорились, рассказали нам историю своей школы. Из их рассказа мы поняли, почему ребята так приветствовали нас.

Хамхын был страшно разрушен во время войны, американские бомбы превратили его в пустырь. Погибла при бомбёжке и школа.

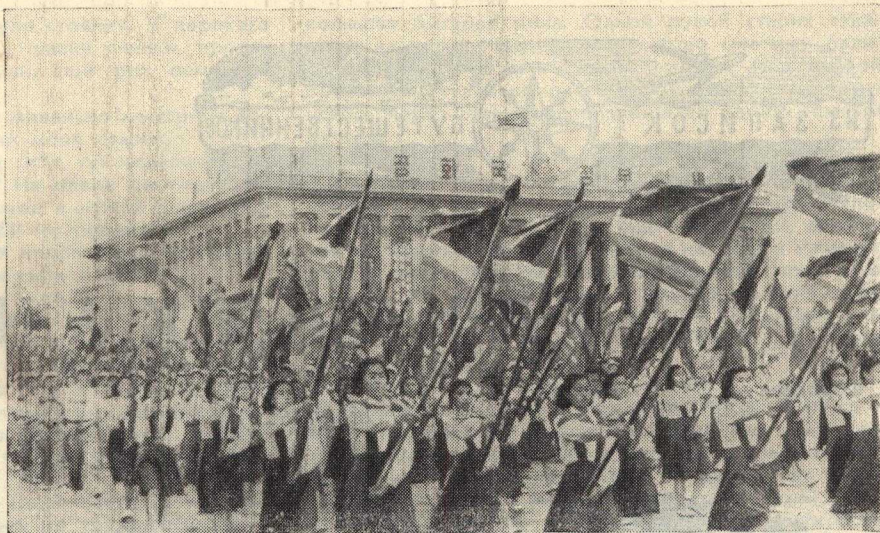
Долгие месяцы, пока длилась война, ребята занимались в пещере, вырубленной в скале, в нескольких километрах от города. Там они скрывались от американских самолётов. А когда война кончилась, ребята сами построили небольшую временную хижину из досок, соломы и глины. Трудно было учиться в такой школе — тесно, темно, душно.

Эту школу увидел однажды немецкий инженер, помогавший восстанавливать Хамхын. В разных уголках Северной Кореи можно сейчас встретить немецких, китайских, советских, румынских, венгерских и польских специалистов. Зарубежные друзья помогают корейцам восстанавливать заводы, прокладывать дороги, выпускать кинофильмы, лечить больных.

Немецкий инженер, побывавший в школе, написал о ней в свой родной город Потсдам.

А в августе 1955 года хамхынские школьники праздновали открытие нового здания хамхынской средней школы № 1, которую построили для них немецкие специалисты на средства, присланные из Германской Демократической Республики. Здание получилось прекрасным. Это самая лучшая школа в городе. Три этажа, просторные классы, широкие коридоры, светлые учебные кабинеты и лаборатории.

Пионеры на первой демонстрации в Пхеньяне.

Жаль только, что в такой прекрасной школе не было почти никакого оборудования.

И вот однажды в школу пришли посылки — множество больших и маленьких ящиков. Чего только не было в этих ящиках! И приборы для физических и химических кабинетов, и модели, и макеты, и коллекции, и книги, и карты, и музыкальные инструменты.

Оказывается, письмо, которое написал инженер в Потсдам, прочли не только взрослые, но и ребята. И так же, как взрослые, они сделали всё, что было в их силах, чтобы помочь ребятам Хамгына.

Они собирали металлолом, выступали с концертами, а деньги, которые получали за это, откладывали в помощь Хамгыну. На эти деньги и было куплено великолепное оборудование для хамгынской школы. Корейские ребята узнали об этом из письма потсдамских друзей.

Письмо рассказывало и о том, что такую же по-

мощь Потсдам оказал вьетнамской школе. Письмо заканчивалось так:

«Желаем нашим друзьям в Корее и во Вьетнаме больших успехов в борьбе за строительство социализма и сохранение мира. Да здравствует дружба корейского, вьетнамского и немецкого народа!»

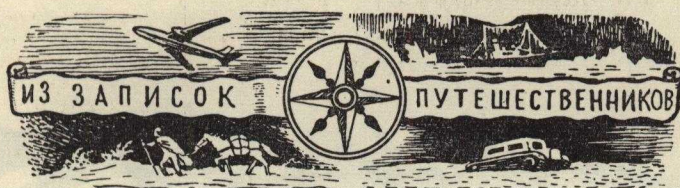
Через несколько дней был отправлен из Хамгына ответ немецким друзьям. В Потсдам писали не только ребята, но и их родители, и учителя, и члены Союза молодёжи. Вскоре они получили ответы на свои письма. Так завязалась дружба двух городов.

...Ребята показали нам свою школу, а потом повели в уголок Германской Демократической Республики. Там развешаны фотографии, показывающие жизнь немецких детей. На прощание мы все вместе пели немецкие молодёжные песни...

Уходили мы из школы с чувством гордости за наш светлый мир социализма, в котором люди друг другу — братья.

А этих ребятшек я сфотографировал в предместье города Анчжу. Узнав, что я из Советского Союза, что фотографии я передам советским детям, они с удовольствием позировали перед объективом.

УЛУКИТКАН

Г. Федосеев

(Окончание)

Фото автора.

ШУМИТ, БЕСНУЕТСЯ КУПУРИНСКИЙ ПЕРЕКАТ

Во второй половине мая ночи здесь, за 56-й параллелью, очень короткие: не успеешь уснуть, как тебя уже будит рассвет. В тот памятный мне день двадцать второго мая утро было неприветливое и холодное. По ущелью гулял колючий низовой ветер. Лиственничная тайга шумела глухо и тревожно. Река за ночь присмирела и лишь отдалённым рокотом перекаса напоминала о своём буйном нраве. Ночной заморозок сковал снег, питавший ручьи, и вода в реке упала больше чем на метр. Показались каменистые косы и прибрежные кусты. Над перекатом висел стеклянный звон холодной речной струи.

Нужно было немедленно перебираться на противоположный берег: вот-вот поднимется солнце, и Купури снова задурит. Но где же переправляться? Выше нашей стоянки течение слишком быстрое, оленям не перейти. Я направился вниз по реке. У поворота Купури расплеснулась по широкому перекату. Маленький островок, всего в десять метров длиною, делил её на две протоки. Место это оказалось вполне доступным для брода, хотя и опасным. Ниже островка реку сжали крутые берега. Мощный поток нёсся по узкому проходу и с грохотом падал на острые камни, как бы подстерегающие добычу.

Я прошёл ещё немного, но лучшего места для брода не нашёл.

В восемь часов мы покинули стоянку. У переката задержались. Я спрятал под шапку спички, проверил выюки и поводные ремни, ещё раз осмотрел перекат.

— Ты не торопись, держи маленько навстречу воде, так лучше, — напутствовал меня старик.

— Может быть, перенести тебя, тут недалеко?

— Эко перенести, зачем? На олене перееду. Беда вот, брода не вижу и повод в чужой руке...

— А с Майкой как же? Ей не перейти...

— Ладно, что вспомнил. У старика совсем пропала память. На выюк её привязать надо.

— Может, лучше на руки взять?

— Как хочешь. Не упустить бы...

Поймать Майку стоило больших усилий. Она бежала уже не хуже взрослого оленя и была очень дикой. Попав в руки, Майка протестовала, как могла: вырывалась, била крошечными копытцами о землю, кричала. Но, оказавшись на моих плечах, вдруг успокоилась, будто поняла опасность переправы.

Мы тронулись. Подошвы сапог скользят на камнях переката. Иду осторожно, но тороплюсь: ледяная вода перехлёстывает за голенища, ноги стынют. Хорошо ещё, что течение не быстрее...

Благополучно выбираемся на островок. Я стаскиваю сапоги, выжимаю брюки, портянки, надеваю их снова и веду караван дальше. Улукиткан, пугливо наклоняясь к седлу, прислушивается к рокоту переката. Майка кричит. Середина второй протоки оказалась глубже. Бреду по пояс, с трудом преодолевая напор воды.

Уже близко берег. Но тут задний олень, споткнувшись, захлестнул ремнём рога, упал, и течение тотчас потянуло его и других оленей вниз. Животные, почуяв опасность, напрягают все силы, пытаются устоять на ногах. Натянулись струнами поводные ремни. Караван на мгновение замер, как бы в нерешительности, и начал медленно отступать туда, где вода круто падает, сжатая берегами. Ужас охватил меня. Бросив Майку, не глядя, куда уносит её вода, я тщетно пытался удержаться уже подхваченным потоком оленей. Вдруг седовой олень Улукиткан поднялся на дыбы, рванулся и сбросил старика в воду... Падая, Улукиткан головой ударил меня в переносицу. Я пошатнулся, рот сразу наполнился кровью. Быстрое течение неудержимо тянет меня в жерло узкой стремнины. Впереди над пеной волн беспомощно взмётываются руки старика, выскакивают оскаленные морды оленей, мелькают рога, выюки...

Кое-как я добираюсь до берега. Хватаюсь за камни, но не могу удержаться, не могу выползти в отяжелевшей, мокрой одежде. Вода сносит меня всё ниже. Вот и край водослива. Уже вижу гребень волны, слышу рокот переката. Собираю последние силы и на четвереньках выползаю на гальку.

Снизу доносится крик Майки. Я вскакиваю и, сняв с плеча карабин, сбросив мокрую телогрейку, бегу вниз. Кричу диким голосом, зову Улукиткана.

В узком каменном горле ревет, захлёбываясь пеной, остервеневшая река. Расчёсывая о гребни валунов седые пряди, она бешеными скачками несётся по выступам камней. Улукиткана нигде не видно. Мой голос едва слышен в шуме показавшегося впереди переката. За поворотом вижу, наконец, оленей. Они стоят в воде кучкой, без выюков, запутавшись в ремнях. Возле них и Майка. Но где же Улукиткан? Бегу обратно. Улукиткана нет.

Но что это сереет впереди? Спотыкаясь, бегу туда.

Улукиткан лежит на спине. Голова его на берегу, вытянутые ноги в воде. Отяжелевшие полы доски

колышет быстрая река. Одной рукой старик схватился за корягу, а другой намертво сжатыми пальцами держит ремень своей берданы. Над правой бровью лоб глубоко рассечён, и кровь, стекая наискось через щеку, расплывается по камню тёмным пятном.

— Улукиткан, ты слышишь меня, Улукиткан?

Я приподнимаю его, но тело старика безвольно обвисает, руки и ноги болтаются. Вытаскиваю Улукиткана на берег, бердана тащится следом, громящая по камням. Положив старика на мох, я начинаю делать искусственное дыхание. Никаких признаков жизни!.. Но вот изо рта Улукиткана хлынула вода, слышится что-то похожее на стон. Я припадаю ухом к его холодной груди. Глубоко-глубоко, словно под землёй, робко стучит сердце.

— Улукиткан, ты слышишь меня?..

Улукиткан медленно открывает глаза. Я вижу в них глубокое безмолвное страдание. Он приподнимается на дрожащих руках, медленно поворачивает голову в мою сторону, глотает воздух, хочет что-то сказать, но из уст вырывается только глухой хрип.

Я вспоминаю, что у меня под шапкой есть спички. Собираю сушник, разжигаю костёр и стаскиваю с Улукиткана одежду. Выжав её, грею над огнём и тёплую надеваю на худое, посиневшее тело. Улукиткан лежит в тяжёлом забытии. Еле уловимое дыхание чуть приподнимает плоскую грудь.

Но вот слабая краска появляется на скулах. Пальцы рук шевелятся... Только теперь я вспоминаю про оленей. Подбросив в костёр дров и прикрыв влажной телогрейкой спину Улукиткана, бегу к нижнему перекату. Олени попрежнему стоят в воде. Их только шесть и все без выюков. Рядом в запутавшихся ремнях лежат два захлебнувшихся оленя: седовой Улукиткана и тот старый, что потерялся позавчера. Я распутываю ремни, снимаю узду с погибших оленей и вывожу уцелевших на берег. Нужно было бы немедленно искать выюки: вода начинает прибывать и может унести их далеко. Но я не могу оставить Улукиткана и возвращаюсь к нему.

Улукиткан, худенький, почти прозрачный, всё ещё лежит неподвижно. Но суровое лицо его уже как-то отмякло, дыхание стало ровным и глубоким. Жизнь явно возвращалась к нему.

Я поправил костёр, снова подогрел над огнём ещё сырую телогрейку, укутал ею старика и поспешил на поиски выюков.

Пробежав километра два берегом реки, я нашёл на мели две связанные потки с размокшими лепёшками, мясом и дорожной мелочью, два тюка с нашими личными вещами, шесть седел, четыре подпруги и шапку Улукиткана. Палатку, постели, потки с мукой, сахаром и прочими продуктами унесло.

Когда я вернулся, Улукиткан уже пришёл в себя.

— Кто это? — спросил он еле слышно.

— Я, Улукиткан! Как ты себя чувствуешь?

— Только язык да ухо мало-мало работают. Всё тело будто олень ногами топтал, тут болит, там болит, везде болит. Э-э-э, Улукиткан, Улукиткан, зачем вылез на берег, твоих дел уже нет на земле, напрасно людей заставляешь возиться с тобой.

Голос старика звучал тихо и печально. Но вдруг в нём появились живые нотки.

— Перешли Купури? — озабоченно спросил он.

— Да, мы на правом берегу.

— Теперь ты и сам доведёшь аргиш до своих, а я останусь тут.

Улукиткан, нащупав рукой лежащую рядом бердану, подтащил её и прижал к себе, как друга. Его реденькая бородёнка затряслась, подбородок дрогнул. И Улукиткан и его ружьё были старенькими

старенькими; как друзья, прожили они вместе тяжёлую, полную невзгод жизнь. Даже речной поток их не разлучил!.. Потеря берданы для Улукиткана была бы вторым непоправимым горем.

— Ты не беспокойся. Пойдём вместе. Я не уйду без тебя.

— Хорошо, пусть будет по-твоему...

Пока сушилась наша одежда, я рассказал Улукиткану о потере двух оленей.

— Эко беда!.. Как пойдёт дальше слепой человек без седового оленя? А тот старый орон напрасно пропал, наверное, думал, хозяин умер, нужно догонять его...

— Сядешь на другого оленя.

— Нет, другой олень молсдой, спина мягкая, по-ломай можно.

Немного отлежавшись, Улукиткан попросил чаю.

— Чаю нет, да и вскипятить не в чем, всю посуду унесла вода.

— Без чая и пустая котомка — тяжёлая ноша! Надо бы посуду сделать. Хорошо смотри кругом, есть тут берёза?

— Есть.

— Сдирай с неё кору, тащи сюда, как-нибудь вдвоём будем делать чуман.

— Чуман я и сам сделаю, но как в нём кипятить воду, — он ведь на огне загорится?

— Раньше эвенки чай варили не так, как теперь. Делай посуду, я покажу.

Я надрал бересты, нарезал тальниковых прутьев, с которых легко снимается верхний слой древесины, и этими мягкими лентами сшил из бересты один большой чуман литра на четыре и два маленьких, вместо кружек.

— Ты что-то долго возишься, — заметил Улукиткан. — Надо хорошо мочить бересту в воде, она загибаться будет лучше.

— Чуманы готовы.

— Теперь смотри, чтобы дырки не было. Потом клади на огонь камни, а в чуман наливай воды. Как камень накалится, клади его в чуман. Такой чай хорошо, сила много.

— Только заваривать у нас нечего, чаю нет. Кипятку выпьешь?

— Однако выпью. Сердце отогреется, и язык отмякнет — не будет жаловаться.

Я напоил старика кипятком, натаскал дров для костра, отпустил оленей пастись и занялся неотложными делами. Нужно было высушить одежду, седла, туки. Хорошо, что мы вчера не поленились напечь лепёшек и отварить на дороге мяса. Теперь у нас есть двухдневный запас продуктов, а дальше придётся заняться охотой. У меня осталось в винтовке пять патронов, остальные утонули, и у ста-

рика для берданы есть штук десять, хоть они и намокли, но какая-то часть может «разрядиться». Я решил снять шкуры с погибших оленей для постелей, ведь у нас теперь и спать не на чем и укрываться нечем. Надо шить две подруги. Словом, многое нужно было сделать до того, когда можно будет продолжать путь.

На ночь мы переселились в ельник, где было затишье. У Улукиткана поднялась температура.

— Хочу чаю... — шёпотом просит старик.

— Нечего заварить, Улукиткан, всё унесла вода...

— А-а, ну-ну, ладно, забыл...

Через пять минут он снова просит чаю. Просит с детской мольбой в голосе, ему кажется, что чай восстановит его силы. Я нарвал брусничных листьев и бросил их в чуман с кипящей водой.

— Когда чаю нет, брусничник хорошо, — приговаривает больной, причмокивая губами. — Поверни меня на другой бок, пусть спина греется...

Я устроил Улукиткану постель из шкур погибших оленей, для себя настелил хвои. Укрываться буду телогрейкой. Больше ничего нет.

— Смотри, погода как? Ладно ли будет завтра? — говорит слепой.

Я вышел на берег. Надвигалась ночь. На востоке в тусклой позолоте грозно вздымались тучи.

— Наверное, дождь будет, на востоке тучи...

— Дождь, говоришь?.. Крикни погромче, я послушаю...

— Куй!... — крикнул я.

— Куй!... куй!... — откликнулось отовсюду сторожкое эхо.

— Слышно далеко, хороший погода будет, — сказал старик.

Утром Улукиткану стало легче, но он ещё очень слаб. Морщинистый, худой, весь в синяках, он сгорбился над чашкой брусничного чая и медленно жуёт лепёшку. Я смотрю на него и жду, что вот сейчас он начнёт упрекать меня за вчерашний день, за плохую переправу. В самом деле, ведь во многом виновата моя неопытность. Но старик молчит. Оказывается, его тревожат другие мысли.

— День хороший, птица рано проснулась, надо идти, — говорит он. — Потом, может, дождь будет, тогда не выбраться. Идти пешком или сидеть в седле я не могу. Ты сруби две тонкие жерди, я научу, как сделать носилки, — два оленя повезут меня... Если ничего не случится, на четвёртый день будем у своих.

Я срубил и обтесал две еловые жерди примерно трёхметровой длины. Изрезал одну оленью шкуру на ремни и сплёл из них редкую сетку для носилок. Из ремней же сделал и нагрудники для оленей.

ЧЕРЕЗ ГОРЫ, ТАЙГУ, МАРИ

Солнце перевалило за полдень, когда наш маленький караван покинул ельник.

Улукиткан лежит в носилках на спине, охватив ноги, согнутые в коленях.

Непривычные к такой упряжке животные сначала упрямились, отказывались идти, но через час — другой привыкли к носилкам, и караван стал быстро продвигаться вверх по реке.

Прошли один большой впадающий в Купури ключ и два маленьких. Я старался как можно подробнее рассказать старику о местности, по которой мы шли, понимая, как труд-

но ему только по памяти наметить маршрут, узнать тот ключ, где мы должны были свернуть.

В четыре часа мы вышли на небольшую полянку. Слева покрытая лесом долина, за которой широко раскинулись горы. Ключ, протекающий по ней, вливается в реку длинным, крутым перекатом. Я описал Улукиткану долину и устье ключа.

— Ещё смотри, не растёт на поляне старое дерево?

— Нет, но там видна какая-то валёжина.

— Ходить надо, посмотреть, может, дерево уже упало. Если старое огнище там есть, по этому ключу будем сворачивать.

Мы свернули вверх по ключу. Нас окружила густая береговая тайга.

Я подвёл караван к валёжине.

Это была старая лиственница, упавшая на землю лет пять назад. Там же я увидел и остатки давнишнего костра.

— Ладно идём. Ночевать будем под перевалом,— подбадривает меня проводник.

Мы свернули вверх по ключу. Купури осталась позади. Нас окружила густая береговая тайга, но через километр горы раздвинулись, лес поредел, появились мари. Идти с носилками стало трудно, кочки задевают сетку, Улукиткана то и дело ударяет о них. Олени часто проваливаются между кочками.

— Однако не пройти!— кричит Улукиткан.

— Может, объехать?— спрашиваю я, останавливая караван.

— Тут всё место такой худой, напрасно олень мучить будем. Лучше брось меня, иди сам. Куда ты везёшь моё горе?.. Кому я нужен?..

— Ерунду ты говоришь, не брошу я тебя, вдвоём и пропадать легче. Да мне и не выбраться одному из этой тайги.

— И я тебе не помогаю, только лишняя тяжесть.

— Ты вчера говорил, что пойдёшь со мною до Джогормы, а сегодня уже не хочешь. Что с тобою, Улукиткан? У тебя жар? Тебе плохо?

— Сам бог свидетель, я и сегодня хочу помочь тебе прийти к своим, но не могу, память обманывать начинает, не сердчай, что так случилось. Найди сухое место, больше мне уже ничего не надо...

У старика едва прощупывается пульс. Тело его горит.

Я поднимаю больного, усаживаю себе на спину, подтягиваю повыше сетки на носилках, чтобы они не задевали кочки, и привязываю сзади к своему поясу поводной ремень передового оленя.

Ближе и легче было бы вернуться своим следом к лесу, но ведь неизбежно завтра или послезавтра переходить марь. Зачем откладывать, буду пробиваться к перелеску. Неужели не хватит сил, всего ведь километра два!

Хлюпает под ногами чёрная вода. Впереди под яркими лучами солнца томится курчавая марь. Она кажется ровной степью, но впечатление это обманчиво: тут только кочки почти метровой высоты, прикрывающие космами пожелтевшей осоки зыбкую почву болота. Всюду блестят пятна мелких озерков. Удивительно, как мёртво вокруг и тихо, ни единого живого существа. Весна, видимо, забыла про этот суровый

уголок. Пронесли мимо гуси, журавли, мелкие лесные птицы. Не забегают сюда звери, никому не нужен зелёный черноголовник, высоко поднявшийся над серыми шапками кочек. Нигде природа не бывает такой печальной и бесплодной, как на марях. Передвигаюсь осторожно, нащупывая палкой проход. Улукиткан, обхватив мою шею сцепленными в кистях руками, висит у меня на спине; его согнутые в коленях ноги задевают кочки. Голодные олени тянутся к черноголовнику, не хотят идти, приходится тянуть их, а это тоже тяжело.

Метров через сто у Улукиткана ослабли руки, он вот-вот упадёт, пришлось остановиться. Усаживаю его на носилки, сам отдыхаю и достаю из потки запасной ремень. Нужно привязать старика к себе, иначе не донести его до перелеска. Я перетягиваю ему ремнём поясницу и ноги, перекидываю концы ремня через плечи, крепко приторачиваю больного к спине.

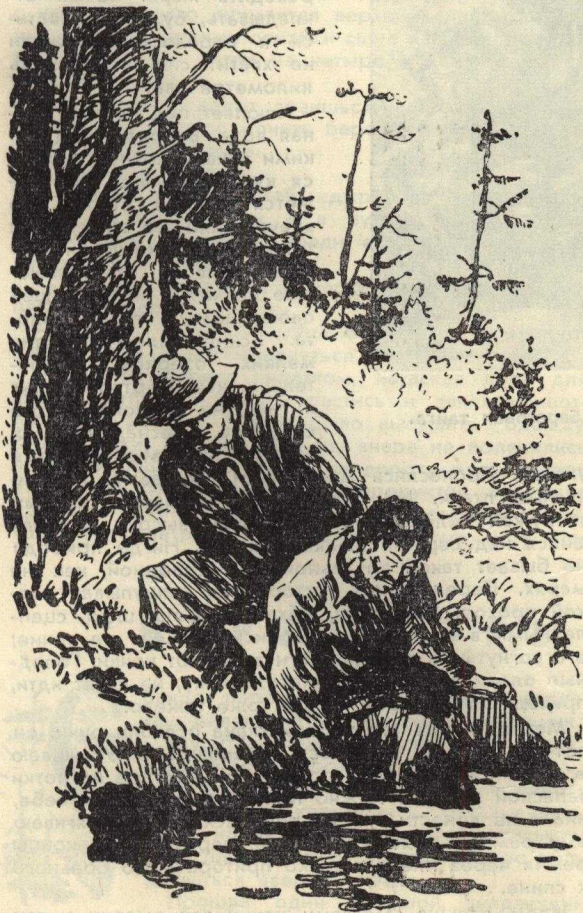
Идем дальше. Местами кочки так высоки и так заплетены корнями, что некуда ступить, приходится ползти. Ледяная вода до колен сковала промок-

шие ноги. Олени всё настойчивее отказываются идти. Ремни жгут мне плечи. Нужно бы остановиться, передохнуть, но ведь после каждой остановки слабость удваивается, и я иду, пока не падаю от полного изнеможения.

Решаю бросить оленей, приду за ними после. Теперь у меня одна забота — Улукиткан. Без оленей идти стало легче, но силы упорно покидают меня. Всё чаще и чаще я останавливаюсь. Вот уж недалеко первая лиственница. Направляюсь к ней, но ноги подкашиваются, и я вместе с Улукитканом падаю в яму. В яме вода. Но я не могу подняться, я готов лежать тут, в воде, и только сознание ответственности за жизнь старика выводит меня из состояния страшного безразличия. Кое-как я встаю, но поднять Улукиткана на плечи не в силах. Тащу его дальше волоком, падаю, снова тащу...

Вот мы и в перелеске. Оба мокрые, измученные. Оказывается, и тут всюду вода. Я перетаскиваю Улукиткана на небольшую возвышенность и привязываю его ремнём к лиственнице, чтобы он не валился на сырую землю, он настолько ослаб, что не может сидеть.

А день уже кончился. Наступил сумрачный вечер. Ветер шелестел прошлогодней травой. Я оставил Улукиткана под лиственницей у маленького костра, а сам поторопился к оленям. Снова под ногами кочки, вода, ягель...

Кое-как я встаю, но поднять Улукиткана на плечи не в силах. Тащу его дальше волоком.

Когда я вернулся в перелесок, совсем стемнело. Надвинулись тучи.

— Ты олень не пускай, уйдут далеко, не найдёшь, лучше утром накормишь, — сказал Улукиткан, когда я укладывал его на шкуру.

— Но ведь они голодные.

— Ты тоже не ел, да ничего. Говорю: далеко уйдут, ягеля близко нет, а без оленей ты пропадёшь тут, понял?

Я развьючил животных и поодиночке привязал к кустам. Наступала ледяная мокрая ночь, а у нас нет даже брезента, чтобы укрыться от непогоды, не видно поблизости стланика, чтобы сделать шалаш. Придётся коротать ночь у костра. Нужно нарубить дров, приготовить веток для постели и хорошо бы чего-нибудь поесть. У нас ещё есть две лепёшки. На одну половинку сегодня мы, кажется, имеем право...

Я высушил одежду Улукиткана, напоил его брусничным чаем, уложил спать. Старик уже не помнит, где находится, и беспрерывно бредит. Я же не в силах помочь ему.

Ночью я решил дежурить. Больной может раскрыться, попросить воды или захочет повернуться на другой бок. Не услышав ответа, он подумает, что я бросил его. Но как преодолеть усталость, не уснуть?! Какое-то проклятие висит над нами в этом пути!

За редкими кронами лиственниц бегут тяжёлые тучи, еле различимые в темноте. На лицо мне падают липкие снежинки. Я плотнее укутываю больного, подкладываю в костёр дров, усаживаюсь поближе к огню. Тело от напряжения болит, как от ушибов. Глаза смыкаются. Хочется продумать всё, что случилось с нами, разобраться во всех событиях. Но почему-то вспоминаются пустяки, скучные и однообразные мелочи похода. Неожиданно я вижу серого гусака, которого в детстве страшно боялся. За знакомым плетнём, в соседском саду, лает Каштанка, участница всех моих мальчишеских походов. Я взбираюсь на плетень и вижу расцветшие яблони...

Меня разбудил сырой, колющий холод. С гор сползает рыхлый туман. Далеко за ним занимается багровая зорька. Над холодным потемневшим лесом висит одинокое облачко, застигнутое утром. Кругом всё бело. Снова наступила зима. Улукиткан лежит под сугробом. Из снега торчат его голые ступни. Неужели умер?! Сбрасываю шкуру вместе с покрывшим её снегом. Улукиткан лежит на спине со сложенными на груди руками.

— Улукиткан, ты спишь? — И я со страхом всматриваюсь в его мертвенно бледное лицо.

Лицо дрогнуло, ожили морщинки, открылись глаза.

— Тебе всё ещё плохо?

— Мало-мало лучи, только тело шибко ломает, ходить не могу.

— Надо было нам беду переждать на Купури, так ведь не послушался!

— Такой дурной старик, всё спешит, спешит... Ты только не сердчай на меня, хуже темноты да старости ничего нет. Как-нибудь потихоньку до Джогормы дойдём, непременно дойдём. Ты оленей отпусти кормиться...

Я отпустил оленей.

Сегодня мы никуда не пойдём. На биваке ярким пламенем горит костер. Кажется, нет ничего приятнее костра. Да и действительно, кто порадует тебя в трудном пути, кто согреет заколенившее от стужи тело? Костёр оберегает и твой сон, а в дни тяжёлого одиночества он твой верный друг и советчик.

Улукиткан поворачивает к огню то один, то другой бок, греет ноги и всё прихлёбывает горячий чай. Вот уже третий день, как голод сторожит нас. Сегодня мы разделили не съеденную вчера Улукитканом его половину лепёшки, и это до завтрашнего дня.

Днём я осмотрел следующую марь, наметил, как пробраться через неё. На обратном пути набрал тёмнокрасной перезимовавшей клюквы к чаю для старика. Наготовил на ночь дров. Подогнал поближе к табору оленей.

Улукиткан сидел, поджав ноги, у костра и на ощупь шил из бересты что-то похожее на совок.

— Что это ты делаешь? — спросил я.

— Однако нас караулит злой дух, это он послал несчастье на наш путь.

— Неужели ты веришь в духов?

Старик не ответил. Мне показалось, что я своим вопросом обидел его. С минуту мы оба молчали.

— Я не верю, но надо делать, чтобы тебе легче было ходить дальше, чтобы я грузом тебе не был. Старики раньше говорили: если сумеешь обмануть Харги — он потеряет твой след. Попробуем, может, правда, обманем... Всяко бывает.

— Как же ты хочешь его обмануть?

— Это олочи я шью, — шёпотом ответил Улукиткан и насторожённо оглянулся. — Потом скажу, — таинственно добавил он, принимаясь за работу.

На другой день Улукиткану стало лучше. Он встал без моей помощи, а когда всё было готово, чтобы покинуть стоянку, попросил подвести его к постели.

— Надо обмануть Харги. Покажи, где лежали мои ноги.

Я положил его руку на край хвойной подстилки. Старик уложил там вверх носками олочи, обувь, сшитую ночью из бересты, затем старательно взбил хвою, стараясь придать ей вид лежащего человека.

— Теперь сделай большой костёр, пусть долго горит. Харги поверит, что старик мёртвый тут лежит. Будет радоваться, начнёт играть огнём, а Улукиткан уйдёт далеко-далеко. — И старик, хитро улыбаясь, стал на цыпочках отходить от постели.

Я решил сначала перенести Улукиткана до следующего перелеска, а затем вести туда через марь и навьюченных оленей. Привязываю, как вчера, старика к спине и беру в руки палку. Снова ямы, корни, студёная вода и серое, безрадостное пространство вокруг.

НА Д Д Ж О Г О Р М О Й С О Л Н Ц Е

Тянулись дни, полные горестных испытаний. Теперь всего не вспомнить. Пожалуй, и самые подробные записи в дневнике не могли бы запечатлеть тревог, раздумий, надежд, всего пережитого нами. Человек быстро привыкает к невзгодам, даже к опасности, и острота ощущений у него со временем слабеет. Но мне никогда не забыть путь по Зейско-Купуринскому междуречью, по его сопкам и марям, пересечённым густой, запутанной сетью мелких ключей. Мы не раз сбивались с пути, блуждали, возвращались и упрямо шли дальше. К нашему счастью, стояли тёплые, солнечные дни.

Сегодня двадцать седьмое мая. По нашим расчётам, остаётся ещё два — три дня пути, и мы будем у своих. Улукиткан хотя и чувствует себя лучше, но ещё не может покинуть носилки. А беда идёт за бедой. У нас давно кончились продукты, дичь не попадается на глаза. Я сильно ослаб, передвигаюсь с трудом. Всё настойчивее приходится бороться с безразличием. Накануне мы разделили последний кусок лепёшки. Съесть лепёшку сразу или растянуть до конца путешествия — это уж дело каждого.

Улукиткан завернул лепёшку в тряпочку и бережно запрятал в котомку. Он-то хорошо знает, что такое голод, и мне ничего не остаётся, как последовать его примеру.

Вечером добираемся до незнакомой старику марь... Отыскиваем место для стоянки, быстро устраиваем на ночлег.

Я достаю лепёшку, отламываю кусочек величиною со спичечную коробку и наливаю кружку кипятку.

— Тебе хлеба много? — неожиданно спрашивает старик.

Неужели он подозревает меня в том, что я обделяю его продуктами?!

— Столько же, сколько и у тебя, всё, что осталось, я разделил поровну, — отвечаю я.

— Однако ты больше голодный, работаешь весь день, а брюхо пустое. Зачем так много мне отдашь?.. Возьми мой хлеб. Отощавешь, куда пойдёшь,

даже оленя не сможешь поймать. Тогда и память моя, и язык не помогут, пропадать будем...

— Ты не беспокойся, я выдержу. А лепёшку съешь сам.

Старик кутается в дошку, поджигает под себя ноги и, прихлёбывая из кружки кипятков, делает вид, что жуёт лепёшку, а сам припрятал её, думая, что я этого не замечаю...

Ночью я просыпаюсь от холода, хочу встать, положить в огонь дров и вижу старика возле выюков. Он роется в моей потке. Что ему нужно? Может, ошибся, за свою принял. Нет. Слепой достаёт из потки мой рюкзак, развязывает его, вытаскивает кусок лепёшки и заменяет своим, целым... Затем складывает всё как было, отползает к костру, бережно заворачивает в тряпочку кусок моей лепёшки и кладёт себе под голову.

Я не выдал себя и лежал неподвижно, разстроженный благородством слепого проводника. Ведь он голоден так же, как и я, ему дорога каждая крошка хлеба. Мне вдруг вспомнились сказанные им когда-то, в начале экспедиции, слова: «Если от моей заботы вам хорошо, то от этого мне, ещё лучше». Но какой ценою делает он это сегодня!

Голод — страшная сила. Велика его власть над слабыми людьми. Голод может затемнить совесть, разрушить дружбу, толкнуть человека на преступление, которое в другой обстановке показалось бы ему чудовищным. И я восхищаюсь Улукитканом, его негаснущей волей, умением владеть собою, его способностью сохранять, даже в такой беде доброту и чувство товарищества.

Я долго не мог заснуть. А Улукиткан, свернувшись калачиком, спал спокойно, как ребёнок, с сознанием исполненного долга.

Я задремал уже перед рассветом. Вскоре Улукиткан разбудил меня.

— Вставай, однако, дождь будет.

Я поднялся, поправил костёр и стал осматриваться. Тучи завалили восток, но над нашей широкой марью раскинулось звёздное небо.

— Откуда ты узнал, что дождь будет?

— Ты вчера сказал, что я ложусь головой к устью ключа. Где он шумит сейчас?

— Вверху. Ну и что же?

— Эко не знаешь,— ночью в хорошую погоду река или ключ шумит внизу, а сейчас шумит вверху, значит, жди дождя или худой погоды. Понял?

— Понял, но на небе, Улукиткан, ничего подозрительного нет, только восток затянут тучами.

— Небо ещё не знает, а дождь будет. Слышишь, ветер дурит, туда-сюда ходит. Это тоже к непогоде.

Слабые порывы ветра, действительно, качали вершины деревьев, но внизу всё было спокойно.

Я подумал, что слепой ошибся, но вскоре заметил, как за ошестинившимися сопками на востоке зашевелились тучи и широким фронтом стали затягивать небо. Подул сырой, холодный ветер.

Утро рождалось хмурое, без птичьей суеты и песен.

Я достал из потки кусок лепёшки, положенный туда Улукитканом, незаметно обменял его на свой, и мы сели пить чай. Старик тотчас обнаружил подвох.

— Зрячий слепого хочет обмануть,— обиженно сказал он.

— Нет, я не хочу обманывать. Спасибо тебе, дорогой Улукиткан, но ешь лепёшку сам.

Старик отломил от лепёшки кусок, но на лице так и осталось выражение обиды.

Я не нашёл одного оленя, видимо, он где-то уснул в кочках или ушёл далеко. Решили идти без него, голод торопил нас. На трёх оленей пришлось разложить четыре выюка.

У моего проводника настроение было мрачное.

— Место худое впереди,— говорит он.— Как без солнца поведёшь караван, блудить бы не стал.— И принялся объяснять: — След поведёшь вниз к распадку, топкое место попадётся, обойдёшь его и километра через два свернёшь по ложку на перевал в соседний ключ, там думать будем, куда идти.

Мы долго шли, не сбиваясь с пути. И я не переставал удивляться изумительной памяти слепого проводника.

На перевале, возле одиноких деревьев, остановились передохнуть.

— Скажи, как нас встречает лес: сухим горбом или корой? — спрашивает слепой.

— Не понимаю, о чём ты говоришь?

— Хорошо посмотри на дерево, поймёшь, — досаждает Улукиткан.

Я осматриваю лиственницы и замечаю, что их полусохшие голые стволы сгорбились в одну сторону из-за холодных зимних вет-

роз, дующих здесь главным образом с северо-запада. Под горбами же, с южной стороны, от корней до вершины тянутся неширокие полоски коры, прикрывающие живую часть древесины.

— Деревья встречают нас корою, идём почти на север,— отвечаю я старику.

— Пошто на север? Ладно ли смотришь? — забеспокоился тот.

— Правильно говорю.

— Сблудили,— сказал Улукиткан с отчаянием.— Однако не туда свернули, когда обходили марь, нужно было брать левее на юг, а ты пошёл вправо.

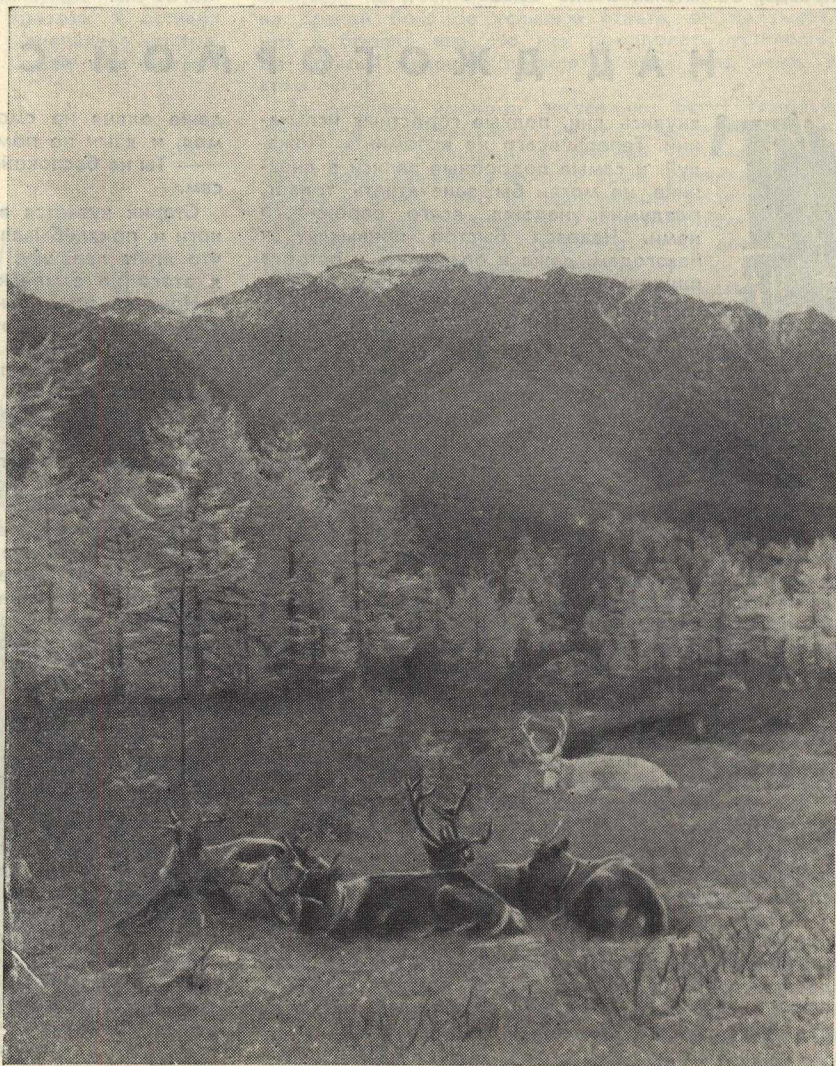
— Возвращаться будем?

— Как же не возвращаться, тут мне места незнакомые, уходить надо отсюда...

Мы своим следом вернулись в распадок, пересекли его и вышли противоположным логом на другой перевал.

— Смотри, как дерево нас встречает? — опять спросил проводник.

— Горбом.

Холодное, хмурое утро на мари.

— Ну вот, теперь ладно...

За перевалом мы спустились в тайгу. Сыро и темно было в однообразном лиственничном лесу, ни просвета, ни единого ориентира. Я скоро сбился с нужного направления и остановил караван.

— Улукиткан, не знаю, куда идти...

— Эко не знаешь, на заход солнца.

— Да ведь солнца-то нет!

— Знаю, что нет. А где мы?

— В густом лесу.

— Тут примет не ищи, иди дальше, когда выйдем к редколесью, скажешь.

Караван снова завиял по чаще, обходя валежник, рывины, завалы. Нужно было бы остановиться, переждать дождь, а то и заночевать, но поблизости не было воды и корма для оленей. Шли мы страшно медленно, голова кружилась от голода, ноги еле-еле передвигались.

— Ну вот, вышли в сосняк. Не помнишь такое место?

— Нет, не помню, давно тут был. Подведи меня к сосне,— сказал слепой, сползая с носилок.

Я подвёл его к нетолстой сосне.

— Смотри хорошо, одна сторона коры должна быть светлая, как золото, другая тёмная, как старая осина. Видишь?

— Вижу, хорошо заметно.

— Разве не знаешь, что от солнца кора деревьев светлеет, а от тени темнеет? Теперь сам себе скажи, где заход солнца, туда и веди след.

Всё оказалось просто и понятно. Но сосняк скоро кончился. Мы перешли небольшое болото и снова погрузились в густой смешанный лес. Опять нет ориентиров. Чувствую, что иду не туда, случайно мне на глаза попало беличье гайно.

— Проверь по нему, ладно ли идём,— сказал Улукиткан.— Вход в гайно всегда за ветром, а ветер тут зимой идёт с запада...

Оказалось, что я вёл караван в обратном направлении. И опять пришлось поворачивать назад.

Но вот в просвете высокоствольного леса показалась округлая сопка. Мы подошли к ней. Кругом непроницаемая завеса из серых туч. Видимость всего лишь на полкилометра.

Под сопкой я нашёл пни срубленных деревьев, два огнища, деревянные каркасы чумов. Всюду валялись сохатина шерсть, кости, олений помёт. Это было какое-то стойбище, не раз посещавшееся людьми. Улукиткан оживился, попросил подробнее рассказать, что вижу.

— Хорошо привёл, шибко молодец,— похвалил он меня.— Тут пастухи Ироканского колхоза с оленями зимою живут, это их место, больше некому быть... Обманули мы Харги, пусть караулит берёзовые олочи, а Улукиткан завтра будет на устье Джогормы мясо кушать, сладкий чай пить.

— Значит, узнаёшь место? Мы близко к своим! — крикнул я, обнимая Улукиткана.

Мы были сейчас самые счастливые люди на свете.

— В какую же сторону нам дальше идти? — спросил я, придя в себя.

— Теперь от заката солнца можно маленько на полдень свернуть, где-то близко должна марь большая быть, там есть старый лабаз пастухов, от него тропка пойдёт к Джогорме. Говорю, недалеко осталось. Как до воды дойдём,— останавливайся, ночевать будем.

Надежда воскресила силы, и мы снова тронулись в путь.

День был уже на исходе. Я вёл караван через лес напрямик, руководствуясь только каким-то внутренним чутьём. За лесом началась старая гарь. Погибшие лиственницы, падая, подняли корнями

Я усадил слепого, развёл костёр и ушёл искать марь.

пласты чёрной, обугленной земли. Одни деревья наклонились и угрожающе замерли в воздухе, другие уже распластались по земле, перегородив сучьями проходы. Пробраться сквозь этот хаос с носилками было невозможно. Старик кое-как тащился за мной пешком. Не меньше часа пробивались мы какие-нибудь полкилометра.

— Однако утка кричит, марь близко,— сказал вдруг Улукиткан, останавливаясь.

Где-то справа и чуть позади нас одиноко кричала утка.

— Что же делать будем?

— Думай, как лучше: брести с оленями на марь или тебе вперёд ходить, смотреть, не там ли лабаз?

— Схожу посмотрю. А тебе костёр разведу, погрейся пока.

— Костёр хорошо, тело шибко застыло...

Я вывел караван к лесу, усадил слепого под лиственницей, развёл костер и пошёл искать марь...

Утка не обманула: за небольшой гривой стройного лиственного леса потянулась бугристая марь. С двух сторон в неё вонзились жала узких перелесков. Земля была, словно оспой, изъедена чёрными рывинами, усеяна пухлыми моховыми кочками. Я обошёл болотце, примыкавшее к лесу, и направился дальше вдоль мари. Вдруг из-под ног выскочил заяц. Метнувшись в кусты, он метров через полтора остановился, приподнялся на задних ногах и пугливо замер. Я сбросил с плеча карабин, прицелился и выстрелил. На зайца выстрел не произвёл никакого впечатления, он только настороженно повёл длинными ушами и продолжал стоять на задних ногах. Я торопливо прицелился и выстрелил ещё раз. Косой исчез. Неужели снова промах?! Нет, вот она, добыча! Теперь у нас есть чем утолить голод... Видно, и счастье не приходит одно!

У меня не хватало сил таскать зайца взад-вперёд, я положил его под приметной лиственницей и пошёл дальше вдоль мари...

Однако, вскоре я увидел, что до конца её мне не дойти. Сгустился туман. Моросил дождь. Я решил возвращаться. И вот тут-то на глаза мне попала тропка. «Вероятно, к лабазу!» — подумал я и зашагал по ней...

Тропа перевела меня через марь, пересекла пе-

Старый эвенкийский лабаз.

релесок и действительно вышла к лабазу. Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что мы близко от своих.

Я на минуту задержался, чтобы запомнить место. Лабаз стоял на возвышенности, и, судя по тому, что вокруг него уже поднялась молодая лесная поросль, люди сюда давно не приходили. Это видно было и по самому лабазу: крыша у него прогнила, пол провалился, один столб наклонился набок. На деревьях были видны зарубки, на земле валялась старая железная печь, ствол от старинного ружья и всякая рухлядь. Если бы Улукиткан мог видеть всё это, он, наверно, рассказал бы о людях, хозяевах лабаза.

Место для ночёвки здесь было удобное: рядом вода и хороший корм для оленей. Надо было поторопиться засветло привести сюда караван.

Возвращаясь, я намеренно прошёл по тропе дальше своего следа, чтобы не идти краем мари, а свернуть потом напрямик к гари. На пути попалось кочковатое болото. Пока обходил его, густой туман лёг на тайгу. Увидав просвет между деревьями, я свернул к нему. Но это оказалась не мари, а бурелом. Осмотрелся: место незнакомое. Вспомнил, что мари оставалась у меня слева, свернул туда. Иду, тороплюсь, а мари нет, всё лес да лес. Начинаю ругать себя за опрометчивое решение идти напрямиком. Но ещё уверен, что караван где-то близко. Крикнул, прислушался, никто не отвечает. Неужели заблудился? Нет! Слепой старик не может остаться

один в эту дождливую и холодную ночь! Бросаюсь ещё левее, бегу, натыкаясь в темноте на сучья, падаю и продолжаю пробиваться вперёд. Понять не могу, куда девались мари и горелый лес. Бреду в темноте на ощупь, со всей силой ощущая ту страшную беспомощность, какую испытывает Улукиткан, потеряв зрение. Начинаю понимать, что иду зря, не найти мне сегодня каравана. Но только остановлюсь, сейчас же в воображении появляется лиственница на краю гари с привязанными к ней оленями, залитый дождём огонёк и слепой старик, промокший, голодный, беспомощный.

Вспомнив о висящем за спиной карабине, я стреляю вверх. И долго жду ответа. Ноги подламываются в коленях. Стреляю ещё раз и снова напрасно. Видимо, я далеко ушёл от старика или патроны у него не могут разрядиться.

Снова бреду, почти бессознательно передвигаю отяжелевшие ноги. Спотыкаюсь и падаю. Чувствую, что подняться уже нет сил. Безразличие овладевает мною, ненужными кажутся костёр, тепло, ужин из зайчатины. Хочется прижаться лицом к земле и спать. Нет, нельзя! За безразличием приходит конец... Я встаю. Ощупью нахожу берёзку и сдираю с неё кусок коры, на ощупь собираю сушник, разжигаю костер. Надо восстановить силы до наступления завтрашнего дня.

Одежда на мне промокла насквозь, дрова горят вяло, от голода меня мутит. Сквозь тяжёлую дремоту проплывают перед глазами всё те же горы, болота, беспросветная тайга. То я оказываюсь возле старика, то снова один лежу на мокрой земле.

Очнулся я от холода. Из-под седого пепла сиротливо смотрели на меня красные бусинки дотлевающих угольков. Еле заставил себя встать и разжечь костёр. Зато как хорошо отогреться!

Огony! Что делал бы я без тебя в холодной тайге? Почему-то вспомнилось детство, когда ездил на лошадях вместе со сверстниками в ночное. На таком вот костре пекли картошку, и до чего же она была хороша! Никогда после не приходилось есть такой вкусной. И вот сейчас, спустя много лет, потянуло вдруг запахом той самой картошки, испечённой в золе. Многие я отдал бы сейчас за пригорелую корочку, которая когда-то осталась недоёденной..

Наконец-то рассвело. Лениво расплзается сырая тьма, расступаются деревья.

Куда же идти? За ночь я столько напетлял по тайге, что невозможно припомнить направление, по которому я шёл с гари. Правильнее всего было бы задержаться здесь, пока распогодится, тогда я легко нашёл бы стоянку. Но скоро ли распогодится? Выживет ли без меня Улукиткан? И я решаюсь идти. Почему-то мне показалось, что слепой старик с оленями находится по прямому направлению от меня через костёр. Почему именно через костёр, не знаю. Хотел было ещё раз выстрелить, да вспомнил, что в карабине всего один патрон. Он ещё может пригодиться...

Иду через силу. Ничто не нарушает гнетущей тишины леса. Не пикнет птица, не щёлкнет белка, не пробежит зверь. Только тяжёлые капли влаги гулко падают на шапку, на плечи, на землю. Неожиданно выхожу в редколесье, прорезанное небольшим ручейком. Здесь по деревьям можно определить направление от нашей стоянки сторону. Значит, я блуждаю где-то далеко от старика. Отсюда, вероятно, легче по ключу добираться к лагерю товарищей. Но как же Улукиткан? Я поворачиваю обратно.

Но не успел я сделать и десятка шагов, как услышал странный звук: будто кто-то шлёпнулся в воду. Я осторожно вернулся к ключу. В просвете между кустами блеснул заливчик, на нём под бережком плавала утка с селезнем. Вот она, удача! Я приподнял карабин, но тотчас же остановил себя: последний патрон надо беречь. Кто знает, каков будет конец моего пути! Разве попробовать добыть утку без выстрела?

Я отошёл в сторону, вырезал палку и осторожно пополз по липкой земле вдоль берега. Знаю, что делаю глупость,— не добыть птицы палкой, но голод гонит меня. Откуда и сила взялась!.. Остаётся всего метров пять. Выглядываю из-за валежины: на кочке, залитой водою, сидит утка, прихорашивается, бросает чубатой головой на себя воду, словно серебром обливая серенький наряд, полощется хвостом, шлёпает крыльями по воде и, на минуту замирая, что-то бормочет плавающему рядом селезню. Тот, нарядный, франтоватый, вертится перед ней, хвастливо показывая то один, то другой бок, то белую грудку и одностонно повторяет: «Шит-шит...»

Вдруг свист, всплеск воды, столб брызг: на заливчик упал второй селезень, и пошла потасовка. Разъярённые соперники наскakивали друг на друга, бились крыльями, щипались, ныряли. Я, воспользовавшись этим, подползаю ближе и швыряю свою палку. Приподнимаюсь, на воде никого нет. Я в изне-

можении опускаюсь на землю. А снизу по ключу доносится дразнящий крик утки.

И снова я иду по лесным дебрям. Ноги с трудом переступают через валежник. Взглянул на часы и удивился: давно перевалило за полдень. Движение уже не согревает меня. Вокруг ни единого сухого местечка: затяжной дождь до отказа напитал почву. Пытаюсь развести костёр и не могу: пальцы не слушаются. И тут будто кто-то властно кладёт мне на плечо тяжёлую руку, клонит меня к земле, я падаю и теряю сознание...

Очнулся ночью, разбитый, заколеченный. Не могу вспомнить, как попал в тайгу. Хочу пошевелить ногами, но их словно нет. Не чувствую и рук, всё онемело. На губы с шапки стекает струйка воды, я жадно глотаю её. Вдруг слышу: хрустнул сучок под чьим-то тяжёлым шагом. В темноте кто-то зло фыркнул и ленивой поступью, словно нехотя, обошёл меня справа. Когда смолкли шаги, я нащупал рядом валежник, настругал ножом щепок, развёл костёр.

При свете огня увидел на ветке сухой гриб. Достал и съел его. Гриб показался мне удивительно вкусным, но он очень мал и только ещё больше раздражил голод.

Необыкновенная тишина сковала сгустившийся лес. Мне кажется, что я слышу, как корни всасывают из почвы влагу, как поднимается она по стволу

Так выглядят мари — открытые заболоченные пространства в тайге с блестящими повсюду пятнами мелких озерков.

и, разбиваясь на тысячу ручейков, течёт по тонким веточкам к почкам, как набухают те от липкого сока...

Тепло костра немножко ободряет меня. Я стараюсь не думать об Улукиткане. Мне уже кажется, что нам не суждено больше встретиться. Не пережить слепому эти дни. Да выйду ли и я... Мною всё больше овладевает предчувствие неизбежной развязки.

Отогревшись, я достаю из кармана записную книжку — немую свидетельницу всего случившегося. Пишу дрожащей от слабости рукою:

«30 мая. Злой рок продолжает преследовать меня. Попрежнему тайгу окутывает густой туман. Он не даёт мне определить дорогу. Ноги и руки заметно припухли. Сапоги окончательно развалились. Остаётся всего две спички, следовательно, я могу рассчитывать ещё на один — два костра. Если погода изменится, то это, возможно, будет мой последний костёр. Уйди я позавчера своим следом от лабаза к бурелому, где оставил Улукиткана, ничего подобного не случилось бы, и мы могли уже быть у своих. И ведь хорошо знаю: нельзя ходить напрямик по незнакомой тайге, да ещё в туман, вот и расплываюсь за оплошность.

Хочу теперь вернуться к ключу, по нему, наверное, дойду до Джогормы, по ней доберусь до её устья, до своих, и организую поиски Улукиткана. Этот план кажется мне более верным.

Буду идти. Думаю, немного дней осталось до развязки. Какой бы она ни была, я должен спокойно встретить её. У меня нет причины жало-

ваться — сама себя раба бьёт, что не чисто жнёт. Страшно обидно, что всё так нелепо получилось...».

Сквозь ночной туман просачивается свет утра. Я встаю, сдираю с берёзы кусок бересты, заворачиваю в неё записную книжку и прячу в карман. Если ей суждено пережить меня, то записи в ней избавят друзей от поисков причин нашего несчастья.

В одном сапоге — второй развалился, и нога просто завёрнута в портянку — пробираюсь я по чаще. Впереди неожиданно показывается просвет между деревьями. Тороплюсь к нему, всё ещё надеясь попасть к знакомому горелому лесу. Но нет, выхожу на небольшую марь и не верю глазам своим: против меня примерно в ста метрах пасётся крупный медведь, чёрный, с белым галстуком на груди. Я прячусь за толстой лиственницей. Опушенная голова зверя поворачивается то вправо, то влево. Вот он задержался возле колоды, разломил её, собрал языком какие-то личинки, разрыл когтями кочку, полакомился корешками.

Бесшумно снимаю с плеча карабин, сам себя убеждаю не торопиться: ведь патрон один. Прижимаюсь к стволу, начинаю целиться.

Руки дрожат, мушка скачет, никак не могу остановить её. Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на землю...

Медведь, не чуя опасности, беспечно пасётся. Вот он поворачивается ко мне боком, что-то жуёт и смотрит в противоположную сторону. Я становлюсь на колени и, положив ствол карабина на поваленное дерево впереди, снова целюсь. Теперь мушка не дрожит. Нажимаю спуск. Выстрел разрывает тишину. Медведь, перевернувшись через голову, со страшным рёвом падает на землю.

Я стою, прижавшись к лиственнице, боюсь пошевелиться, чтобы не обнаружить себя. Возможно, пуля не смертельно ранила зверя, а раненый медведь ой как опасен! Тем более, если в ружье больше нет заряда...

Но вот рёв стал затихать, переходить в тяжёлый стон. Вижу, как зверь встаёт на передние лапы, осматривается, пытается сдвинуться с места, но с яростным рёвом падает на землю. Снова встаёт и снова падает. Вот он ползёт на передних лапах, впиваясь когтями в сырую землю и волоча зад. Иногда ему удаётся встать на все четыре лапы, но через два — три шага он снова валится, и страшный рёв потрясает тайгу. Я догадываюсь: пуля повредила зверю позвоночник.

Покидаю свою засаду, обхожу марь и осторожно подкрадываюсь к раненому медведю, вытащив нож. Зверь, услышав шорох, приподнимается на передних лапах, поворачивает лобастую морду в мою сторону и насторожённо замирает. Наши глаза встречаются, и мне не по себе от его сосредоточенного, полного бешенства взгляда. Но тут на помощь мне пришёл ветерок, набросив на медведя запах человека. Какой ужас охватил зверя! Он, казалось, забыл в этот момент про рану, про боль, метнулся в сторону, но тотчас же упал, и снова рёв разнёсся по лесу. Я открыто иду на медведя. Между нами остаётся не более десяти шагов. Медведь повернул в мою сторону морду и замер, как бы готовясь к прыжку.

В его тяжёлом дыхании, во взгляде маленьких круглых глаз ещё чувствуется страшная звериная сила, способная постоять за себя. Но страх перед человеком заставляет зверя отступить. Он ползёт на передних ногах, волоча задние. Голод гонит меня следом за раненым медведем... Мясо восстановит мои силы. Я непременно найду Улукиткана. Мы дойдём до своих...

...Вот уже пять часов длится поединок. Зверь

Положив ствол карабина на поваленное дерево, я снова целюсь.

ползёт всё медленнее. Но когда я подхожу к нему ближе, он лязгает зубами и рычит. Впереди маленькое болотце, медведь ползёт к нему, наклоняет голову, и я слышу, как он торопливо лакает воду. Я в изнеможении опускаюсь на колоду. Неужели он не скоро сдастся?! Тогда конец! И вдруг я вижу картину, как бы нарочно выхваченную памятью из прошлого: толстый трухлявый пенёк, под ним между полусгнившими корнями лежит мёртвый человек. Рядом потухший костёр, поодаль брошена котомка с деревянным лотком для промывки песка. В сжатых пальцах правой руки мертвец держит замшевую сумочку с золотом... Эту картину гибели заблудившегося золотоискателя я видел много лет назад в верховьях Алдана. И нужно же было вспомнить её в эти тяжёлые минуты борьбы за жизнь!..

Я вскакиваю и иду на медведя. Зверь отползает. Подхожу к болотцу, наклоняюсь. Кто-то чужой, страшный смотрит на меня из глубины водоёма. Неужели это я? Лицо стало маленькое, скуластое, глаза и щёки ввалились, губы высохли. Телогрейка на мне висит клочьями. Страшно видеть себя таким изнурённым. Чужим показался я себе... Догоняю зверя. Вот он подполз к толстой колоде, перебрасывает через неё передние лапы и не может двинуться дальше. Он судорожно вытягивается, и протяжный, предсмертный рёв оповещает жителей тайги о гибели владыки.

...Снова ночь. Дождь давно перестал. Лес стонет под порывами налетевшего ветра. Ветер разогнал туман и тучи. Небо празднично сияет звёздным блеском.

Под лиственницей, на краю болотца, горит мой костёр. На двух деревянных шомполах жарится мясо. Я ем всю ночь. Стараюсь есть понемножку. Боюсь перегрузить отвыкший от пищи желудок. Засыпаю на десять—двадцать минут и, проснувшись, продолжаю своё пиршество. Чувствуя, как организм набирает силы, как возвращается ко мне бодрость. Думаю об Улукиткане... Почти нет надежды найти его живым.

Пробуждается утро. Ожил лес, озарённый багряным румянцем зари. Видимость прекрасная. Я направился к недалёкой возвышенности, рассчитывая с неё осмотреть местность и, быть может, увидеть дым костра.

С пригорка мне открылось освещённое светом зари пространство. Справа в широкой долине текла река. Слева темнела глубокая падь, окружённая с трёх сторон знакомыми мне горами. Километрах в четырёх на юге я разглядел марь, а левее из-за леса торчала копной та самая сопка, возле которой мы видели табор пастухов. Дыма нигде не было видно. «Только благодаря туману можно было запутаться в этом несложном рельефе!» — с отчаянием подумал я. Теперь окончательно ясно, что я отклонился далеко на север и два дня топтался на одном месте.

Почти бегом спускаюсь в падь и неожиданно быстро выхожу к лабазу. Вдруг впереди слышится крик ворона. Бегу на крик и с облегчением убеждаюсь, что вороны доедают убитого мною зайца. Спешу дальше.

Вот и гарь, вот наш табор... Но там никого нет.

Вьюки, сёдла аккуратно сложены под лиственницей, уздечки висят на сучке, всё по-хозяйски прибрано. Небольшое огнище размыто дождем, видно, недолго грелся возле него мой слепой проводник. Ушёл он отсюда только с ружьём и топором. На лиственнице Улукиткан оставил загадочные приметы: затёс, вбитую в него стреляную гильзу, на которой повешено сплетённое из ерниковых веток

Это наш верный Кучум.

кольцо и пять тоненьких прутиков с рогульками на конце, связанных пучком. Долго и тщетно мучаюсь я над разгадкой этих замысловатых знаков, — к сожалению, я совершенно не понимаю лесной письменности и не могу прочесть оставленную для меня Улукитканом грамоту. Знаю, что слепой старик не мог уйти далеко отсюда. Кричу. Но никто не отвечает на мои призывы. Хожу вокруг табора — нигде ни следа, ни примет, всё смыла непогода.

Что же заставило слепого вскоре после моего исчезновения уйти от стоянки? Неужели он ещё надеялся выбраться из этой чащи, погружённой для него в вечный мрак?

Я достаю из потки свой рюкзак и нахожу в нём нетронутый кусочек лепёшки и крошечный ломтик сала, — старик до последних минут остался верен себе. Кладу в рюкзак дневник, карту, гильзу, прутики, жареное мясо, принесённое с собою, разную мелочь. Невыносимо тяжело у меня на сердце. Много забываемых, прекрасных дней мы провели с Улукитканом в походах, сколько было вечеров у костра, сколько долгих его рассказов о прошлой, невозвратно ушедшей жизни звенков! Каким дорогим и близким он стал для меня! И вот я покидаю последний табор этого старика, ухожу, бросая его непохороненным, оставляю в тайге на съедение зверям и птицам. В его смерти, безусловно, виновен я.

Выхожу на тропу, она ведёт меня в юго-западном направлении. Часто останавливаясь, кричу, прислушиваясь. Скоро тайга кончилась. Впереди широкая долина. Пошли открытые места, затянутые ерни-

ком и зелёным мхом. Неожиданно доносится отдалённый гул самолёта. Он приближается, ширится и внезапно обрывается.

На краю перелеска я останавливаюсь передохнуть и вижу: ко мне бегут два чёрных зверя. Неужели медведи?! Хватаюсь за карабин, но вспоминаю, что в нём нет патронов. Присматриваюсь,— нет, это не медведи. Кто же нагоняет меня такими большими и лёгкими прыжками? Неужели собаки?

— Кучум! Бойка!

Кучум с разбега бьёт меня грудью, и мы оба валимся на землю. Собаки лизут меня, роются мордами в одежде, визжат, а я обнимаю их и, кажется, плачу...

Через полчаса на тропе показывается человек с котомкой и ружьём за плечами. Он почти бежит к нам...

Только собаки были свидетелями того, как два человека, один чёрный, худой, с свалившимися глазами, в лохмотьях, а другой румяный, весёлый, чисто выбритый, в новой телогрейке, обнялись и долго трясли друг друга.

— Неужели это ты, Трофим?

— Конечно, я, а это Кучум, Бойка! Не узнаете нас?!

— Я потерял проводника. Он, наверно, погиб... Нужно немедленно искать его...

— Жив, жив ваш проводник!.. Вчера утром пришёл на табор,— отвечает Трофим Королёв.

— Я говорю про слепого проводника, про Улукиткана... Он не мог идти без меня.

— И я тоже о нём говорю, о слепом старике. Вчера он пришёл на табор, а сейчас — слышали? — самолёт прилетел за ним, отправляем в Благовещенск, в больницу... Давайте разведём костёр, и я вам расскажу всё подробно. Кстати, и чайку попьем, идти ещё далеко...

Мы сидим у костра.

— Четыре дня тому назад мы с Василием Мищенко возвращались с маршрута на табор да запоздали,— рассказывает Трофим.— Решили заночевать. Уже спать ложились, слышим, где-то далеко-

далеко два выстрела прогремели, затем один поближе.

— Два выстрела были мои, а ответный — старика, только я его не слышал...

— Ни один из нас даже и не подумал, что тут могут быть люди, решили, что это сухие деревья падают,— продолжает Трофим.— Утром поднялись, собак не оказалось на ночёвке, пришли на табор — и там их нет. Не явились они и на следующий день. На третий пришла одна Бойка, без Кучума. Василий решил идти искать, думал, что собака держит зверя. Стоим мы возле костра, разговариваем об этом и вдруг видим: из лесу к нашей палатке идёт человек. На поводке у него Кучум, за плечами ружьё, котомка, глаза перевязаны тряпкой, в правой руке костыль, идёт и ощупывает землю. Василий сразу узнал старика. Как уж тот обрадовался, верите, ну дитя да и только! Плачет... Одежка на нём изорвана, ноги в крови... Он-то и подсказал нам, где вас искать.

— Да как же слепой сам выбрался?— перебивает я Трофима.

— К нему на выстрел прибежали наши собаки, но старик не пошёл сразу. Привязал Кучума и поддерживал его сутки без корма, рассчитывая, что голодная собака уж наверняка отприветит прямо к лагерю. Она действительно и привела его к нам. Мы сразу же связались со штабом. Пообещали нам в первый лётный день выслать за стариком самолет. — Ты не представляешь, Трофим, как мне хочется, чтобы спасли Улукиткану зрение!..

— Будем надеяться, всё обойдётся хорошо...

Из леса по тропе к нам горопливо шёл Василий Мищенко.

Ветер, сухой и тёплый, рылся в прошлогодней листве. На тайгу, на марь, на ручей, на тропу лился поток горячих солнечных лучей. Маревом курились пересёлки.

Издалека донёсся гул отлетающего самолёта.

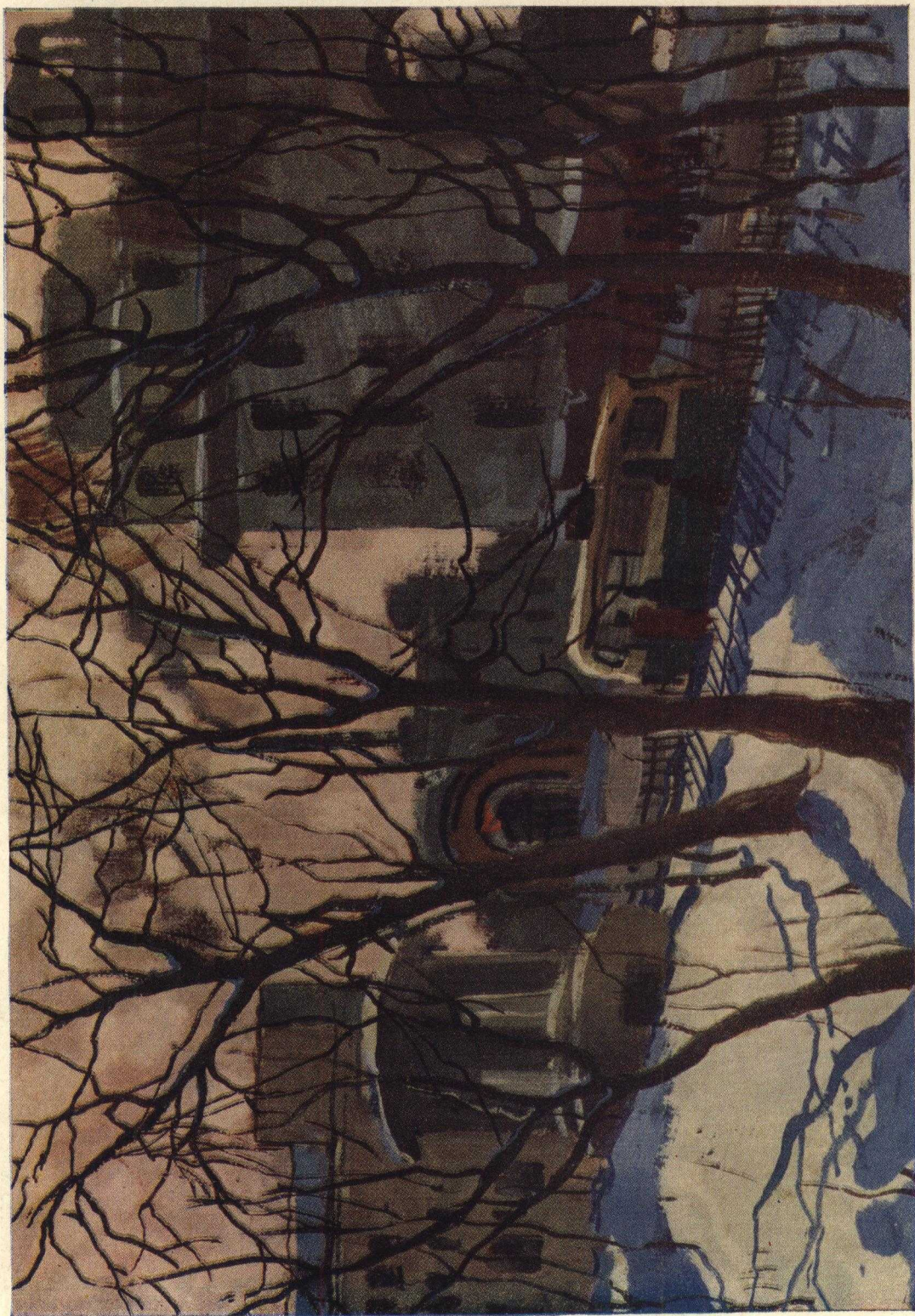
Словно долгие годы шёл я сквозь тяжёлые испытания, чтобы увидеть этот тёплый, ясный день.

НА КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЛОЩАДИ.

Егоров Юра.

У КРАСНЫХ ВОРОТ.

Егоров Юра.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Рисунки А. Кокорина.

Заветы отца

ТУРКМЕНСКАЯ СКАЗКА

В древние времена жил в одной деревне крестьянин. С рассвета до темноты работал он на своём маленьком поле, учил сыновей обрабатывать землю.

Дни проходили в неустанном труде — даже поговорить было некогда. Пройдёт мимо сосед, скажет:

— Арма! — По-туркменски это значит: «Не знай усталости».

— Бар бол! (Пусть будет так!) — ответит крестьянин на приветствие.

Вот и весь разговор.

Прошли годы. Выросли сыновья, возмужали, а к отцу незаметно подкралась старость. Долго не сдавался старик, не хотел отставать от сыновей в работе. На просьбу прилечь, отдохнуть отвечал:

— Умру — належусь.

Как с заходом солнца внезапно наступает в Туркмении ночь, так же внезапно пришёл конец долгой жизни старика. Обессиленный, лежал он у своего дома под сенью посаженной им шелковицы и с тоской смотрел на своих сыновей. Сыновья ждали последних отцовских заветов.

— Никому не говорите: «Арма!» — с трудом проговорил старик, еле шевеля губами.

Низко склонились над ним сыновья, боясь не расслышать!

— Хлеб надо кушать с мёдом, и... — Силы оставляли старика. Казалось, он уже не дышит. — ...И обувь новая каждый день.

Это были его последние слова.

Хоть и показались они странными, братья стали точно исполнять их.

Обливается потом человек на очистке ары-

ков от ила, братья идут себе мимо и не скажут: «Арма!»

Немее слабая женская рука, вращая жернова ручной мельницы, братья проходят мимо и не говорят: «Арма!»

Удивляются люди: «Не в отца пошли сыновья. Гордецы. Никто не слышал от них обычного пожелания: «Арма!»

А братья и сами не рады.

Хлеб ели они только с мёдом, и мёд опротивел им до того, что смотреть на него не хотелось. А новая обувь каждый день грозила им полным разорением.

Как быть? Нарушить заветы отца нельзя, но и исполнять их нет возможности. И решили братья отправиться к мудрецу, слава о котором шла по всему свету. Может быть, он посоветует им, что делать?

Мудрец принял их ласково. Внимательно выслушал, а потом сказал:

— Отцовские заветы дороже золота. Как же можно их не выполнять?

Братья возражать не посмели. А мудрец, помолчав немного, ласково улыбнулся и спросил:

— Если раньше всех вы пойдёте на работу и позднее всех вернётесь домой, кого вы увидите за работой?

— Никого.

— Значит, вам некому будет сказать: «Арма!»

— Верно! — обрадовались братья.

— А если каждый день вы будете работать с рассвета до ночи, то хлеб вам будет казаться сладким, словно он на меду.

— Золотые слова! — в один голос сказали братья.

— Придётся с работы домой, — неторопливо продолжал свою речь старик, — покушайте, отдохните и приметесь за осмотр обуви; почистите её, почините, смажете, и к утру ваша обувь будет, как новая. Без крепкой обуви в поле много не наработаешь.

Радость братьев была омрачена только тем, что им нечем было отблагодарить мудрого старца. Они сказали ему об этом.

— Вы богаче всех на свете, — ответил старик. — Мудрость вашего отца и меня обогатила.

Записал, перевёл и обработал **Дурды Атаев.**

О мудром пастухе и злом, трусливом хане

УЗБЕКСКАЯ СКАЗКА

В древнем городе Самарканде жил некогда хан, и был этот хан высокомерен и жесток. Всю жизнь он безжалостно притеснял свой народ, разорял его непомерными налогами, рубил головы непокорным. Но с годами всё чаще стала преследовать хана мысль о неизбежной смерти. Он боялся, что смерть накликут на него проклятия бедняков.

Долгими бессонными ночами стал он думать о том, как уберечься ему от этих проклятий.

И вот однажды хан созвал во дворце всех своих важных и мудрых сановников, визирей и звездочётов и спросил их совета. Но сановники и мудрецы лишь качали чалмами, тынули кальян и ничего не могли придумать.

Тогда среди наступившей тишины раздался молодой, звонкий голос, и на середину зала вышел стройный загорелый юноша.

— Как посмел простой пастух осквернить рванью своей одежды и грязью своего тела дворец великого хана? — воскликнули возмущённые придворные.

Они уже хотели кликнуть дворцовую стражу, но хан сказал:

— Оставьте его, а вдруг он что-нибудь придумает.

— О великий хан, — произнёс тогда юноша, — мне кажется, я придумал средство, которое заставит народ прославлять твоё имя на долгие лета. Не спрашивай меня пока ни о чём, но к вечеру ты уже всё узнаешь.

— Хорошо, — сказал хан, — только смотри,

если ты собираешься меня обмануть, ты будешь казнён этой же ночью.

Юноша молча поклонился хану, вышел из дворца и зашагал по шумным городским улицам, потом по пыльным дорогам, вдоль зелёных полей, потом по узким горным тропинкам, заросшим диким кустарником, и наконец вышел в цветущую горную долину.

Здесь паслось самое лучшее в мире стадо баранов — стадо самого хана. Пять старых пастухов стерегли это стадо. От безделья и скуки они пристрастились к опиуму и курили его с утра до вечера. И сейчас они сладко спали, накурившись опиума, и не слышали, что делалось вокруг. Они не проснулись и тогда, когда последний баран из ханского стада покинул долину. Гоня перед собой стадо, юноша снова пошёл по узким тропинкам в зарослях кустарника, потом по пыльным дорогам вдоль зелёных полей и наконец вступил на шумные городские улицы.

Несмотря на поздний час, в городе на огромной базарной площади толпился народ. Слышались выкрики продавцов, скрипели арбы, ревели верблюды, кричали ослы, муэдзин с соседней мечети призывал правоверных на вечернюю молитву. Прямо к этой площади и погнал баранов юноша. Прохождение почтительно расступались перед ним, потому что даже стадо хана внушало им страх и трепет.

Остановившись у базарных ворот, юноша громко закричал:

— Пусть самые бедные и обездоленные из вас без страха подойдут ко мне и выберут себе баранов. Денег сейчас платить не нужно: вы вернёте их мне, когда умрёт хан.

Бедняки, услышав эти необычайные слова, бросились к ханскому стаду и мгновенно разобрали всех баранов.

Но не успела смолкнуть радостная песня бедного погонщика мулов, увидевшего своего барана последним, как ханская стража, прослышав о том, что делается на площади, схватила молодого пастуха и потащила его во дворец.

Там окружённый пышной свитой сидел хан. Лицо его было гневно.

— Как посмел ты, презреннейший из презренных, — сказал он юноше, — увести моё стадо и раздать его оборванцам, да ещё упоминать при этом о моей смерти.

— Светлейший хан, — спокойно ответил юноша, — разве теперь бедняки будут желать тебе смерти? Ведь теперь с твоей жизнью связано всё их благополучие.

— Ты, пожалуй, прав, — мрачно ответил хан, — но всё же ты совершил преступление, уведя моё стадо, и, согласно закону, должен быть казнён. Но я смягчу твою участь, от-

дав тебя тигрице, вместо того, чтобы сбросить с башни смерти.

— Великий хан, — всё так же спокойно произнёс юноша, — какой смысл для тебя в моей смерти? Ведь, убив меня, ты осводишь народ от тягчайшего заимодавца, и кто же тогда будет желать тебе долгой жизни?

— Выходит, ты опять прав, юноша, — сказал хан. — Ступай к своему стаду, да не вздумай попадаться мне больше на глаза.

Юноша вышел из ханского дворца и, шагая по старым знакомым дорогам, запел весёлую песню, думая о тех бедняках, которых он сделал счастливыми благодаря глупости и трусости злого хана.

Записали и обработали
Е. Вислоцкая, М. Хусейн.

ДОВРАЯ ПАМЯТЬ

«Ты уехал, а цветы, посаженные тобой, остались и растут. Я смотрю на них, и мне приятно думать, что мой сынишка оставил после себя на Капри нечто хорошее — цветы.

Вот если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, — легка и приятна была бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным,

и это чувство сделало бы тебя богатым душой. Знай, что всегда приятнее отдать, чем взять».

Это письмо Алексея Максимовича Горького десятилетнему сыну Максиму мы вспомнили, когда читали дневники ребят, участников одного туристского слёта под Москвой. Ребята много путешествовали и везде, где побывали, оказались нужными и полезными людям, везде оставили о себе добрую память.

Здесь мы печатаем отрывки из их дневников.

22/VI 1956 г. 10-й ДЕНЬ ПУТИ.

Утром наши байдарки подошли к Большой Волге. Здесь нам предстояло пересечь на плот, который шёл по каналу имени Москвы мимо города Дмитрова. Диспетчер шлюза объявил по радио: «Капитану буксира «Пётр Кривонос»!.. Капитану «Пётр Кривонос»!.. Примите на плот группу туристов-байдарочников. Они будут следовать с вами до Дмитрова». И мы пересели на плот.

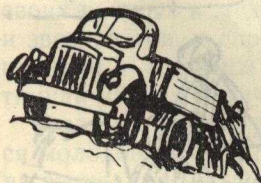
Погода была хорошая. Мы загорали и купались, стирали телняшки. Продукты у нас кончались, и ребята перешли на «подножный корм»: плавали на берег, собирали ягоды и щавель.

Во второй половине дня погода испортилась. Пошёл дождь. Мы забрались в палатки и пели песни. Кто-то, высунувшись из палатки, заметил, что на берегу канала застряла машина с грузом. Ясно, что тут без нашей помощи не обойдётся. Недолго думая, ребята решили помочь шофёру. Переплыли на берег и увидели, что машина прочно застряла в канаве. Кто-то из ребят предложил разгрузить её. После этого легко, под крики «ура» вытащили машину из канавы. Быстро нагрузили машину и проводили до хорошей дороги. Распрощавшись с шофёром, от которого получили тысячу благодарностей, мы побежали вдогонку за плотом.

За работой никто не заметил, как мы все перепачкались. Догнав плоты, ребята бросились в воду, нырнули и вынырнули на плоты чистыми. Мы снова стали петь песни, и у всех было какое-то особенно приподнятое настроение.

Дежурный Быханов Юра.

Из дневника туристов 355-й школы Москвы.

19/VI 1956 г. 5-й ДЕНЬ ПУТИ.

Вчера, воспользовавшись гостеприимством колхозников, мы решили переночевать в сарае, чтобы отдохнуть от комаров. Но, увы, наши мечты о спокойном сне не сбылись. Сарай был весь в щелях, через которые свободно проникали целые полчища комаров. Как только они нас заживо не съели!

Утром встали, позавтракали и пошли работать на колхозное поле. Мы собирали в стога только что скошенную траву, которая шла на силос. Работали быстро, дружно, весело. Когда пришёл бригадир

с колхозниками, чтобы помочь нам, они были очень удивлены: стога уже стояли ровными и аккуратными рядами. В колхозе мы впервые увидели, как делают силос.

После обеда помогли колхозникам посадить и полить капусту, а потом Инна Наместникова сделала коротенький докладик о грозовых явлениях природы, а все мы показали небольшую самодеятельность.

Заботина Зоя.

Из дневника туристов 398-й школы Москвы.

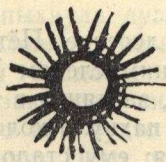

20/VI 1956 г.

...С выходом опоздали, придётся идти по жаре. Солнце уже стоит высоко и палит нещадно. Впереди виднеется зелёный лесок. Скорее бы дойти до него! Дежурные-ведущие ускоряют шаг, и вот мы уже в лесу. Прошли всего метров сто — сто пятьдесят и вдруг заметили слева от дороги дымок. Это тлело дерево. Без лишних слов группа приступила к тушению пожара: разрубили дерево и залили его водой из большой лужи, которая была тут же, на дороге. Пожар потушен. Можно двигаться дальше. Кругом высокие ели, стройные белые берёзки и густые заросли орешника. Хорошо в лесу!

Ян Мнушкин, командир отряда.

Из дневника туристов 328-й школы Москвы.

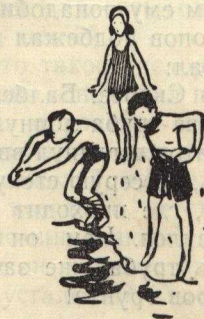
17/VI 1956 г. 3-й ДЕНЬ ПУТИ.

На днёвку мы встали на берегу Истры, в полутора километрах от села Андреевского. Погода, как и в предыдущие дни, была знойной, хотелось искупаться. Но, несмотря на жару, желающих искупаться в Истре не нашлось, так как вода в ней ледяная. К счастью, недалеко от нас оказалось нечто вроде пруда. И мы, стараясь не замечать цвета воды, прыгали в неё. Какой-то товарищ, сидевший до тех пор на берегу, ободрённый, видимо, нашим примером, быстро полез в воду и не менее быстро стал тонуть. Лёва Куприн, находившийся поблизости, бросился к утопающему и спас его по всем правилам науки.

Остальная часть пути прошла без особых приключений.

Дежурный.

Из дневника туристов 646-й школы Москвы.

РАССКАЗЫ
О СМЁЛЫХ
ЛЮДЯХ

ПОД ЗЕМЛЕЙ

Мирослав Бужкевич

— Титов! Титов!

Подняв козырёк защитной маски, электросварщик Пётр Титов оглянулся. В котлован спускался слесарь Попов. Пётр знал, что этот парень работает в мастерской по ремонту механизмов на строительстве, и удивился: зачем ему понадобился он, Титов?

Попов подбежал и, еле переведя дыхание, сказал:

— Скорее! Балберов зовёт. В левом водоотливе труба лопнула!

Титов взглянул вверх, куда показывал слесарь, на серую стену плотины. И, представив себе, где проходит труба водоотлива, снова удивился. Чем он поможет ремонтникам? Ведь труба уже закопана, над ней десять метров грунта!

Выбираясь из котлована по крутому откосу, выложенному камнем, Пётр думал с тревогой и досадой: «Скверная штука, и главное, не ко времени».

Конечно, любая авария не ко времени, а эта особенно. Строители Иркутской ГЭС готовились к решающему моменту, к перекрытию Ангары. Каждый день был дорог. Началось лето, и вода в Ангаре с каждым днём прибывала. Прежде чем перекрыть реку, нужно было отвести воду к зданию ГЭС, затопить котлован отстойника. Дно котлована перед затоплением должно быть совсем сухим и чистым, как пол в квартире. Иначе всю оставшуюся в котловане грязь река бросит на фильтры, очищающие воду. Значит, прежде всего надо высушить и очистить дно котлована, откачав просочившиеся подпочвенные воды. Теперь, когда лопнула одна из двух труб водоотлива, это становилось невозможным.

Напряжённый труд многих тысяч людей, стремившихся подготовить котлован к сроку, шёл насмарку. Вот что означала авария на водоотливе.

Инженер ремонтной мастерской Балберов ждал у деревянного сруба колодца, идущего в глубину, к трубе. Титову он коротко объяснил:

— Труба лопнула между колодцем и насосной станцией. Где? В том-то и дело, Титов, что надо найти, где...

По узкой деревянной лесенке Пётр спустился в колодец, а за ним следом Попов. Пётр присел на корточки, заглянул в тёмное отверстие трубы. Оттуда пахло холодом и сыростью. Пётр поёжился: ему стало не по себе. Он оглянулся на Попова. Слесарь сочувственно кивнул, словно говоря: «Да, брат, страшновато». Петру стало неприятно, что Попов прочёл его мысль, он достал из кармана спички и полез в трубу.

Ползти было трудно. В трубе, у которой диаметр полметра, не развернёшься. Ледяная вода, оставшаяся на дне трубы, пробралась в рукава куртки, обжигая кожу. Мелкая галька врезалась в локти и колени... Бывает же так, а? В армии его учили ползать по-пластунски, и он всегда ворчал: на что, мол, ему, электросварщику (Титов и в армии работал на сварке), эта премудрость? Старшина же многозначительно говорил:

— Ползать по-пластунски должен уметь всякий образованный человек!

И вот, пожалуйста, пригодилась-таки наука!

Пётр полз дальше. Он почувствовал под правой ладонью острый и неровный край ме-

талла. Разрыв. Пётр зажжёт спичку. Чёрная полоса разрыва шириной сантиметра в четыре уходила вверх по рыжеватой стенке трубы. Ошупывая её, Пётр повернулся на спину. От холода занемели плечи...

Выбравшись наверх, Пётр сказал Балберову:

— Надо бандаж поставить.

— Надо, только как это сделать? Трудный случай! Сам понимаешь, Титов, дело рискованное — варить в узкой трубе, да ещё под землёй. Заставить тебя я не могу, не входит это в твои обязанности. Но просить буду. Конечно, можно подогнать экскаватор, снять насыпь и заварить трубу снаружи. Но сколько на это времени уйдёт!

Пётр посмотрел на перемычку, где ритмично двигали стрелами шагающие экскаваторы, потом вниз в котлован, где по колено в воде ходили люди и убирали доски, балки, кучи гравия... Вспомнил, как занемели плечи в тесной холодной трубе... Поёжился.

— Буду варить, Константин Васильевич!

...Пётр надел непромокаемый брезентовый костюм, проверил сварочный аппарат. Принесли бандаж, металлическое кольцо. Пётр разрезал его на несколько кусков. Спустившись в колодец, снова пополз по трубе. Добравшись до разрыва, поставил перед собой переносную электролампу, опустил на глаза маску с дымчатыми стёклами, включил аппарат. Вспыхнула дуга, и засверкали брызги расплавленного металла.

Куски бандажа аккуратно ложились на трубу, закрывая нижнюю часть трещины... Всё шло как будто хорошо, но уже через пять минут Пётр понял, что будет гораздо труднее, чем думалось. Работая, приходилось всем телом опираться на локти. От этого руки деревенели, пальцы теряли подвижность и гибкость. Свет электродуги, отражаясь от стен трубы, бил в глаза. Воздух нагрелся, стал тяжёлым от запаха окалина и паров металла.

Пётр выключил аппарат, потушил переносную лампу, вытянул руки и положил на них голову. Но отдыхать, лёжа в узкой трубе, когда плечами касаешься ледяных стенок, было неудобно.

Поднявшись на локти, Пётр снова принял за сварку. Теперь он ясно понимал, что надо беречь силы, так как впереди здесь, в темноте и холоде, не шесть часов работы, как он думал сначала, а, может быть, все двадцать. Заменить его никто не сможет. Остальные сварщики — высокие, широкоплечие парни, в такую трубу они и не втиснутся.

...Наверху, у колодца, люди напряжённо

ждали. Уже третий час был на исходе. Балберов не на шутку беспокоился. Ведь договорились, что Титов будет подниматься наверх через каждые полтора — два часа. Что же случилось?

Балберов не мог знать, что Пётр назначил себе урок: не вылезать из трубы, пока не будет приварена четверть бандажа. Через каждые пятнадцать минут он отдыхал. Закрыв глаза, старался ни о чём не думать, но в голове толпились, обрываясь, мысли и образы. То он видел улыбающееся лицо жены и слышал её голос: «Не задерживайся сегодня, в кино пойдём».

То вспоминал, как в Красноярске, куда он приехал после окончания воронежского ФЗУ, «запорол» своё первое задание и мастер распекал его за поспешность, за плохо сваренный трубопровод.

Отдохнув, Пётр снова продолжал работать. Наконец урок выполнен: четвертая часть бандажа наглухо закрыла часть щели. Пётр медленно пополз назад, к колодцу.

Как просто подняться молодому парню по десятиметровой лестнице из колодца! Просто? Ну нет, Пётр этого не сказал бы. Сердце стучало где-то в горле, кружилась голова, подступала тошнота.

Он медленно переступал по ступенькам и с благодарностью думал о Попове, который встретил его на дне колодца, а теперь поднимался по лестнице и легонько подпирал ему спину. Когда над колодцем показались голова и плечи Петра, несколько пар сильных рук подхватили его и мигом поставили на ноги.

Хорошо здесь, наверху! Майское солнце так ласково греет... И сколько воздуха! Пусть в нём много пыли от бесконечной вереницы самосвалов, — всё равно хорошо!

Через час Пётр снова был в трубе. Он спешил. Вода в котловане прибывала.

Дальше время потеряло для Петра осязаемые границы. Он включал аппарат, приваривал куски бандажа, а когда руки переставали слушаться, когда глаза уже ничего не видели, отползал назад и несколько минут лежал без движения. Девять, десять, одиннадцать часов работы под землёй...

Вот теперь он понял, что такое кислородный голод. Он снова и снова вспоминал прочитанный недавно рассказ о подвиге моряков подводной лодки и думал, что тем ребятам на дне моря было потяжелее, чем ему...

Так у Петра бывало всегда, с детства. В трудную минуту он вспоминал людей, которыми восхищался. Если он очень уставал, он думал: ну, что это за усталость? Седову,

когда шёл он к полюсу, бывало потруднее, да ведь шёл же! Если приходилось терпеть боль, Пётр говорил: а как же на войне? Маресьеву даже ходить было больно, а он во-дил самолёт!

Вот и сейчас, в трубе, он думал о невсплывающей подводной лодке и её экипаже, и собственная работа, которую люди наверху уже назвали подвигом, казалась ему самой обычной, хотя и чертовски неприятной...

...Оставалось приварить бандаж в верхней части стенки. Пётр повернулся навзничь и тут сообразил, что в самом начале совершил ошибку: оставил напоследок наиболее трудную работу. Брызги расплавленного металла падали на куртку, обжигали грудь, шею, и даже отстраниться нельзя: некуда. Пахло палёным брезентом, кожа в местах ожогов саднила.

Усталыми глазами Пётр смотрел на трещину. Теперь её уже почти полностью закрывал бандаж. Оставалось заварить ещё сантиметров пятнадцать. И тут капля металла упала на дымчатое стекло защитной маски. Словно алмаз полоснул по стеклу. Обломок его со звоном скатился вниз. Пётр нашёл в кармане лист бумаги, вставил в от-

крывшееся в маске окошечко и сверху прижал обломком стекла. Светом дуги теперь не так слепило левый глаз, но за работой можно было следить только правым.

Вот закрыто бандажом ещё несколько сантиметров щели. Остаётся совсем пустяк — участок длиной в спичечную коробку. Но сил уже нет. В глазах мелькают какие-то красные зигзаги... Пять, десять, пятнадцать минут лежал Пётр без движения. Можно бы выползти, отдохнуть. Но Пётр знал, что этим мало поможешь. Ведь уже на исходе вторая смена, как он работает под землёй...

Шипит, бьёт пламенем в металл электрическая дуга. Сантиметр... Ещё сантиметр... Последний кусок бандажа прихвачен швом.

Всё! Пётр лежит на спине и тяжело дышит. В трубе тихо и темно. Надо бы ползти к выходу, но руки, удивительно лёгкие и бесильные, не могут упереться в стенки. И вдруг в трубе гулко звучит голос:

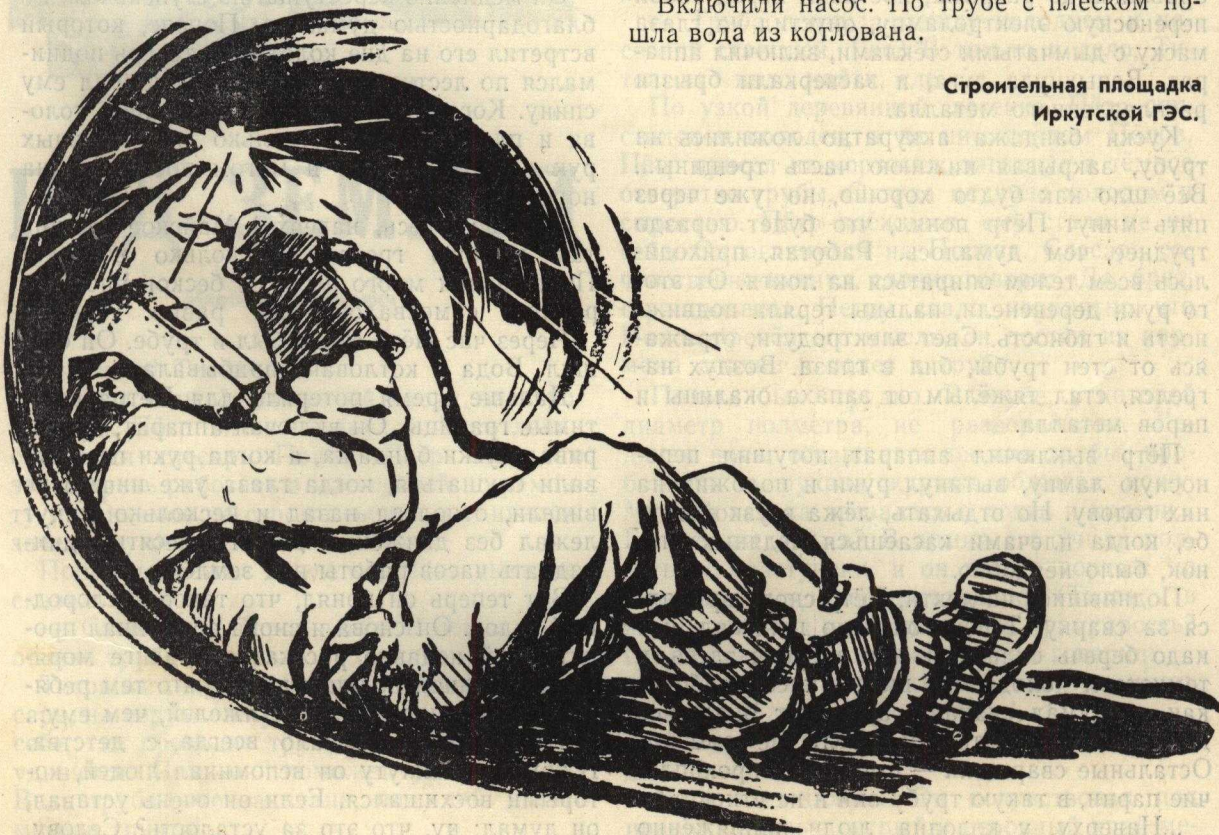
— Пётр!

Это встревоженный Попов.

...Снова, как и в начале работы, первым из колодца поднимался Пётр. А Попов, как и тогда, подпирал его. Опять Петра подхватили сильные руки и осторожно опустили на землю.

Включили насос. По трубе с плеском пошла вода из котлована.

Строительная площадка
Иркутской ГЭС.

Голубой Стрелы

(Продолжение)

Джанни Родари

Рисунки А. Брея.

Глава X

Героическая смерть Генерала

пустив мордочку к самой земле, Кнопка бежал перед паровозом. Снег покрывал мостовую плотным одеялом. Всё труднее и труднее было отыскивать под снегом запах порванных башмаков Франческо. Кнопка часто останавливался, нерешительно оглядываясь по сторонам, возвращаясь назад, менял направление.

— Может быть, Франческо останавливался здесь поиграть, — говорил пёс про себя, — поэтому следы такие запутанные.

Машинист, прищурив глаза, медленно вёл поезд за Кнопкой. Пассажиры в поезде стали мёрзнуть.

— Нужно ехать быстрее, — бормотал Капитан, — я боюсь, что таким ходом мы приедем только на будущий год или нас раздавит утром первый же трамвай.

Следы шли зигзагами, и Голубой Стреле пришлось подниматься на тротуары, спускаться с них, описывать кривые по площадям, по три — четыре раза пересекать одну и ту же улицу.

— Что за манера бродить по улицам! — бормотал Начальник Станции. — Учат, учат детей, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия, а они, как только выйдут на улицу, сразу же начинают бродить по округности. Возьмите этого Франческо: на пути в десять метров он десять раз пересёк улицу. Удивляюсь, как он не попал под машину.

Кнопка неустанно искал в снегу следы Франческо. Он почти не чувствовал ни холода, ни усталости и дорогой мысленно разговаривал с Франческо, как будто тот мог слышать его.

— Мы все идём к тебе, Франческо! Это будет чудесный сюрприз для тебя, вот увидишь.

Он так увлёкся мысленными разговорами с Франческо, что не заметил, как следы куда-то исчезли. Он рыскал по всем направлениям, но никак не мог отыскать их. След кончился здесь, посередине этой узкой, слабо освещённой улицы, а не перед подъездом или где-нибудь на тротуаре.

«Невероятно! — подумал Кнопка. — Не мог же он подняться в воздух?»

— Что там случилось? — закричал Генерал, которому повсюду чудились враги.

— Кнопка никак не отыщет следов Франческо, — хладнокровно сообщил Машинист.

Раздался общий стон. Куклы уже видели себя погребёнными под снегом посередине улицы.

— Тысяча мороженных китов! — воскликнул Полубородый. — Только этого ещё нам не хватало!

— Его украли! — возбуждённо проговорил Генерал.

— Кого украли?

— Ребёнка, чёрт возьми! Нашего Франческо! Его следы доходят до середины улицы и там кончаются. Что это означает?

— Ребёнка подняли в воздух, швырнули в машину и увезли прочь.

— Но кто же мог украсть его? Кому нужен бедный ребёнок?

— Что же нам делать? — воскликнул Начальник Станции, который начинал терять терпение.

Выручил Сидящий Пилот. Он предложил слезть на разведку, и так как никто не мог предложить ничего лучшего, предложение было принято. Самолёт набрал высоту. Некоторое время его ещё видели в слабом свете уличного фонаря, но вот уже он исчез из виду, а вскоре затих и шум мотора.

— Ручаюсь, что мальчика украли, — продолжал настаивать Генерал. — Это значит, что страшная опасность угрожает всем нам. Ко мне, мои солдаты! Зарядите быстрее пушки, поставьте их вдоль поезда и приготовьтесь открыть огонь!

Артиллеристы заворчали:

— Чтoб он простудился! Заряжать и разряжать всю ночь! А заряды уже промокли и не взорвутся, если даже их бросить в Везувий!

— Молчать! — прикрикнул на них Генерал.

Стрелки, неподвижно стоявшие на крышах вагонов, смотрели сверху вниз на своих братьев, которые потели, таская тяжёлые пушки.

«Везёт артиллеристам! — думали стрелки. — Они работают, а нас уже до колен засыпало снегом. Пройдёт немного времени, и мы превратимся в снежные статуи!»

Музыканты тоже были в отчаянии: снег набился в трубы и закупорил их.

Тут произошло нечто непонятное: как только первую пушку сняли с платформы, она исчезла

под снегом. Вторая провалилась, как будто под ней было озеро. Земля проглотила третью пушку. Короче говоря, как только пушку спускали с платформы, она исчезала под снегом.

— Что такое... Это же... Чёрт!.. — От удивления и негодования Генерал потерял дар речи. Он опустился на колени и принялся разрывать снег руками.

И тут всё разъяснилось. Оказалось, что пушки ставили прямо на прикрытое снегом отверстие ямы, и они проваливались в воду, журчавшую под снегом.

Генерал так и остался стоять на коленях, как будто сражённый молнией. Он сорвал берет, стал рвать волосы на голове и, может быть, содрал бы и кожу, если бы не услышал, что артиллеристы смеются.

— Несчастные! Лучшие, единственные орудия нашей армии попали в ловушку неприятеля, а вы смеётесь! Разве вы не понимаете, что теперь мы безоружны? Все под арест! По возвращении в казарму все предстанете перед судом военного трибунала!

Артиллеристы сразу же приняли серьёзный вид, но продолжали вздрагивать от едва сдерживаемого смеха.

«Не так уж плохо, — думали они, — по крайней мере мы не будем больше заряжать и разряжать пушки! Пусть синьор Генерал кричит, сколько ему угодно. Нам и без пушек хорошо: меньше работы».

Генерал, казалось, постарел лет на двадцать. Волосы его побелели, может быть, ещё и оттого, что он снял берет, и снег падал на его голову со скоростью сантиметра в секунду.

Камни прослезались бы при виде этой сцены! Но, к несчастью, камни не могли видеть этого: ведь они сами были под снегом.

— Всё кончено! — рыдал Генерал. — Кончено! Мне нечего больше делать!

У него было такое ощущение, словно он кушал чудесное пирожное и вдруг, неизвестно каким образом, вся сладость исчезла и он обнаружил, что жуёт что-то вроде безвкусного картона. Без пушек жизнь Генерала была безвкусной, как еда без соли.

Он продолжал неподвижно стоять на коленях, не обращая внимания на все просьбы, и даже не отряхивал с себя снег.

— Синьор Генерал, на вас падает снег, — услужливо заметили артиллеристы и хотели стряхнуть снег с его плеч.

— Оставьте меня, оставьте меня в покое!

— Ведь снег совсем засыплет вас. Он дошёл уже до колен.

— Неважно.

— Синьор Генерал, снег уже вам по грудь.

— Я не чувствую холода. Сердце у меня сейчас холоднее снега.

В одно мгновение Генерал был почти целиком покрыт снегом. Некоторое время ещё виднелись его усы, но вот и они исчезли. Вместо Генерала осталась снежная статуя: статуя коленопреклонённого Генерала, вцепившегося руками в края ямы, в которую провалились его пушки.

Бедный Генерал, что за гибель!

По-моему, он не заслужил такой участи, хотя и хотел её. Никто не мешал ему подняться, отряхнуть снег и укрыться в вагоне. Будучи Генералом, он имел право ехать в вагоне первого класса. Однако он предпочёл превратиться в снежную статую.

Но оставим Генерала с его холодной судьбой. Прощай, синьор Генерал! Мы не забудем тебя.

Но я-то хорош! Теряю время на поминки по Генералу, когда пассажирам Голубой Стрелы угрожают очень серьёзные неприятности. На этот раз речь идёт о Кошке. Настоящей, не игрушечной кошке величиной с целых два вагона Голубой Стрелы.

Пока мы все смотрели на Генерала и мысли наши были заняты его самопожертвованием, страшная хищница тихонько подобралась по снегу, осмотрела всех своими зелёными глазищами и выбрала добычу.

Вы ещё не забыли о Канарейке в клетке, которая прыгала на своей пружине и всё время напевала «чик-чик»? Ну вот, добавлю только, что клетка с Канарейкой была подвешена снаружи к окошку Голубой Стрелы. Вообще-то клетка должна была висеть в вагоне, но Канарейка своим несмолкаемым пением так всем надоела, что клетку подвесили снаружи.

Кошка приметила неосторожную Канарейку и решила полакомиться ею.

«Я сломаю клетку одним ударом лапы», — подумала она.

Так и вышло.

«Ещё одним ударом я заставлю Канарейку замолчать», — подумала Кошка.

Но так не вышло.

Канарейка почувствовала, как острые когти скользнули по её крыльям, и испустила отчаянное «чик-чик». Затем что-то треснуло, щёлкнуло, и распрямившаяся пружина больно ударила агрессора по носу.

Полуослепшая от боли и напуганная неожиданным ударом — кто мог ожидать такую энергичную защиту от Канарейки? — Кошка убралась прочь. Ковбои некоторое время пытались пре-

следовать её, но их кони проваливались в снег и не могли бежать быстро.

Да, на этот раз Кошка вместо добычи получила удар по носу. Но и бедная Канарейка лежала в снегу вся изуродованная. Из-под крыльев у неё торчала стальная пружина. Раскрытый клюв замолк навсегда.

В течение нескольких минут Голубая Стрела потеряла двух своих пассажиров.

Третий — Сидящий Пилот — в этот момент летел неведомо где на своём самолёте. А может быть, уже порыв ветра ударил его о печную трубу, или он рухнул на землю под тяжестью снега, облепившего слабые крылья его самолёта? Кто знает!

Канарейку с воинскими почестями похоронили под снегом. Стрелки вытряхнули из своих труб снег и сыграли похоронный марш. Сказать по правде, звук труб был какой-то простуженный: казалось, что музыка доносилась издалека, с соседней улицы. Но всё же это было лучше, чем ничего.

Впрочем, история Канарейки на этом не кончается. Её друзья из Голубой Стрелы не знают продолжения этой истории, потому что, похоронив Канарейку, они возобновили свой ночной марш. Но я на некоторое время задержался здесь и видел, как ночной сторож слез со своего велосипеда, колесо которого наткнулось на клетку Канарейки.

Ночной сторож подобрал её, подвесил к велосипеду и тут же, прямо посреди улицы, попробовал вправить пружину. Чего только не делают две искусные руки! Через несколько минут прозвучало «чик-чик» Канарейки, немного приглушённое, но от этого ещё более весёлое и беспечное.

«Она понравится моему сыну, — подумал ночной сторож. — Я скажу ему, что Канарейку мне дала Фея. Скажу, что встретил её ночью на улице и она передала ему привет и пожелания весёлой, счастливой жизни».

Так подумал ночной сторож. Может быть, он думал ещё что-нибудь, но у меня нет времени сообщить вам об этом, потому что я должен про-

должить рассказ о приключениях Голубой Стрелы. А ночной сторож поехал дальше и на поворотах, вместо того, чтобы звонить в велосипедный звонок, он толкал клетку, и тогда раздавалось весёлое «чик-чик» Канарейки. Мне кажется, что он неплохо придумал.

Глава XI

Полёт Сидящего Пилота

се мы в сборе? Нет, не хватает Сидящего Пилота, который отправился на своём аэроплане на поиски следов Франческо.

Это был опасный полёт: ведь погода была совсем не летная.

Стараясь держаться середины улицы, чтобы не запутаться в электрических проводах или не натолкнуться на какое-нибудь здание, Сидя-

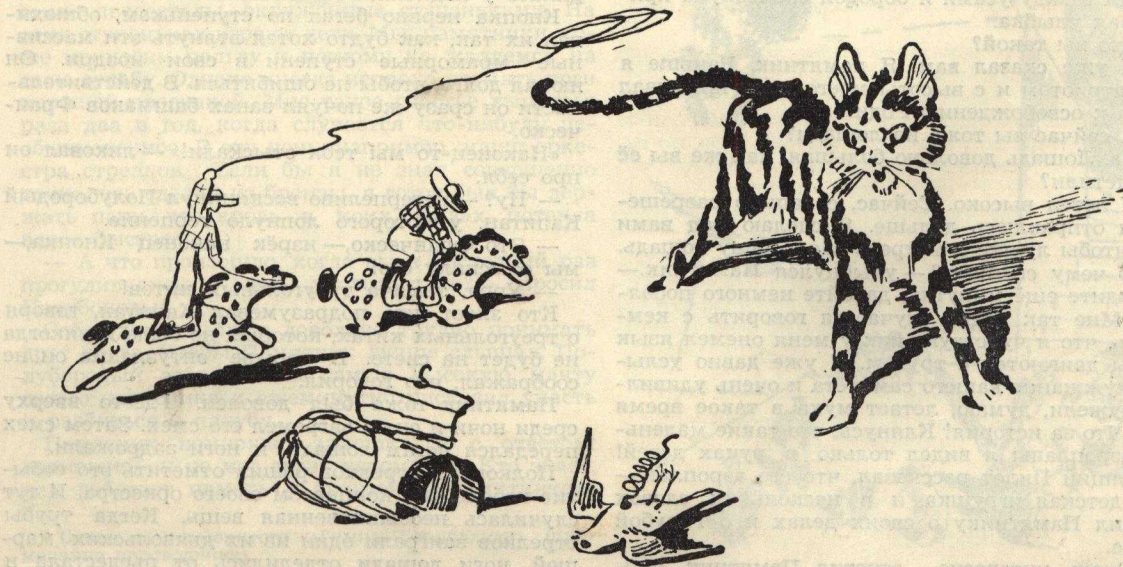
щий Пилот с завистью думал о Фее:

«Интересно, каким образом эта старая синьора летает на своей метле, если я на самолёте новейшей конструкции и то ежеминутно рискую рухнуть на землю... Хотел бы я знать, — продолжал про себя доблестный авиатор, — в какую сторону мне сейчас направиться? Ничего не видно ни вверху, ни внизу, ни слева, ни справа, да я и не верю, чтобы Франческо оставил какие-нибудь следы в облаках. По-моему, нужно спуститься ниже».

Он пошёл на снижение, но ему моментально пришлось снова набрать высоту, чтобы не приземлиться на голову ночного сторожа, который быстро ехал по улице на своём велосипеде. Возможно, это был тот самый сторож, который нашёл Канарейку.

Спустя некоторое время Пилоту показалось, что ночь стала чуть посветлее.

— Может быть, я вылетел на площадь? — проговорил он про себя. — Попробую спуститься ещё раз.

Он снова пошёл на снижение, но вдруг перед ним выросла огромная мрачная тень, из глубины которой прозвучал громкий голос:

— Эй, синьор Пилот, приземляйтесь, пожалуйста, сюда!

Сидящий Пилот моментально принял решение: «Сделаю вид, что не слышал. Я никого не знаю в этих краях и не хотел бы нарваться на какую-нибудь неприятную встречу».

Но только он это подумал, как чья-то гигантская рука осторожно взяла аэроплан и потащила его к себе.

— Я пропал! — громко воскликнул Сидящий Пилот.

— Почему пропал? Я никогда не был ни бандитом, ни разбойником, — ответил хозяин руки. — А теперь я всего-навсего мирный бронзовый памятник, стоящий в центре площади, и у меня даже в мыслях нет сделать вам что-нибудь плохое.

Сидящий Пилот облегчённо вздохнул и осмелился наконец посмотреть, откуда исходил голос. Он увидел огромное добродушное лицо, на котором между усами и бородой скользнула приветливая улыбка.

— Кто вы такой?

— Я уже сказал вам. Я памятник. Раньше я был патриотом и с высоты моего коня призывал воинов к освобождению Родины.

— А сейчас вы тоже на лошади?

— Да. Лошадь довольно большая, как же вы её не заметили?

— Я летел высоко. Сейчас, с вашего позволения, я отправлюсь дальше. Я сделаю над вами круг, чтобы лучше осмотреть вас и вашу лошадь.

— К чему спешить? — улынулся Памятник. — Подождите ещё минутку, давайте немного поболтаем. Мне так редко случается говорить с кем-нибудь, что я чувствую, как у меня онемел язык и губы двигаются с трудом. Я уже давно слышал жужжание вашего самолёта и очень удивился: неужели, думаю, летает муха в такое время года? Что за история! Клянусь, что такие маленькие аэропланы я видел только в руках детей!

Сидящий Пилот рассказал, что его аэроплан — тоже детская игрушка, и в нескольких словах сообщил Памятнику о своих делах и о Голубой Стреле.

— Очень интересно, — ответил Памятник, вни-

мательно выслушав рассказ. — Я тоже люблю детей. В хорошую погоду они всегда прибегают поиграть около моего коня. А сейчас выпал снег, и они оставили меня одного. Но это вполне естественно, и я не обижаюсь. Правда, один из них частенько навещает меня и сейчас, хотя я не могу поручиться, что он приходит именно ко мне. У этого мальчугана каштановые волосы, и чуб спускается ему на самые глаза. Он приходит, садится на ступеньки и долго думает о чём-то. Потом уходит. Мне кажется, что он чем-то очень расстроен.

— Если бы его звали Франческо, — вздохнул Сидящий Пилот, — он мог бы оказаться нашим другом. Что вы об этом думаете?

— К сожалению, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь произносил его имя. Вообще-то у людей не принято, чтобы они сами себя называли по имени: они ждут, пока их позовут другие. Но этот мальчик мне кажется одиноким, и в этих краях никто его не знает.

— Если бы его звали Франческо... — снова вздохнул Сидящий Пилот.

Неожиданно его осенила блестящая идея:

— Только Кнопка может решить этот вопрос. Он обнюхает ступеньки и скажет нам, Франческо это или нет.

— Хорошо сказано — хорошо сделано. И я буду иметь удовольствие познакомиться со всей вашей компанией.

— Но... — пробормотал Сидящий Пилот, становясь грустным, — как он мог попасть сюда? Ведь следы теряются там, посреди улицы?

Памятник усмехнулся в усы.

— Вижу, что вы не совсем хорошо знаете ребят, — вежливо заметил он. — В противном случае вы бы знали, что они любят путешествовать на подножке трамвая. Они не должны так делать, потому что это запрещено. Но иногда они нарушают это правило. Как раз я вспомнил: вчера на подножке трамвая мимо меня проезжал мальчик с каштановыми волосами, и полицейский заставил его слезть.

— Тогда нечего сомневаться, это наверняка был Франческо! — весело воскликнул Сидящий Пилот.

Через четверть часа вся компания уже находилась у подножия Памятника.

Кнопка нервно бегал по ступенькам, обнюхивая их так, как будто хотел втянуть эти массивные мраморные ступени в свои ноздри. Он нюхал долго, чтобы не ошибиться. В действительности он сразу же почуял запах башмаков Франческо.

«Наконец-то мы тебя отыскиали!» — ликовал он про себя.

— Ну? — нетерпеливо воскликнул Полубородый Капитан, у которого лопнуло терпение.

— Это Франческо, — изрёк наконец Кнопка, — мы отыскиали его!

— Урра, тысяча треугольных китов!

Кто знает, что подразумевал Капитан, говоря о треугольных китах, которых не было и никогда не будет на свете. В порыве энтузиазма он не соображал, что говорил.

Памятник тоже был доволен. Где-то вверху среди ночи и снега загремел его смех. Затем смех передался ногам лошади, и ноги задрожали.

Полковник стрелков решил отметить это событие небольшим концертом своего оркестра. И тут случилась необыкновенная вещь. Когда трубы стрелков заиграли один из их дьявольских маршей, ноги лошади отделились от пьедестала и

принялись танцевать. Старый патриот при звуке фанфар почувствовал, как в его груди забилося сердце.

— Ура! — радостно закричал он. — Вон, иностранец! Ура! Иностранец, убирайся прочь!

Фанфары стрелков вернули его к жизни. Старый патриот прищипорил коня, съехал с мраморного пьедестала и рысью сделал круг по площади. Копыта глухо цокали по снегу в такт музыке.

Это была такая волнующая сцена, что пассажиры Голубой Стрелы забыли о холоде и перенесённых невзгодах. Но Кнопка ни минуты не переставал думать о цели их путешествия.

— За мной! — воскликнул он своим смешным голосом и помчался впереди Голубой Стрелы по следу Франческо.

Голубая Стрела с трудом поспевала за ним. А Памятник мчался на лошади без всякого труда. Как, и Памятник?.. Да, Памятник тоже ехал рысью за Кнопкой.

Глава XII

Бронзовый Памятник

Тысяча китов-велосипедистов! — растерянно бормотал Полубородый Капитан. — Никогда мне не приходилось видеть, чтобы Памятник скакал по улице, как на бегах!

— Да, это не часто увидишь, — засмеялся Памятник. — Я не могу, конечно, ездить по улицам, когда хочу. Но иногда

и я не прочь прогуляться.

— Конечно, ведь быть памятником не очень-то весело.

— Ну нет, я бы не сказал. Некоторое удовлетворение мы тоже получаем. В городе мы важные персоны. Прежде всего вокруг нас должна быть площадь, несколько деревьев и хотя бы пара скамеек. На скамейках нищие могут подышать свежим воздухом летом или погреться на солнышке зимой. А кроме того, нас обычно ставят на высокие пьедесталы, окружённые ступеньками. На этих ступеньках играют дети. Мы, памятники, тоже приносим пользу и поэтому не жалуемся на свою судьбу. Однако иногда неплохо размять ноги хорошей прогулкой. Мне такое счастье выпадает раза два в год, когда случается что-нибудь необыкновенное. В эту ночь, например, марш оркестра стрелков... Если бы я не знал совершенно точно, что сделан из бронзы, я готов был бы держать пари, что кровь в моих жилах потекла вдвое быстрее.

— А что произошло, когда вы в последний раз прогуливались в своё удовольствие? — спросил Полубородый.

Собеседникам было довольно трудно понимать друг друга. Чтобы Памятник лучше слышал, Полубородый забрался на самую высокую мачту своего парусника и ежеминутно рисковал упасть и разбиться о палубу.

Памятник немножко замешкался с ответом: возможно, он не мог сразу вспомнить. Кто знает, как работает память у бронзовых памятников?

¹ Слова из знаменитого «Гимна Гарибальди» (примечание переводчика).

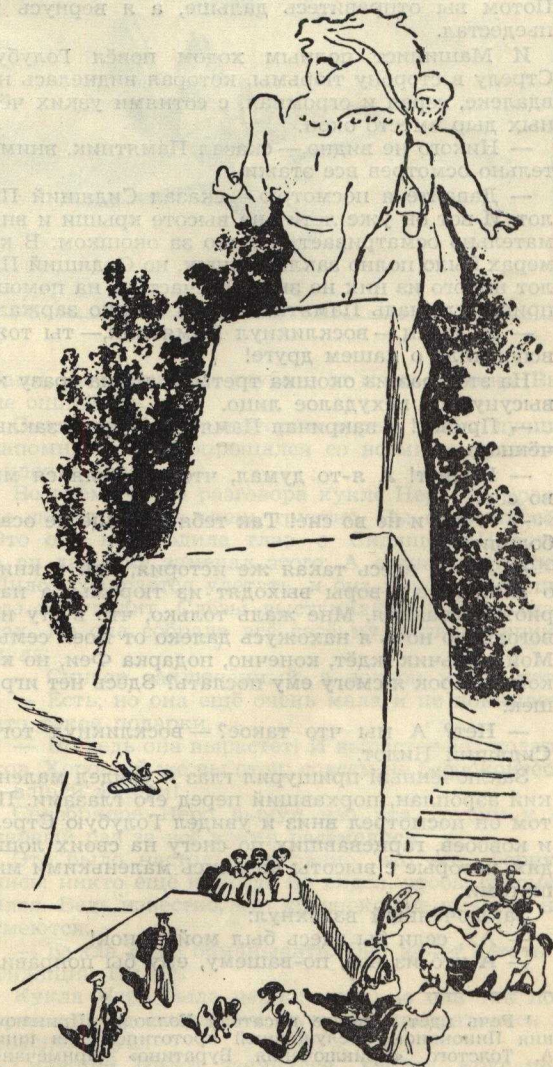
— Это, — заговорил он наконец, — было месяцев шесть тому назад. Помню, было воскресенье. На площади собралось много людей.

— И все видели, как вы гуляете?

— Нет, прогулка состоялась позже. Дайте же мне рассказать! Собралось много народу, и все они кричали. Сначала я не мог понять, чего они хотят. Но потом слова стали доноситься отчётливее. И когда я разобрал, что они кричали, клянусь, сердце забилося у меня в груди. «Вон из Италии! — кричали они. — Прочь, иностранец!» Чёрт возьми, ведь это когда-то был мой победный клич! Мне казалось, что я вот-вот закричу вместе с ними: «Прочь, иностранец! Прочь, иностранец!». Вот как было дело.

— На этом всё кончилось?

— Нет, самое главное впереди. Пока люди кричали, приехали карабинеры. Я, конечно, не испугался их, но люди на площади стали разбегаться в разные стороны. Только один остался. Он взбежал по ступенькам пьедестала, вскарабкался на моего скакуна и принялся кричать: «Вон, иностранец!». «Молодец, — думал я про себя. — Видно,

это настоящий патриот. Его непременно наградят медалью...»

Памятник замолчал.

— Ну, и дали ему? — спросил Полубородый.

— Что?

— Медаль.

— Какая там медаль, его посадили в тюрьму! Я не верил своим бронзовым глазам. На него надели кандалы и увели. Моё негодование было так велико, что, сам не заметив как, я спустился с пьедестала и галопом помчался по улице. Прежде чем я понял, что со мной происходит, я уже очутился перед тюрьмой.

— И вы увидели вашего друга?

— Да, я разглядел его в окошке на третьем этаже. Окошко было такое маленькое, что виднелись только его глаза и нос. Но я сразу узнал его взгляд и голос, когда он окликнул меня... Послушайте, мне пришла в голову неплохая мысль. Что, если он ещё там?

— Но прошло уже шесть месяцев, его уже, наверно, освободили.

— Пойдёмте посмотрим: тут всего два шага. Тюрма находится в конце этой аллеи. Пойдёмте, это будет неплохой сюрприз нашему пленнику... Потом вы отправитесь дальше, а я вернусь на пьедестал.

И Машинист полным ходом повёл Голубую Стрелу в сторону тюрьмы, которая виднелась невдалеке, серая и огромная, с сотнями узких чёрных дыр вместо окон.

— Никого не видно, — сказал Памятник, внимательно осмотрев все этажи.

— Давайте я посмотрю, — сказал Сидящий Пилот. И вот он уже летит на высоте крыши и внимательно осматривает окошко за окошком. В камерах было полно заключённых, но Сидящий Пилот никого из них не знал. К счастью, на помощь пришла лошадь Памятника: она звонко заржала.

— Молодец, — воскликнул Памятник, — ты тоже вспомнила о нашем друге!

На этот раз из окошка третьего этажа сразу же высунулось исхудалое лицо.

— Привет! — закричал Памятник, узнав заключённого.

— Привет! А я-то думал, что ты являлся мне во сне.

— А вот и не во сне! Так тебя всё ещё не освободили?

— А-а-а, здесь такая же история, как в книге о Пинокио¹: воры выходят из тюрьмы, а патриоты остаются. Мне жаль только, что в эту новогоднюю ночь я нахожусь далеко от моей семьи. Мой мальчик ждёт, конечно, подарка Феи, но какой подарок я смогу ему послать? Здесь нет игрушек.

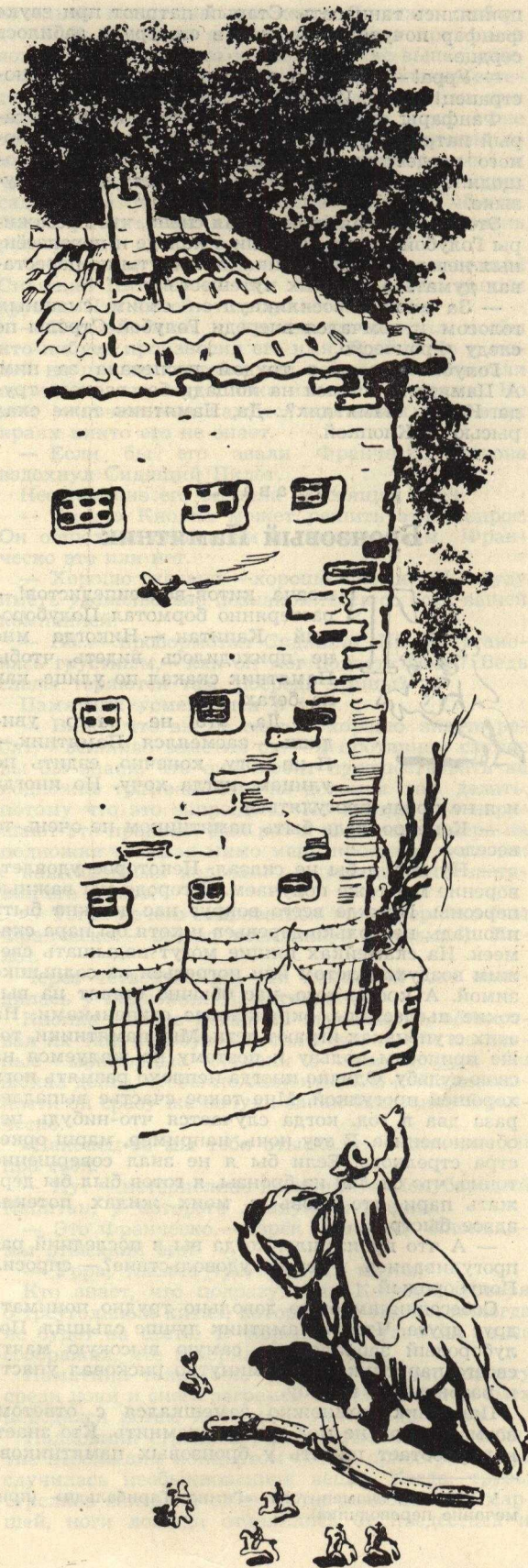
— Нет? А мы что такое? — воскликнул тогда Сидящий Пилот.

Заключённый прищурил глаз и увидел маленький аэроплан, порхавший перед его глазами. Потом он посмотрел вниз и увидел Голубую Стрелу и ковбоев, гарцевавших по снегу на своих лошадях, которые с высоты казались маленькими мышами.

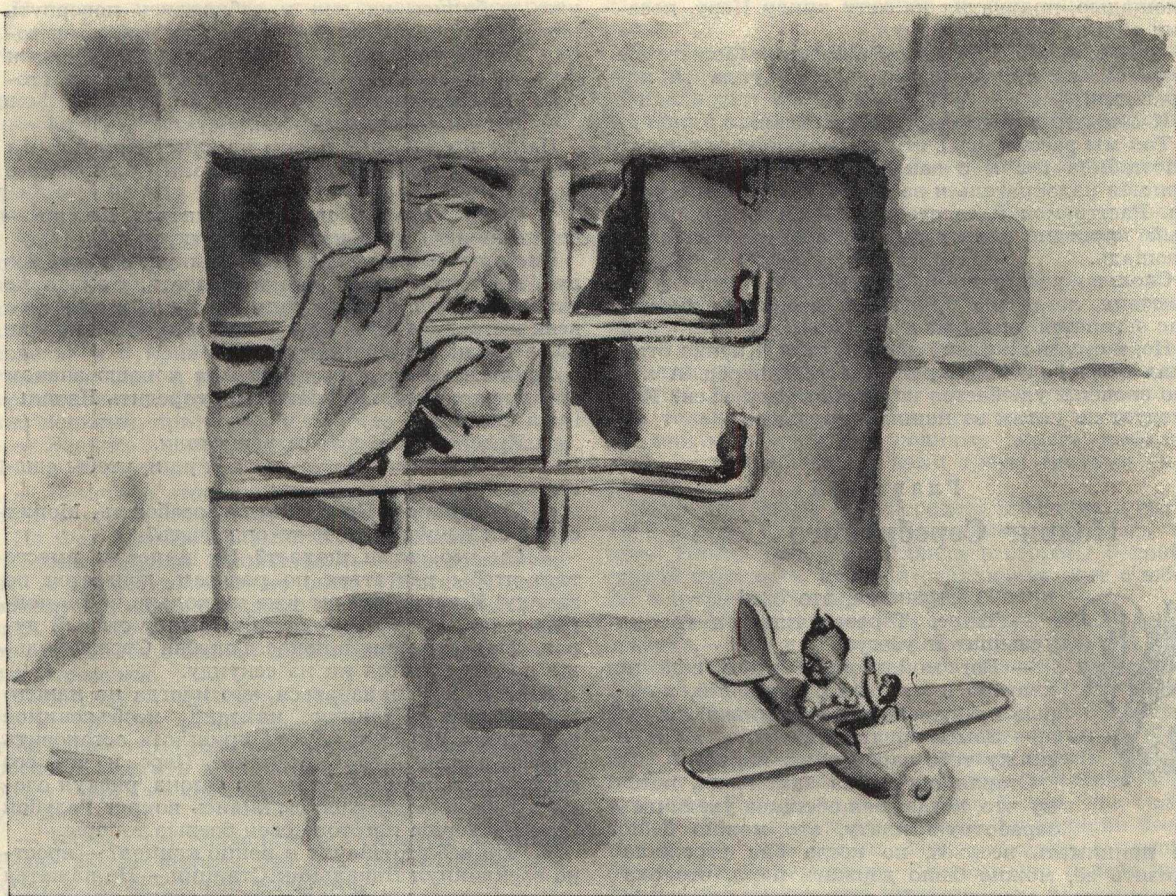
Заключённый вздохнул:

— Ах, если бы здесь был мой сынок!

— А кто из нас, по-вашему, ему бы понравил-

¹ Речь идёт о книге писателя Коллоди «Приключения Пинокио», послужившей прототипом для книги А. Толстого «Приключения Буратино» (примечание переводчика).

ся? — спросил Кнопка, которого осенила новая идея.

«В конце концов, — подумал он, — необязательно, чтобы все мы пошли к Франческо. Многие дети остаются без подарков, и нам не мешало бы разделить, чтобы понемногу порадовать всех».

— Не знаю, — смутившись, ответил заключённый, — когда я был дома, он очень любил запускать бумажного змея.

— Тогда ему, без сомнения, понравится змей, который летает без ниток! — воскликнул Сидящий Пилот.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что, если вы дадите ваш адрес, я полечу туда и приземлюсь на подушку вашего сына, как на самый лучший аэродром.

На этот раз Сидящий Пилот побил рекорд доброты.

Тут совершенно неожиданно Памятник разразился смехом.

— Прекрасно, — воскликнул он сквозь смех, — меня повысили! Меня повысили в должности. Я был простым Памятником, а стал Феей, которая разносит подарки!

— Ну как, — напомнил Сидящий Пилот, — вы дадите мне ваш адрес?

— Я... ну, конечно, конечно! — заторопился заключённый. — Летите по этой аллее, потом сверните направо и долетите до самого холма; сделайте круг над холмом и увидите дом с тремя тру-

бами. Самая низкая труба — от моего камина. Вы не ошибётесь.

Сидящий Пилот повторил адрес, чтобы лучше запомнить его, попрощался со всеми и приготовился к полёту.

Во время этого разговора кукле Нере, по правде сказать, было очень грустно. Вы помните её? Это она не сводила глаз с Сидящего Пилота, а он даже не замечал этого. А сейчас Сидящий Пилот собирается улетать, и она никогда больше его не увидит. Слёзы выступили у неё на глазах. Но она собрала всё своё мужество и крикнула:

— Синьор заключённый, а дочери у вас нет?

— Есть, но она ещё очень мала и не понимает, что такое подарки.

— Но ведь она вырастет! И вырастет без подарков. Хороший же вы отец: совсем не беспокоитесь о вашей дочери!

Серебряное Перо вынул изо рта трубку и в первый раз за всё время рассмеялся.

Это было настолько странно, что все обернулись: никто ещё никогда не видел, чтобы он смеялся. Ведь известно, что краснокожие никогда не смеются.

— Кукла Нера обманывать. Она хочет лететь с Сидящим Пилотом.

Кукла Нера была чернокожей, но она так покраснела от стыда, что чуть не превратилась в краснокожую.

Сидящий Пилот засмеялся, сделал круг над

площадью, подхватил на лету куклу Неру, посадил её в кабину и крикнул:

— Вот кукла для вашей девочки! Можете не сомневаться: когда она вырастет, кукла ей понравится.

И самолёт с рокотом умчался вдаль.

Так мы расстались с этим симпатичным героем. Расстаёмся мы и с заключённым, потому что пришёл надзиратель и заставил его отойти от окна. Расстаёмся и со старым Памятником, который, проводив наших друзей, вернулся на свою площадку.

Сколько расставаний! Наверно, к концу путешествия, когда мы приедем к двери Франческо, нас останется очень мало.

Но, т-с-с, мы же ещё не приехали. Кнопка отыскал след, Голубая Стрела мчится вперёд. А кто это зловеще улыбается за ветками деревьев? Кто следует по пятам за нашими друзьями?

Глава XIII

Подвиг Серебряного Пера

иньора баронесса, это бни!

— Тише, Тереза, тише, а то они услышат и убегут!

— Бог мой, только этого ещё не хватало после всех лишений, которые мы перенесли, отыскивая их!

— Замолчи, говорят тебе, а то я снижу тебе заработную плату!

Старая служанка замолчала, потому что, когда Фея обещала увеличить заработную плату, это можно было не принимать всерьёз, но когда она угрожала снизить её, можно было держать пари, что она сдержит своё обещание. Из всех арифметических действий сложение нравилось ей тогда, когда она подсчитывала свои доходы, а вычитание, — когда ей приходилось платить другим. Она считала, что сложение и умножение были действиями синьора, а вычитание и деление — удел бедняков.

Всю ночь они мчались, как сумасшедшие, рискуя сломать метлу, на которой летели. Когда они

уже выбились из сил и собирались повернуть назад, острые глазки Феи заметили сквозь снегопад Голубую Стрелу, которая с потушенными фарами мчалась вдоль трамвайной линии в сторону городской окраины.

— Вот они, — сказала Фея.

Наши друзья ещё ничего не заметили: они так радовались, что наконец отыскиали следы своего Франческо.

— Следы совсем свежие, — ликовал Кнопка, — без сомнения, мы уже близки к цели!

Внезапно Серебряное Перо вынул трубку из рта, как будто хотел что-то сказать. Однако не сказал ничего, но его уши стали двигаться во всех направлениях, как у волка; все краснокожие тоже стали прислушиваться.

Один из ковбоев, который был хорошо знаком с краснокожими, помчался предупредить Начальника Станции.

— Краснокожие что-то услышали.

— Ну и что же? На то у них и уши, чтобы слышать.

— Серебряное Перо чем-то озабочен. Может быть, он почуял какую-то опасность?

— Он что, тоже нюхает? Ну и поезд: вместо того чтобы двигаться по рельсам, двигается по запаху! Кнопка нюхает уже несколько часов подряд, а теперь за то же принялся этот старый дурак. Оставьте меня в покое. Голубая Стрела больше не остановится ни на секунду.

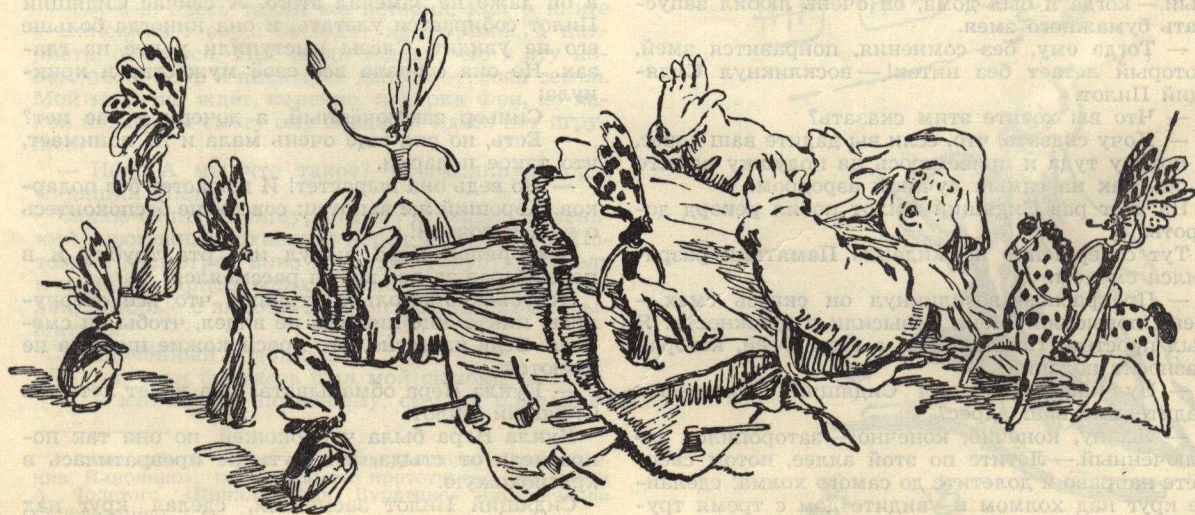
Должен вам признаться, что иногда на нашего Начальника Станции находит необъяснимое упрямство. Но ему всё же пришлось остановить поезд, потому что Серебряное Перо и все его люди выпрыгнули на ходу из вагона, рискуя сломать себе шею, и расположились вокруг Голубой Стрелы, держа наготове свои боевые топоры.

— Что всё это значит в конце концов? — яростно воскликнул Начальник Станции. — Не кажется ли вам, что вы выбрали неподходящее время для шутки?

Серебряное Перо невозмутимо посмотрел на него.

— Мы слышать шум. Кто-то ходит по деревьям.

— Вы слышали шум? — воскликнул Начальник Станции.

И вдруг на дереве хрустнул сучок. Это старая служанка, боясь упасть, уцепилась за ветку, которая не выдержала её тяжести и треснула.

— Шш! — прошипела Фея. — Тихо! Не шевелись! Останься на месте, нас услышали!

— Не могу остаться на месте, я вот-вот упаду.

— Я говорю тебе: останься на месте!

— Скажите это ветке, синьора баронесса. Она трещит, я слышу. Ради бога, синьора хозяйка, помогите!

Услышав, что служанка назвала ее «синьора хозяйка» вместо «синьора баронесса», Фея ужасно рассердилась. Служанка подумала, что Фея хочет поколотить её, и отпрыгнула назад. Но от слишком быстрого движения она потеряла равновесие и с криком рухнула вниз. Правда, она упала на снег и не ушиблась, но в тот же миг краснокожие окружили её и своими топорами, как коляями, пригвоздили к земле её юбку.

— Вернись назад! — закричала испуганная Фея. — Лезь скорее на дерево!

— Помогите, синьора хозяйка, помогите! Я попала в плен к индейцам! Они вырвут мне волосы!

Но Фея боялась связываться в сражение. Долгие годы игрушки повиновались ей беспрекословно. А сейчас хозяйка не была уверена в своей власти над ними. Они сами захотели убежать, теперь она это поняла. И, если судить по тому, как они обошлись с бедной служанкой, вряд ли захотят вернуться.

— Хорошо! — крикнула она. — Я полечу одна! Но не приходи потом жаловаться, если я снижу тебе заработную плату. Я не могу позволить себе роскошь платить тебе деньги за то, что ты в рабочее время спокойно развалилась посреди улицы.

— Какое тут спокойствие, синьора хозяйка! Разве вы не видите, что они пригвоздили мою юбку к земле своими топорами?

Но Фея не стала её слушать. Бормоча проклятия, она улетела.

Серебряное Перо стоял в двух сантиметрах от носа служанки и с любопытством наблюдал за ней.

— Синьор индеец, — стала спрашивать бедная старушка, — вы вырвете мне волосы, не так ли? Ведь такой у вас обычай?

— Мы не вырывать ни один волос, — строго произнёс Серебряное Перо. — Мы есть храбрый индеец, никого не убиваем, а только играть с детьми.

— Ах, спасибо, синьор индеец! А что вы будете делать со мной? Если вы отпустите меня, то я обещаю вам...

— Что вы обещаете?

— Вот видите, я сделала список всех детей, которые не получают подарков от Феи. Что ж вы думаете, мне ведь тоже их жаль... Я не могу видеть их грустные лица, когда они приходят к моей хозяйке. Я записала все их имена, видите? Вот он, список... Может быть, вы захотите отправиться к кому-нибудь из них?

Если бы ей позволили продолжать, она болтала бы ещё до сих пор, а ведь всё это случилось

десять лет, шесть месяцев и пять дней тому назад.

Но Серебряное Перо молниеносно принимал свои решения. Он выхватил список, который протягивала ему служанка, приказал освободить её, вскочил в вагон вместе со своими людьми и снова взял в рот трубку.

— Что же делать теперь? — спросил Начальник Станции.

— Нас ждёт Франческо, — робко промолвил Кнопка. — Мы, наверно, находимся в десяти шагах от его дома.

— Сначала ходить в дом Франческо, и кто хочет — остаться с ним. Потом ходить к другим мальчишкам, — сказал Серебряное Перо.

— Тысяча бродячих китов! Если вы думаете, что я хочу путешествовать всю мою жизнь, как летучий Голландец, то вы жестоко ошибаетесь. Как только мы приедем к Франческо, я поставлю мой корабль в таз, подниму паруса, выберу якорь и попрощаюсь с вами тремя гудками sireны.

Последние слова Полубородого потонули в грохоте колес. Голубая Стрела снова тронулась в путь. Никто даже не взглянул в сторону бедной старой служанки, которая отряхивала снег с юбки и печально вытирала глаза.

— Я не обижаюсь, — бормотала про себя бедная старуха. — Они ничего плохого мне не сделали. Но неужели они думают, что моя хозяйка на самом деле такая скупая, какой она кажется? Нет, нет, я всем скажу, даже если вы не захотите выслушать меня: хозяйка, конечно, скуповата, но она ведь бедная. Она ничего не может дарить даром, потому что ей самой приходится покупать эти игрушки. Если бы она была так богата, как сказочная Фея, она всем раздавала бы подарки бесплатно. Но ведь она не Фея из сказки, а самая обыкновенная женщина. Поэтому она и даёт игрушки только тем, кто платит.

И старушка, прихрамывая, направилась к магазину Феи, чтобы дожидаться там свою хозяйку, которая в полночь обычно возвращалась домой, чтобы подкрепиться чашечкой кофе.

«Я волью ей в кофе три ложечки рома, — подумала старая служанка, — она будет довольна и не будет особенно ругать меня».

Тем временем Кнопка бежал всё быстрее.

Следы привели его в очень узенькую улочку, в которой было столько снега, что пришлось пустить в ход снегоочиститель.

Перед одной дверью следы кончились. Кнопка остановился так внезапно, что Машинист едва успел затормозить, чтобы не задавить щенка.

— Мы приехали? — спрашивали пассажиры.

— Да, приехали, — подтвердил Кнопка, сердце которого стучало, как молоток: тук, тук, тук...

— Тогда войдёмте, — предложил Начальник Станции, с любопытством глядя на дверь.

Это была такая же дверь, как и все остальные, только все двери были закрыты, а эта открыта.

— Что за люди? — воскликнул Начальник Станции. — Спят в январе с открытой дверью, да ещё в такую метель! Может быть, они не чувствуют холода?

(Продолжение следует)

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Воздушные и сухопутные мотоциклы

Дорогая редакция!

Мы видели в киножурнале воздушный мотоцикл и хотим знать, как он устроен. Какие ещё марки мотоциклов будут выпускаться в Советском Союзе?

А. Кононыхин, Л. Блохина,
учащиеся Н.-Никольской школы,
Утёвского района, Куйбышевской области.

Прежде всего я хочу сказать вам, дорогие ребята, что воздушный, или летающий, мотоцикл не имеет ничего общего с обычными, сухопутными мотоциклами. Летающий мотоцикл — это небольшой, одноместный вертолёт. Название он получил за свой размер и ещё потому, что на нём установлен двигатель мотоциклетного типа.

Воздушный мотоцикл, как и все другие вертолёты, может только летать, он совсем не способен передвигаться по земле, у него даже нет для этого колёс. Вместо колёс у вертолёта-малютки два баллона из прорезиненной ткани с водонепроницаемыми отсеками. Поэтому он может садиться не только на сушу, но и на воду.

Вас интересуют и обыкновенные, сухопутные мотоциклы. Их у нас довольно много, обо всех не расскажешь коротко. Мы помещаем здесь фотографии основных типов новых мотоциклов, созданных нашими конструкторами.

Вот перед вами мощный дорожный мотоцикл «М-53» с двухцилиндровым четырёхтактным двигателем. Скорость его будет достигать 125 км в час. Мотоциклы «М1-М» и «К-175» менее мощные, и скорость у них меньше (75 км в час), но зато они в значительно легче мотоциклов марки «М-53». Это лёгкие дорожные машины, очень устойчивые, несмотря на небольшой вес. Обратите внимание на их красивую обтекаемую форму. Даже фара мотоцикла «К-175» обтекаемой формы.

Лёгкий мотоцикл «К-55-С2» предназначен для кроссов — спортивных соревнований по пересечённой местности. Сделаны они очень прочно, им не

Воздушный мотоцикл.

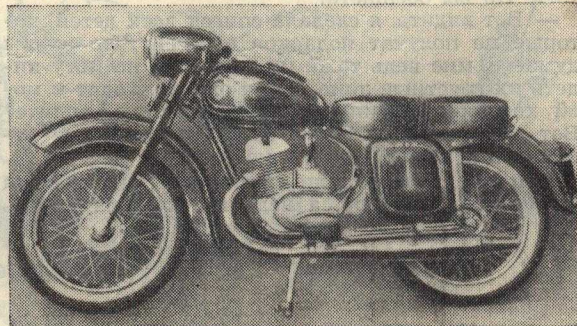
угрожают поломки во время езды по плохим дорогам.

По условиям соревнований мотоциклистам приходится преодолевать ручьи и неглубокие речки, поэтому на двигателе установлен специальный воздухоочиститель, который не пропускает воду в карбюратор.

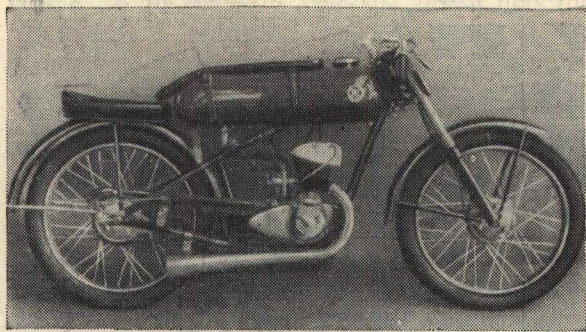
Посмотрите, как низко укреплено сиденье гон-

Мотоцикл «М-53».

Мотоцикл «К-175».

Мотоцикл «К-55-С2».

Мотоцикл «ИЖ-56».

щика. Оно нарочно устроено так, чтобы мотоцикл был устойчивее.

А зачем вторая подушка на мотоцикле? Она сделана совсем не для пассажиров. Гонщики, чтобы увеличить устойчивость машины, идущей с большой скоростью, и уменьшить сопротивление воздуха, на ходу пересаживаются на второе седло и сильно наклоняются вперёд, почти ложатся.

У всех спортивных мотоциклов двигатель находится в одном блоке с коробкой передач. Поверхность цилиндра и головок двигателей ребристая. Это сделано для усиленного охлаждения двигателя, который сильно перегревается на больших скоростях.

Очень удобен для туристов мотоцикл «ИЖ-56». Он прост в управлении, лёгок и надёжен. Этому мотоциклу не страшны ни плохие дороги, ни скверная погода. Цепная передача его защищена от грязи и пыли и почти не требует ухода. Глубокие щитки на колёсах защищают водителя и пассажиров от пыли и грязи. На мотоцикле с прицепом могут ехать три человека: два на сёдлах, а один в коляске. Но в случае необходимости и в коляске могут поместиться двое. При полной нагрузке (три человека) скорость мотоцикла — 85 километров в час, а один человек может ехать со скоростью до 110 километров в час.

Н. Высоцкая

История письменности

Дорогая редакция журнала «Пионер»!

Прошу вас рассказать мне, когда, где и какие народы начали создавать письменность.

Славик Крейчи,
ученик школы № 4, г. Винница.

В старое время мне пришлось видывать в деревне у пастухов длинные палочки, на которых ножиком делались надрезы, заструги и другие пометки. Держа палочку перед собой, пастух «читал» мне по ней, сколько и какого скота он пасёт у такого-то крестьянина, сколько у другого, у третьего и т. д., и какую плату он с каждого получил, и кто сколько ему должен. Такие же палочки бывали у неграмотного старосты. Он отмечал на них сбор податей.

У малокультурных народов такие способы записей и сейчас распространены. Индейцы Северной Америки на длинной верёвке делали узелки, и перебирая эти узелки, какой-нибудь старик-индеец рассказывал об истории племени, о войнах и других событиях. Надевая на нитку различные раковины, индейцы составляли из раковин договоры между племенами о мире, об охоте, о разделе владений.

И палочки, и узелки, и раковины — всё это выражало стремление сохранить в памяти те или иные события и мысли. Из того же стремления возникла и письменность. Первые записи были в виде рисунков: на дереве, на камне, на коже рисовались те предметы, о которых нужно было сообщить. Но такая письменность была трудна для понимания.

За четыре тысячи лет до нашей эры в Месопотамии по нижнему течению рек Тигр и Евфрат жил народ шумеры. У них впервые появилось клинопис-

ное письмо. На глиняных дощечках заострённой палочкой ставились в виде клинышков комбинации разных знаков. Каждая комбинация знаков означала какой-нибудь предмет или понятие: дерево, разговор, лошадь, дождь и т. д.

Примерно в это же время возникла письменность в Египте — в виде иероглифов. Египтяне упрощёнными рисунками и разными условными знаками обозначали предметы, понятия и отдельные слоги слов.

Очень давно иероглифы появились и у китайцев. Эта письменность сохранилась у них до сих пор. В китайском языке около сорока тысяч иероглифов; запомнить их все не способен ни один человек. В газетах употребляется не больше трёх тысяч иероглифов, а для ликвидации неграмотности нужно знание полутора тысяч иероглифов.

Азбука, то есть обозначение знаками отдельных звуков, из которых состоят слова, впервые была изобретена финикийцами, небольшим, но предпримчивым торговым народом, жившим в древности на восточном берегу Средиземного моря. Это было около тысячи двухсот лет до нашей эры. От финикийской азбуки с некоторыми изменениями перешла к евреям, персам, грекам и потом стала основой письменности во всём мире.

Р. Кочетков

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Хорошую сказку любят все. Даже серьёзные взрослые люди всю жизнь помнят те сказки, что они слышали в детстве.

Помните, с какой любовью говорил Пушкин о няне своей Арине Родионовне, которая познакомила его с чудесным миром сказки? А как писал Горький о своей бабушке — великой мастерице рассказывать сказки! Алексей Максимович всегда учил людей ценить сказку и дорожить ею. Есть в одной из его книг такие слова: «Сказки... внушили мне смутную уверенность, что есть кто-то, кто хорошо видел и видит всё глупое, злое, смешное, кто-то, чужой богам, чертям, царям, попам, кто-то очень умный и смелый... В сказках люди летали по воздуху на «ковре-самолёте», ходили в «сапогах-скороходах», воскрешали убитых, spryskivaya их «мёртвой и живой водой», в одну ночь строили дворцы, и вообще сказки открывали передо мною просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная бесстрашная сила».

И действительно, сказка всегда приносила людям — и большим и маленьким — радость. Она учила их, воспитывала, помогала мечтать и надеяться, помогала человеку стать великаном, биться с неправдой, ленью, жадностью — со всеми злыми силами, встречающимися в жизни.

Сказки создавал сам народ. Из уст в уста передавались чудесные крупницы народной мудрости. Но память человеческая ненадёжна — многое забывалось, многое пропадало. Поэтому истари писатели очень бережно и внимательно собирали сказки своего народа и, чтобы они сохранились для многих поколений, часто обрабатывали их и включали в книги.

С этого же начал свою литературную деятельность выдающийся армянский писатель Ованес Туманян. Юношей он напечатал в детском журнале сказку «Пёс и кот». И потом в течение всей своей жизни он много работал над сказками: и когда составлял букварь и первую книгу для чтения «Лусабер» («Светоч»), и когда издавал для армянских ребятишек журнал «Аскер» («Колосья»), и когда выпустил целую серию детских книжек с яркими цветными

картинками под названием «Детская библиотека Ов. Туманяна», и когда стал прославленным народным поэтом Армении.

Сейчас некоторые из тех сказок, что написал и обработал О. Туманян, собраны в маленькой книжечке «Говорящая рыбка», которая вышла недавно в Детгизе.

Книжку эту с большим интересом прочтает каждый из вас. А нам хочется рассказать здесь не столько о ней, сколько о самом писателе, о его благородной и светлой душе.

Он родился в Армении, но большую часть своей жизни провёл в грузинском городе Тбилиси. Старый Тбилиси был необычным городом. «То был особый, самобытный мир, — писал Туманян, — где кавказские народы, каждый с присущим ему бытом и колоритом, объединились и создали чрезвычайно привлекательную и интересную жизнь, смешение наций... То был весёлый свадебный пир, на который были приглашены все национальности и племена Кавказа».

Поэт горячо полюбил людей, среди которых он жил. Всегда и всюду, словом и делом он служил дружбе народов. «Разве не настало время, — писал он, — сблизиться друг с другом, узнать, простить, полюбить? Нас не знают наши соседи, но ведь и мы

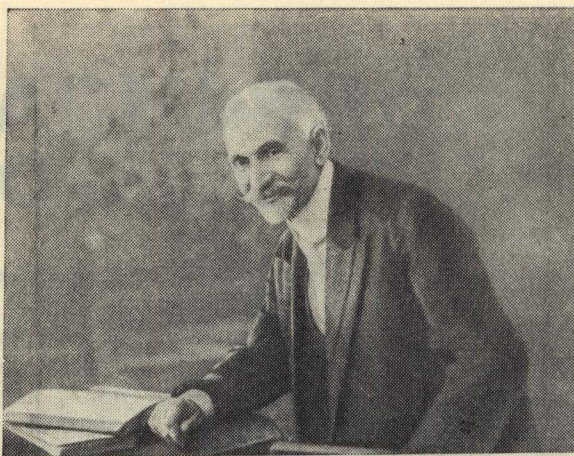
знаем их не лучше. Разве мы знаем просто-ту русского человека, доброту его сердца, душевную искренность грузина, рыцарство тюрков?

Вот с какой стороны нужно подходить к народам. И если мы так подойдём к ним, мы встретим у них уважение и любовь».

Сердцу поэта особенно была близка идея братства народов Закавказья. Вот почему, когда царское правительство в 1905—1906 годах хотело посорить между собой народы Кавказа и спровоцировало столкновение между армянами и азербайджанцами, Ованес Туманян забрал своих детей и поехал в родной уезд, зная, что там начнутся волнения и беспорядки и что там он может очень понадобиться.

Так и случилось. Во главе отряда всадников, с белым флагом в руке писатель объезжал сёла, выступал перед крестьянами, рассказывая им о братстве народов. С гордостью пишет он потом в одном из писем: «Я радуюсь не столько тому, что сделал что-то для литературы, сколько тому, что смог вложить в ножны обнажённые мечи стоящих друг против друга народов и спасти от бессмысленного истребления тысячи невинных людей».

Царская охранка по-своему расценила эту

Ованес Туманян.

деятельность писателя. Его несколько раз арестовывали. Он был заключён в Метехский замок в Тбилиси, а затем переслан в Петербургскую тюрьму.

После долгого судебного разбирательства, в марте 1912 года, поэт вышел из тюрьмы.

Радостно встретили его освобождение передовые литераторы Петербурга. Туманян познакомился тогда и подружился с замечательным русским писателем В. Г. Короленко.

Ованеса Туманяна всегда называли певцом дружбы народов, и когда в феврале 1919 года в Тбилиси праздновалось пятидесятилетие со дня его рождения, то приветствовать писателя пришли представители всех народов, живших на Кавказе. Дружеские речи звучали на всех языках.

В течение всей своей жизни поэт неуклонно следовал принципам дружбы и уважения к другим народам. «Ни в чём народы не отражают себя с такой простой и ясной силой, как в своём национальном эпосе», — писал он. И чтобы лучше знать людей других стран, чтобы ясно представить себе их жизнь и стремления, поэт внимательно и любовно собирал и переводил сказки многих народов. Мы находим в его книгах русские, немецкие, итальянские, ирландские и японские сказки.

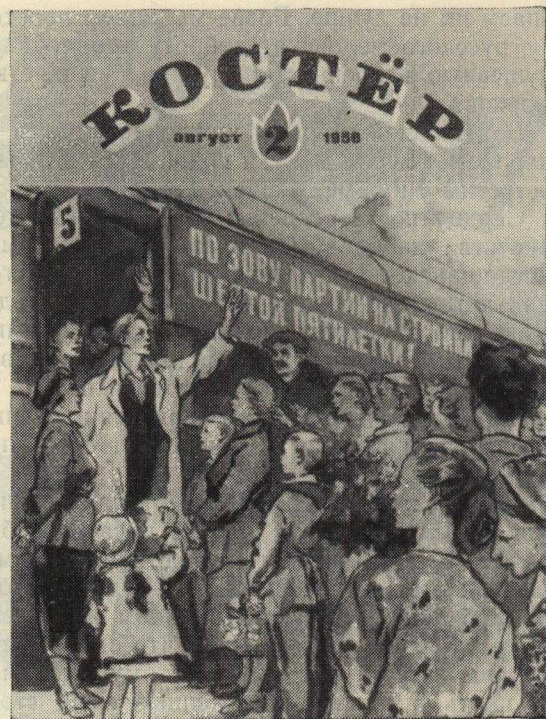
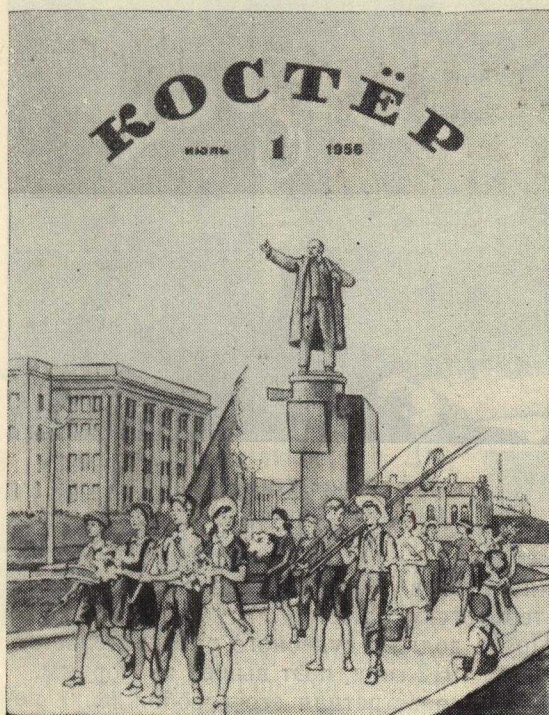
Последние годы жизни Ованес Туманян тяжело болел, но он продолжал усиленно работать. И среди его бумаг были найдены листки с набросками новых детских сказок, которые он не успел закончить.

Когда вы будете читать поэтическую и весёлую книжку сказок Ованеса Туманяна, вспомните всё то, что мы рассказали вам об этом смелом, мудром и обаятельном человеке.

Иллюстрация Г. Ханджяна к сказке «Храбрый Назар».

В. Орджоникидзе

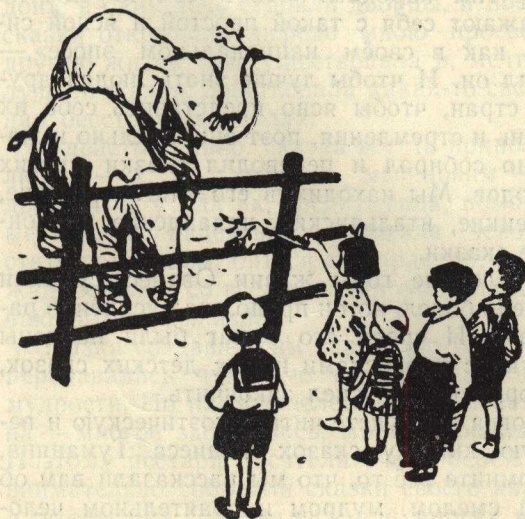

У вас, ребята, появился ещё один друг, весёлый, много знающий и умеющий интересно рассказывать о самых различных вещах и событиях. Это журнал «Костёр», который недавно снова начал выходить в Ленинграде.

Особенно интересно будет читать журнал ребятам, любящим море и флот. В журнале постоянно будет печататься «Морская газета».

Кроме того, в журнале... Но не лучше ли взять вышедшие уже два номера «Костра» и внимательно познакомиться с ними?

«РАВИ И ШАШИ»

«Рави и Шаши» — так озаглавил свою книгу Сергей Баруздин. В переводе с индийского языка на русский эти слова обозначают Солнце и Луна. Но не подумайте, что автор книги рассказывает в ней о небесных светилах. Рави и Шаши — это клички двух слонят, которых прислал в подарок от детей Индии советским детям премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Об этих четвероногих путешественниках Сергей Баруздин рассказывает так просто и с такой любовью, что невольно сам начинаешь любить их и с волнением читаешь о том, как они в бурю и шторм путешествовали из далёкой Индии в нашу страну.

Интересные фотографии чередуются в книге с весёлыми зарисовками.

Живые слонята Рави и Шаши — чудесный подарок нашим детям. Слонята были сначала в Одесском зоопарке, а теперь их перевезли в Киевский. И каждый, кто побывает в этом зоопарке, может посмотреть Рави и Шаши.

Книга С. Баруздина широко разнесёт весть об этом подарке. Она расскажет о нём всем нашим детям во всех уголках нашей страны и поможет выполнить именно то, о чём писал Джавахарлал Неру, посылая слонят: «Я надеюсь, что дети Советского Союза подружатся с этими маленькими послами и будут помнить о детях Индии, которых представляют эти послы».

Г. Скребицкий

ОПАСНЫЙ СОСЕД

М. Зверев

Рисунки П. Кирпичёва.

Всё утро я провёл в густом, тёмном лесу. Наконец меж деревьев, впереди, показался просвет, и я вышел на опушку.

На большом дереве на окраине леса чернело огромное гнездо какого-то орла. Слышен был писк птенца, но взрослых орлов не было видно. Наверно, они улетели за добычей.

Недалеко от дерева рос густой куст шиповника. Я прилёг на траву за этим кустом, приготовил бинокль и записную книжку и стал ждать: мне хотелось выяснить, какой здесь поселился орёл и чем он кормит своих птенцов.

От опушки уходило вдаль поле. Вправо от меня были заливные луга на берегу большой реки. Оттуда доносился скрипучий крик коростеля. Ему вторили перепела на лугу и в поле. Вдали, над рекой, кричали чайки; белыми точками носились они над прибрежными песками. Совсем близко в лесу куковала кукушка. В траве трещали кузнечики и кобылки.

Несмотря на то, что день был жаркий, на земле в густой, высокой траве было сыро и прохладно. Ещё не высохла роса, и солнце разноцветными огоньками сверкало в её капельках.

Я присматривался к населению этих травянистых дебрей. Большая улитка медленно ползла по стеблю, оставляя после себя мокрый, серебристый след. Зелёные травяные паучки торопливо пробирались вглубь, подальше от света, который хлынул сюда после того, как я лёг и смял траву. Два полосатых клопа встретились на одном листе, пощупали друг друга усиками и поползли дальше, каждый своей дорогой.

Вдруг в гнезде громко закричал птенец. Я поднял голову и увидел, что с лугов летит орёл с какой-то добычей в лапах. Хищник

быстро приближался, и скоро я разглядел в бинокль, что это большой подорлик, а в лапах у него водяная крыса.

Подорлик был уже в двухстах метрах от гнезда, когда наперерез ему из леса с криком вылетел маленький сокол-чеглок. Подорлик часто замахал крыльями, но чеглок за несколько секунд догнал его, взвился вверх и вдруг кинулся на огромного орла, намереваясь ударить его в спину.

Подорлик, отражая удар, заклекотал и на лету перевернулся на спину, выставив когтистые лапы и уронив водяную крысу в траву.

Чеглок атаковал подорлика несколько раз подряд. Наконец подорлик улетел на луга за новой добычей, а чеглок, сделав несколько кругов над полем, скрылся в лесу. Где-то недалеко раздался крик двух чеглоков. Значит, там было гнездо чеглока, и победителя приветствовала его супруга.

Через полчаса всё повторилось снова. На этот раз к своему гнезду пыталась прорваться мать птенца. Чеглок и её перевернул на спину и заставил уронить добычу в траву. Пока подорлик не улетел на луга, чеглок беспрерывно бросался на него сверху, как маленький истребитель бросается на тяжёлый бомбардировщик.

Прошло более часа. Близился полдень. Голодный птенец в гнезде ныл скрипучим голосом. В бинокль было видно, как зелёные мясные мухи лезли ему в глаза и в открытый от жары клюв. Птенец шурил то один глаз, то другой и тряс головой.

Наконец показались два подорлика. Они летели друг за другом, и каждый нёс в лапах по водяной крысе.

И снова из леса чёрной тенью мелькнул наперерез им сокол. С боевым криком он ринулся на спину первого подорлика и заставил громадную птицу перевернуться. Конечно, добыча при этом полетела в траву.

Второй подорлик, отчаянно махая крыльями, прорывался вперёд, но метрах в десяти от гнезда чеглок и его перевернул на спину, и водяная крыса упала чуть ли не на меня.

Жалобный писк птенца, клёкот подорликов и крик сокола долго нарушали тишину знойного полдня. Потом всё стихло. Подорлики один за другим улетели на луга, чеглок — к своему гнезду, а птенец опять принялся воевать с мухами.

Я взобрался на дерево к гнезду подорликов и был поражён видом птенца: это был скелет, обтянутый кожей! Видно, он уже давно голодал; того, что ему изредка перепадало от родителей, хватало только, чтобы не умереть с голоду.

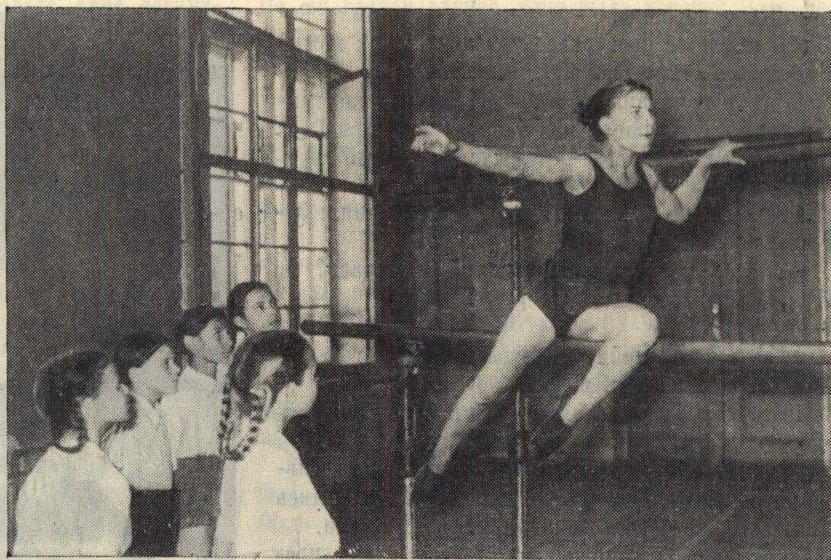
Когда я отошёл довольно далеко от гнезда, направляясь через поле к своей палатке, до меня опять долетели знакомые крики. Я оглянулся и увидел в бинокль, как чеглок перевернул подорлика на спину и подорлик улетел на луга за новой добычей.

Недели через две я снова проезжал мимо этого места. Издалека я увидел гнездо на дереве и решил посмотреть, что сделалось с птенцом.

Вот и куст, за которым я лежал в прошлый раз. В бинокль хорошо видно уже оперившегося птенца, сидевшего на краю гнезда.

Я прилёг за куст и вскоре увидел, как подорлик принёс с лугов водяную крысу и отдал её птенцу. На этот раз ему никто не мешал.

Подорлик-отец улетел. Я хотел встать, чтобы поискать гнездо чеглоков, и вдруг увидел одного из них. Сокол летел, держа в лапах птичку. Мне всё стало понятно: у чеглоков вылупились птенцы, и сокол не сидел больше целыми днями у гнезда, сторожа самку, сидящую на яйцах. Теперь ему было не до подорликов. С утра до вечера он добывал пищу для своих птенцов.

Объясняя новое упражнение, Галя всегда показывает, как его делать.

ПЕРВЫЙ ТРЕНЕР

А. Соколовский

Разговор на спортивном совете продолжался не больше двух минут. Гале сказали:

— Мы хотим назначить тебя тренером по гимнастике в четвёртый «А». Будешь вести группу девочек. Согласна?

— Согласна, — не задумываясь, ответила Галя. Да и раздумывать-то было нечего. Все хорошие спортсмены школы занимались с младшими ребятами: кто руководил секцией лёгкой атлетики, кто волейбольной, кто водил ребят на Волгу и учил плавать. И то, что Гале поручали руководить самыми маленькими гимнастками, означало, что и её, восьмиклассницу Галю Индейкину, считают теперь одной из лучших спортсменов школы. Это было приятно. Галя даже немного покраснела, словно её похвалили в глаза, и ещё раз повторила:

— Конечно, согласна! Когда приступать к занятиям?

— Да когда тебе удобней, — сказал преподаватель физкультуры Борис Павлович. — Хоть завтра. Назавтра Галя собрала четвероклассниц в спортивном зале.

— Начнём разминку, — сказала Галя. Она начала показывать девочкам разные упражнения. Все довольно старательно повторяли их. Девочки ходили по залу и по команде то поднимали руки, то опускали их, то приседали на корточки. Потом, ухватившись за перекладины шведской

стенки, сгибали и разгибали ноги. Видно было, что девочки стараются, но только у одной Тани Андреевой всё получалось более или менее хорошо. А остальные делали упражнения недружно, неуклюже. Гале стало скучно.

Вдруг после одного приседания Золя Ларина, самая маленькая из всех, вместо того чтобы выпрямиться, села на пол.

— Ты что? — подошла к ней Галя.

— Я устала, — ответила Золя. — Я слабенькая. Девочки закивали:

— Да, да, она у нас слабенькая.

— Ну, посиди, отдохни, — сухо сказала Галя. Обращаясь к остальным девочкам, Галя добавила: — Тренировка окончена. Можете идти по домам.

На следующем занятии девочек в строю стояло значительно меньше.

— Они спортивную форму забыли, — объяснила Гале Золя Ларина.

«Ну что ж, это даже хорошо, что они не пришли. Может быть, приучатся к порядку», — подумала Галя и скомандовала:

— Начинаем разминку!.. На месте шагом марш!

Они делали разминку, разучивали вольные упражнения, и Галя видела, что девочкам всё это неинтересно.

— Послушай, Золя, — спросила вдруг Галя, — почему ты записалась в гимнастическую секцию?

— Все записались — и я тоже, — ответила Золя, и в голосе её прозвучало удивление: как можно не понимать таких вещей?

«Так вот что значит это массовое увлечение гимнастикой! Все пошли — и я тоже, — подумала Галя и вконец расстроилась. — Откажусь я от этой группы. Ну их совсем!»

Но девочки не заметили галиного настроения. Золя вдруг спросила:

— Можно, мы в «третий лишний» поиграем?

Галя безнадежно махнула рукой:

— Играйте.

Она села на скамейку у стены и стала с грустью смотреть, как девочки играют.

«И это называется занятием гимнастической секции», — думала Галя.

А игра шла куда веселей, чем разминка и вольные упражнения. Девочки увлеклись, покраснелись и, казалось, не чувствовали никакой усталости.

Неожиданно Гале пришла в голову такая простая мысль, что она изумилась, как раньше до этого не додумалась.

«Господи, какая же я дура! Конечно, играть интереснее, чем полчаса делать одни и те же упражнения. Ведь они же совсем малыши! И нечего на них за это злиться. Пусть играют. «Третий лишний» — это тоже физкультура. Есть и ещё игры, которые прямо как будто специально для гимнастов придуманы».

Галя стремительно поднялась со скамейки и хлопала в ладоши:

— Девочки, девочки! Идите сюда все! Предлагаю провести весёлую эстафету с мячом. Согласны? Разделитесь на две команды...

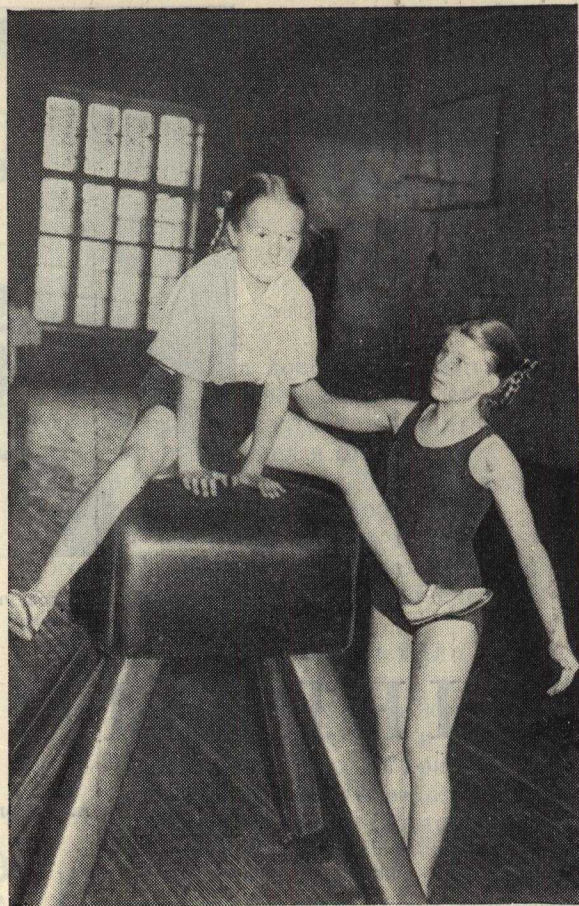
После эстафеты затеяли другую игру: кто сумеет с завязанными глазами пройти между расставленными на полу булавами, не уронив ни одной из них. Потом бросали мяч, стараясь попасть в баскетбольное кольцо. За каждое попадание засчитывались очки. Определить победителя так и не удалось, потому что пришла на занятия другая секция — подошло её время, — и зал пришлось освободить.

Домой Галя пошла вместе с девочками. Все оживленно обсуждали свои успехи и неудачи в играх, то и дело обращаясь к Гале. Галя разрешала споры и никак не могла понять, почему на душе у неё так радостно...

На очередном занятии Галя увидела, что в строю стоят и те девочки, которые в прошлый раз забыли спортивные костюмы.

Теперь Галя на каждой тренировке после короткой разминки затевала игру. Потом вольные упражнения, и опять игра. На занятия ходили все.

Однажды Галя решила показать девочкам несколько упражнений на кольцах. Раскачавшись, сделала поворот, потом другой, прогнулась и прямым броском спрыгнула на землю. Четвероклассницы смотрели на неё с восхищением.

— Молодец, Таня! Хороший прыжок.

— А когда мы на кольца? — спросила Таня Андреева.

— Вам ещё рано.

— Конечно. Разве мы так сумеем? — сказала Золя и вздохнула.

Но с этого дня девочки всё чаще приставали к Гале:

— А когда же на снаряды?

Особенно часто заговаривала об этом Таня Андреева. Зато Золя оказалась как будто самой сознательной. Едва заходил разговор о снарядах, она поспешно и даже, казалось Гале, с какой-то тревогой начинала объяснять подругам, что на снаряды им ещё рано, что нужно сначала окрепнуть и вообще не стоит торопиться.

Наконец настал день, когда Галя сказала девочкам:

— Сегодня будем заниматься на кольцах.

Все оживились, зашумели, и только Золя Ларина с испугом посмотрела на Галю. Девочки подтащили тяжёлые маты. Галя опустила кольца пониже и вызвала Таню Андрееву.

Таня легко подпрыгнула, крепко ухватилась за

кольца и без особого труда сделала «вис согнувшись».

Девочки по очереди выполняли упражнения. У одних сразу получалось хорошо, у других кольца ходили в руках ходуном. Таким Галя помогала, и они хоть и неуверенно, но делали «вис». Вот уже вернулись в строй и Неля Ежова, и Тania Парфентьева, и Римма Коновалова.

— Что же, Золя? Ты одна осталась.

Золя подошла к кольцам. И только тут Галя поняла, почему эта девочка не торопилась начать занятия на снарядах. Достаточно было взглянуть на Золю, чтобы понять: она боится.

— Смелей, смелей, — улыбнулась Галя.

Золя подпрыгнула, поймала одно кольцо и повисла, неуклюже раскачиваясь.

— Ну, лови второе. — Галя хотела помочь девочке, но Золя разжала руки и, падая, чуть не свалила Галю.

— Что же ты?

— Я не могу... Я слабая...

Да, только теперь Галя по-настоящему узнала, что такое трудности. Их и раньше встречалось немало. Трудно было, например, получить третий спортивный разряд по гимнастике. Но Галя этого добилась. Трудно было привыкнуть к соревнованиям, когда от волнения несильно теряешься и начинаешь выполнять упражнения хуже, чем могла бы. Но Галя в конце концов и к этому привыкла. Теперь все те трудности казались не такими уж серьёзными. Раньше всё зависело только от тебя самой. Плохо получается упражнение — сделай его пятьдесят, наконец, сто раз, и всё будет в порядке. Волнуешься на соревновании — возьми себя в руки. Опять же это зависит только от тебя одной. А тут? Ну что, например, делать с Таней Манухиной? Не станешь же вместо неё прыгать через коня! Хотя с удовольствием бы это сделала, только бы не смотреть, как повторяется одно и то же: Тania старательно разбежится, потом прыгнет и, конечно, или «коседает» коня или стукнется об него... А Золя... Ох, уж эта Золя! Каждый раз, подходя к снаряду, она смотрит на Галю так испуганно, как будто её заставляют прыгнуть в пропасть, и, прежде чем сделать упражнение, обязательно скажет:

— Я слабая.

В конце концов Галя не выдержала:

— Знаешь, что я тебе скажу, Золя: быть слабой — это не такое уж большое достоинство! Что ты заладила: «Слабая, слабая»? С чего ты это взяла? Кто тебе сказал, что ты слабая?

— Все говорят, — совсем растерялась Золя.

— А ты поменьше слушай. Ну-ка, делай упражнение!

Золя послушно полезла на брус. Потом Галя никак не могла решить, правильно ли она говорила с Золей. Что изменилось от того, что она отругала девочку? Ведь сил у неё от этого не прибавилось.

Но, во всяком случае, одно было хорошо: Золя перестала то и дело повторять, что она слабая. А несколько дней спустя Галя заметила, как Золя проскользнула в спортивный зал, когда там никого не было. Галя подошла к двери и заглянула в зал. Золя её не видела. Она подошла к кольцам, подпрыгнула, но не достала их. В зале, видно, недавно занимались старшие ребята, и кольца висели очень высоко. Золя подтащила к кольцам стул. Забралась на него, прыгнула и, не поймав колец, упала на мат. Встала, потёрла ушибленное место и снова полезла на стул. На этот раз ей удалось ухватиться за кольца. Она несколько секунд повисела, вытянув ноги, потом попробовала подтянуться. С трудом подтянулась один раз. Спрыгнула и, довольная, зашагала к выходу. Галя быстро отошла от двери.

С Таней Манухиной всё было иначе. Её нельзя было «встряхнуть», как Золю. Её даже отругать было не за что.

Она всё делала старательно, но на третьей тренировке Тania так же наткнулась на «козла», как и на первой. Галя объясняла ей, как надо прыгать, показывала. Тania кивала головой, как будто всё понимая, а потом делала не так.

— Сядь, — сказала Галя, отчаявшись. — Сядь вот здесь, на скамеечке, смотри, как прыгают девочки, смотри до тех пор, пока не поймёшь, в чём твоя ошибка.

Тania сидела долго. Смотрела. Думала. И поняла: всё дело в толчке. Он должен быть резким и сильным. Обязательно сильным.

Только перед концом тренировки Тania встала.

— Можно, я попробую?

— Давай.

Тania отошла в конец зала. Разбежалась, но перед самым «козлом» свернула в сторону и пробежала мимо. Это уже было что-то новое.

— Я ещё раз.

Галя кивнула.

Тania разбегается — толчок...

— Молодец! — кричит Галя. — Молодец, Тань-ка!

Так горячо она не хвалила даже Таню Андрееву...

Да... Таню Андрееву... Ту самую Таню, которая в начале работы секции самая первая из девочек сделала на кольцах «вис согнувшись». С некоторых пор Галя вообще не хвалит Таню Андрееву. И вовсе не потому, что она стала хуже заниматься. Нет, по мнению Гали, Тania Андреева — прирождённая гимнастка. Ей всё даётся легко, даже, пожалуй, слишком легко. И у неё появилось какое-то пренебрежение к подругам. Нет, нет, да и улыбнётся насмешливо, глядя, как у кого-нибудь из девочек не получается упражнение.

Как-то раз Галя повела своих девочек на гимнастические соревнования в Ярославский дворец физкультуры. Нет, конечно, не участвовать в соревнованиях: девочки соревновались пока только друг с

другом, — просто посмотреть, как выступают лучшие гимнасты города.

То, что девочки увидели, потрясло их. Особенно понравилось всем выступление Татьяны Павловой — чемпионки области. Она так смело и красиво делала «повороты», «стойки», «висы» на качающихся кольцах, что у девочек дух захватывало.

На обратном пути только и разговоров было, что о Татьяне Павловой.

— Неужели мы никогда не станем такими хорошими гимнастками? — грустно сказала Золя.

Таня Андреева усмехнулась уголком рта и возразила:

— Ну почему же не станете? Обязательно станете... Лет через пятьдесят, — и посмотрела краем глаза на Галя, словно ожидая, что та по достоинству оценит её острогу.

Галя сделала вид, что не заметила этого взгляда, и ответила Золе:

— А это уж только от вас самих будет зависеть. Вы же знаете, Таня Павлова в нашей школе учи-

лась. Она была у нас лучшей гимнасткой, но если у кого что не получалось, она не подшучивала, а старалась помочь. О чём это ты, Золя, задумалась?

— Я... Ничего... Просто так...

Галя не смотрела на Таню Андрееву. Зато все девочки глядели на неё в упор. Галя перевела разговор на завтрашнюю тренировку.

А назавтра в зале Таня Андреева терпеливо объясняет Тане Манухиной, как надо держаться на брусках, чтобы упражнение получалось красивее.

Как-то после уроков Галя видит в коридоре у большого стенда с призами и грамотами, завоеванными юными спортсменами школы, Золю Ларину и Таню Манухину. Девочки рассматривают фотографии лучших физкультурников школы и о чём-то тихо разговаривают. О чём? Кто знает. Может быть, о том, что хорошо бы увидеть на этом стенде свои портреты. Что ж, они могут об этом помечтать. А уж она, Галя, поможет им эти мечты осуществить.

Не так просто

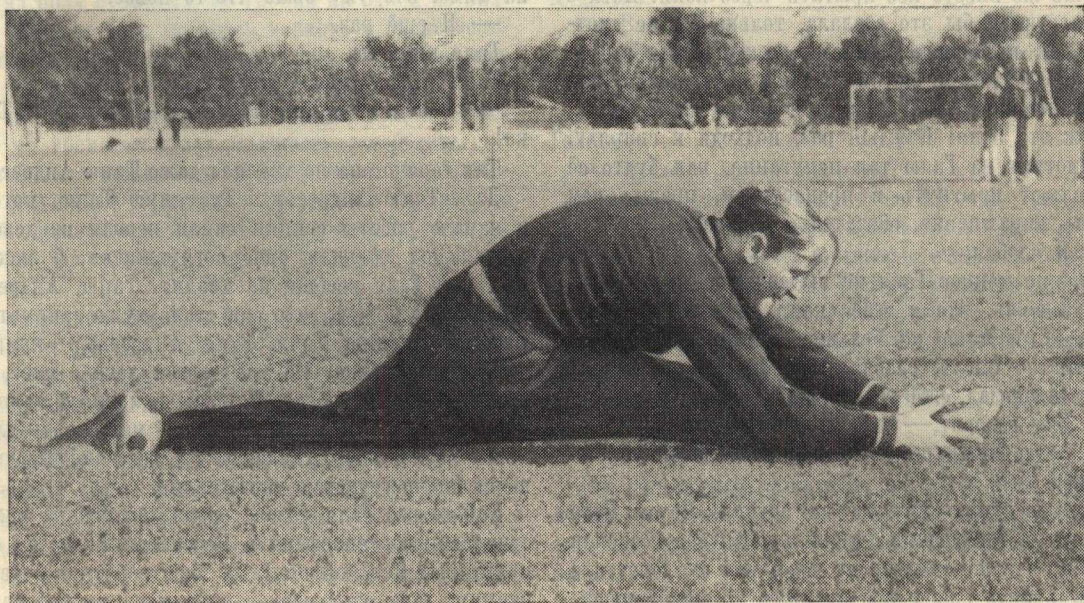
Заслуженный мастер спорта Николай Пучков — вратарь сборной хоккейной команды СССР.

Он тренируется круглый год.

Пока не настала зима, Пучков тренируется на искусственном льду. Но на катке не приобретёшь всех качеств, нужных вратарю. Ведь иногда в погоне за шайбой ему

приходится совершать настоящие акробатические прыжки.

Поэтому Николай Пучков занимается акробатикой и любит её. Правда, «шпагат» получается у него не так «чисто», как удар по шайбе, но не зря мастер с таким упорством пытается оттянуть носок — «шпагат» непременно выйдет!

Разные Разноги

Рисунки Е. Ведерникова.

У индейского племени, населяющего один из островов Калифорнийской бухты, есть любимое развлечение — охота на зайцев. Индеец охотится без ружья и лука. Он бежит за зайцем, преследуя его до тех пор, пока заяц не упадёт в изнеможении. Заяц бежит очень быстро. Но человек побеждает потому, что он выносливее и умеет рассчитать свои силы.

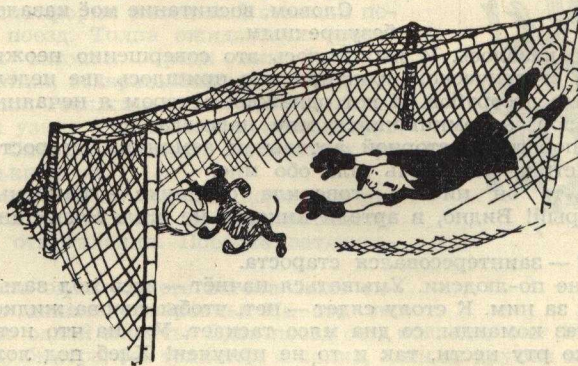
Низкий старт, принятый сейчас у бегунов всего мира, спортсмены переняли у... кенгуру.

В 1888 году американский спортсмен Чарль Шерилл, путешествуя по Австралии, обратил внимание на то, как бегают кенгуру. Перед началом бега кенгуру низко пригибается к земле, и прыжок у неё получается длинным, стремительным. У спортсмена мелькнула мысль: «А что, если и мне, начиная бег, не стоять во весь рост, а пригнуться к земле? Не сэкономим ли на этом несколько мгновений?»

И Шериллу действительно удалось сэкономить. Он победил на одних соревнованиях, потом на других, на третьих. Сначала его соперники только удивлялись и приписывали победы Шериллу случайности, но постепенно поверили в преимущества низкого старта и сами стали им пользоваться. Теперь уж все спринтеры — бегуны на короткие дистанции — начинают бег с низкого старта.

В Западной Германии шёл футбольный матч между командами Дельбрюкка и Дортмунда. Игра проходила вяло: ни та, ни другая команда никак не могла открыть счёт. Вдруг у команды Дортмунда появился неожиданный помощ-

ник. Лохматый щенок вбежал на футбольное поле, схватил мяч за шнуровку и затащил его в ворота Дельбрюкка. Как-никак мяч в воротах, по правилам футбола, — гол. И этот не совсем обычный гол был засчитан.

В прошлом году в Милане, на трекке «Вигорелли», происходили международные велосипедные гонки. Приняли старт итальянец Маснес и голландец Деркен. Но ни тот, ни другой не хотел вести гонку, так как первым идти труднее: надо преодолевать сопротивление воздуха. И оба велосипедиста стояли на месте. Прошло пять минут, десять, полчаса.

Зрители волнуются, судьи настаивают, чтобы гонщики начинали заезд. Но упрямцы продолжают «ехать» на одном месте.

После этого происшествия комитет соревнований решил отменить заезд в таких случаях и обоим участникам записывать проигрыш.

Идёт бой боксёров. Вот один из них нацеливается противнику в подбородок, тот поднимает перчатку, чтобы защититься, и в это самое мгновение получает молниеносный удар в скулу.

Ложное действие в боксе называют «финтом». Встречается это слово и в разговорной речи. «Не финти», — говорят человеку, который собирается схитрить, обмануть.

*КТО ЭТО ВЫДУМАЛ?

У АРТЕЛЬНОГО КОТЛА

В молодости я считал себя человеком отлично воспитанным.

При встрече со знакомым я умел вежливо и спокойно поклониться. В разговоре я внимательно слушал собеседника, не позволяя себе перебить его рассказ, как бы длинен он ни был. В споре никогда не повышал голоса. Не было случая, чтобы я кого-нибудь нечаянно толкнул и не извинился.

Словом, воспитание моё казалось мне безупречным.

Но только казалось. И выяснилось это совершенно неожиданно. Как-то на студенческой практике мне пришлось две недели прожить с артельным лесорубов. И вот однажды вечером я нечаянно подслушал разговор, запомнившийся мне навсегда.

Сидя на пороге просторной артельной землянки, староста тихо беседовал со стряпухой. Речь шла обо мне.

— Парень-то он ничего,— говорила стряпуха,— грамотный. Да уж больно серый! Видно, в артели никогда не жил. Воспитания нет никакого.

— А что? — заинтересовался староста.

— Да всё не по-людски. Умываться начнёт — весь пол зальёт, потом подтирай за ним. К столу сядет — нет, чтобы сперва жидкое хлебать; сразу, без команды, со дна мясо таскает. Уж на что нетрудное дело ложку ко рту нести, так и то не приучен! Хлеб под ложку не подставит, на стол накапает...

Поначалу я немного обиделся. Но, поразмыслив, понял, что стряпуха по-своему права.

То, что я по утрам не забывал с ней поздороваться, вежливо сторонился, когда она несла к столу тяжёлый горшок со щами, благодарил за обед, её не удивляло. Это было привычно и естественно.

Но те пробелы в моём воспитании, о которых шла речь, были ей заметны. Вина здесь была не моя.

С детства я жил в квартире с водопроводом, ел из своей отдельной тарелки. Мне не приходилось жить в землянке, умываться над ведром из ковшика, есть из общего артельного котла.

Поэтому я не знал, что в землянке есть ещё и свои правила вежливости. И правила эти не менее важны, чем те, городские, которым я подчинялся. Эти правила необходимо соблюдать, чтобы артельная жизнь шла легко и дружно.

С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

Никто правил вежливости из головы не выдумывал. Они создавались в народе постепенно.

Сколько раз ты, наверно, слышал: «Шапку-то сними, коли в комнату вошёл!»

«А зачем её снимать, шапку? — думал ты. — Откуда такое взялось правило?»

А вот откуда.

Лет тысячу тому назад жить было поопаснее, чем теперь. Того и гляди получишь удар копьём или мечом. Люди постоянно ходили вооружёнными. А уезжая из дому в дальний путь, надевали на себя тяжёлые доспехи, голову прятали под железный шлем.

Здравствуйте!

Садитесь,
пожалуйста.

1. Если кто-нибудь к тебе пришёл, помоги снять пальто, проводи в комнату и пригласи сесть.

2. Когда гость уходит, помоги ему одеться и отвори дверь.

3. Встречаясь со знакомыми или входя в помещение, здоровайся первым. Здраваясь со старшими, руки не протягивай, подожди, пока они это сделают сами.

4. Здраваясь, сними фуражку или шапку и не надевай, пока не пожмёшь руку.

5. Подавая руку, сними с неё перчатку.

6. Кланаясь, нагни только голову, а не сгибайся пополам и не размахивай руками.

7. Если мимо тебя проходит старший или девочка, посторонись и дай дорогу.

8. Если близко от тебя скользнул прохожий, поддержи его под руку.

9. Садясь в трамвай или автобус, пропусти первым в двери своего спутника или спутницу. Если подойдёт старик, старушка или женщина с маленьким ребёнком, пропусти их вперёд.

10. В двери не проходи первым, предложи пройти раньше твоему спутнику. Если идёшь с девочкой, открой дверь и отступи, дай девочке пройти первой.

11. Войдя в комнату, где много народа, не стремись поздороваться с каждым в отдельности. Достаточно пожать руку хозяину или хозяйке, а остальным поклониться и сказать «Здравствуйте».

12. Не садись, пока не сядут старшие.

13. Если в комнату вошёл старший, встань и не садись, пока он не сядет.

14. Если в комнату вошла девочка, встань, уступи ей

своё место, а себе принеси другой стул.

15. Не сиди развалился. Не клади ногу на ногу. Не держи руки в карманах.

16. Если взрослый или девочка что-нибудь уронит, подыми и подай.

17. Не старайся говорить громче собеседников. Кто говорит, не повышая голоса, к тому прислушиваются внимательней.

18. Не смейся искусственно, если тебе не смешно. Не хохочи слишком громко.

19. В общественных местах разговаривай тихо — так, чтобы слышал только твой собеседник.

20. Если в обществе хочешь сказать товарищу что-либо по секрету, не шепчи ему на ухо, а отложи разговор до тех пор, пока вы не останетесь вдвоём.

21. Не говори о присутствующем «он» или «она», а называй всех по имени.

22. Чем внимательнее ты будешь слушать, тем приятнее рассказчику. Не перебивай его, пока он не закончит рассказ.

23. Прежде чем возражать, дослушай фразу до конца.

24. Если в разговоре тебя перебивют, не старайся перекричать, а замолчи и выслушай возражения.

25. Не вмешивайся в разговор взрослых.

26. Разговаривая, не хватай собеседника за руку, не тереби за пуговицу, не хлопай по плечу.

27. Пробираясь к своему месту в театре или кино, проходи вдоль ряда лицом к сидящим. Если проходят мимо тебя, встань и дай дорогу.

Но вот на пути дом, где живёт добрый человек. Переступая через порог, рыцарь снимает шлем и несёт его в руке.

«Я тебя не опасаясь, — словно говорит он хозяину. — Я тебе доверяю. Ты хороший человек, не грабитель и не предатель».

Опасные эти времена давно прошли.

Но обычай, входя, снимать шапку остался. Остался потому, что это хороший обычай. Снимая шапку, ты как бы говоришь, что уважаешь дом, в который вошёл, людей, живущих в нём, веришь в их порядочность, в хорошее отношение к тебе.

Им это, конечно, приятно.

ЧТО ВЫГОДНЕЕ?

Как-то зимой я наблюдал такой случай.

К платформе маленькой станции подошёл поезд. Толпа ожидавших бросилась к вагонам. Среди них были и школьники, возвращавшиеся с лыжной прогулки. Теснясь и толкаясь, они штурмовали узкие двери вагона, мешая друг другу. Слышался стук задевавших за ступеньки лыж.

Дежурный по станции держал в руке флажок, но не мог подать машинисту сигнал отправления. Посадка затягивалась.

Лишь около одного вагона было тихо. Его заняли суворовцы. На это им хватило одной минуты. Едва поезд оста новился, они выстроились в колонну быстро, без толкотни и крика, один за другим вошли в вагон.

Оказывается, толкотня не только груба и некрасива, но и невыгодна.

Как часто ребята бросаются к автобусу или трамваю, расталкивая стоящих, пытаются прорваться вне очереди! Торопиться им особенно некуда, и к дверям они рвутся больше из озорства и глупой удачи. Окружающие тоже не остаются в долгу. Возникает свалка.

В результате автобус уходит полупустым, а на земле валяются оторванные в пылу борьбы пуговицы.

Так же невыгодно перебивать друг друга в разговоре.

Иной раз видишь, как разговаривают три девочки и каждая кричит своё, не слушая подруг. Но старается она напрасно. Подруги тоже её не слышат, и каждая остаётся при своём.

Потратили на крик полчаса, охрипли и так ни о чём и не договорились.

И УДОБНЕЕ И ПРИЯТНЕЕ...

Для чего я обо всём этом рассказал?

Для того, чтобы показать, в чём смысл тех правил вежливости, от которых многие ребята досадливо отмахиваются.

А смысл здесь заложен большой и важный.

Он состоит в том, чтобы уважать окружающих. Ведь каждый из них твой товарищ по жизни и работе.

Уважая окружающих, надо вести себя так, чтобы жить рядом с тобой людям было и удобно и приятно.

С этого номера редакция «Пионера» начинает печатать правила вежливости.

Постарайся разобраться в каждом из них, и ты поймёшь, почему лучше поступать именно так, как они рекомендуют.

Я не сомневаюсь, что ты это поймёшь. А поняв, станешь всегда их выполнять.

А. Дорохов

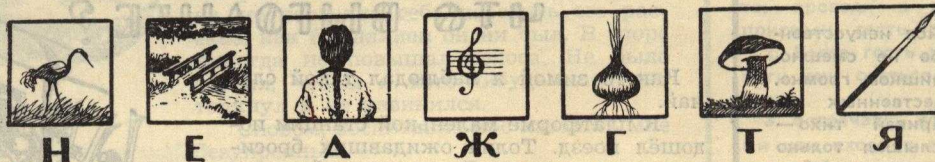
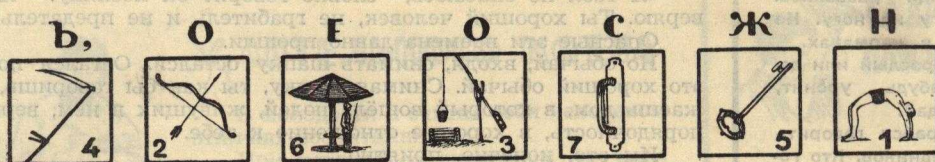
В часы

НАРОДНАЯ ЗАГАДКА

Разберитесь в рисунках и поищите в них ключ к решению этой головоломки. Он поможет вам прочитать текст русской народной загадки. А кстати и разгадайте её.

Составил Н. Васильев.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ

1. Где находится советский город, название которого говорит нам об одном из четырёх времён года?

2. Два больших города, находящиеся в разных частях света, расположены на берегах бухты Золотой Рог. Как это могло получиться, если расстояние между обоими городами измеряется тысячами километров? Назовите эти города.

3. Какая стрелка веками стоит на одном месте?

Составил Н. Сарваниди.

Он мне нравился, этот человек. Я сказал: — Послезавтра — день рождения моего сына. Я буду рад познакомиться с ним. Обещаю вам, что у меня будут точно такие же груши. Мы обменялись адресами. Он обещал прийти. Если вы внимательно прослушали эту историю, вы без труда назовёте месяц, число и день недели, когда мы вновь с ним встретимся.

Составил Н. Васильев.

ВСТРЕЧА

Рассказ-загадка

В воскресный день мы встретились с ним в парке. Он сидел рядом со мной и читал газету. Его лицо показалось мне знакомым, и я решил с ним заговорить.

— Что нового в газетах? — спросил я.

— У меня вчерашняя, — смущённо улыбнулся он. — За одиннадцатое число.

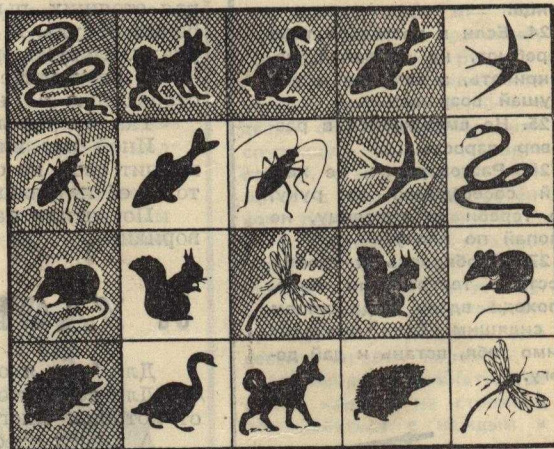
Пристально посмотрев на меня, он протянул мне руку. Ну, конечно, мы встречались! Но где, когда?..

У него память оказалась лучше.

— Да, — сказал он, — это было давненько. Я вам могу сказать совершенно точно: это было ровно шесть лет назад, день в день. Мы ехали с вами из Крыма. Помните, в поезде мы угощали меня грушей? Ну, как же, в такой же вот знойный августовский полдень, когда я, как и все пассажиры, изнывал от жары, вы предложили мне чудесную грушу. Она таяла во рту: столько было в ней сока! Её можно было пить.

ОТВЕТ

НА ЗАДАЧУ „РАЗДЕЛИТЕ ПОРОВНУ“,
ПОМЕЩЁННУЮ В № 8

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Тимофеева Г. Я., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова. Рукописи не возвращаются.

А 10321. Подписано к печати 6/IX 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 869. Заказ № 2123.
Форм. бум. 84 × 108/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Имеются в продаже

КОЛЛЕКЦИОННЫЕ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

В магазинах книоторгов имеются
в продаже в большом ассортименте
марки в пакетах и альбомных тетрадах.

ТАМ ЖЕ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК СССР в ледериновом переплёте

Иллюстрированный каталог почтовых марок СССР является необходимым пособием при коллекционировании советских марок. Приведённые в каталоге названия серий, иллюстрации, описания рисунков марок, даты выпуска их в почтовое обращение, практические сведения по филателии, тематический перечень и справочные таблицы помогают филателистам систематизировать советские почтовые марки по темам и выпускам.

Объём каталога — 480 страниц; цена — 13 р. 40 к.

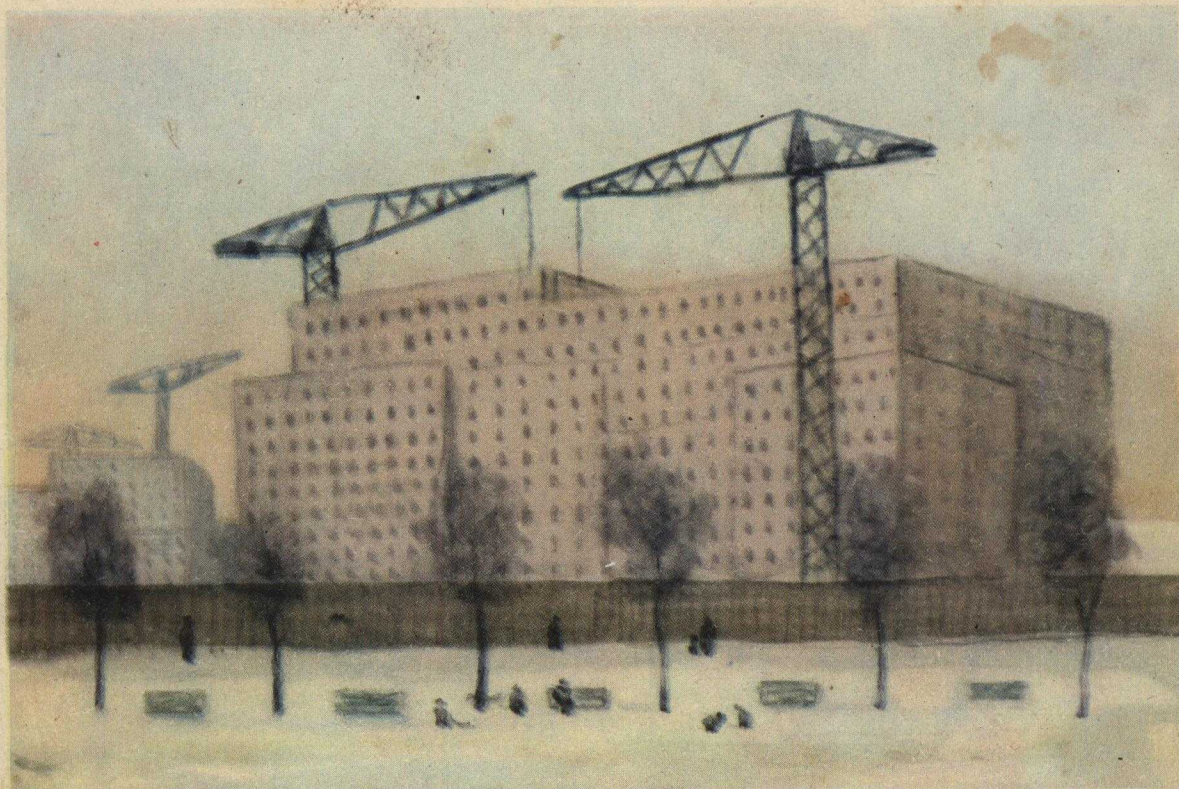
Марки и филателистические пособия высылают по почте наложенным платежом следующие магазины:

- № 63 Москниготорга: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 20;
- № 44 Ленкниготорга: Ленинград, 25. Невский проспект, 78;
- № 13 Свердловского книготорга: Свердловск, улица Ленина, 22-а. Магазин «Ноты»;
- № 7 Львовского книготорга: Львов, улица Шевченко, 3.

Филателистическая контора

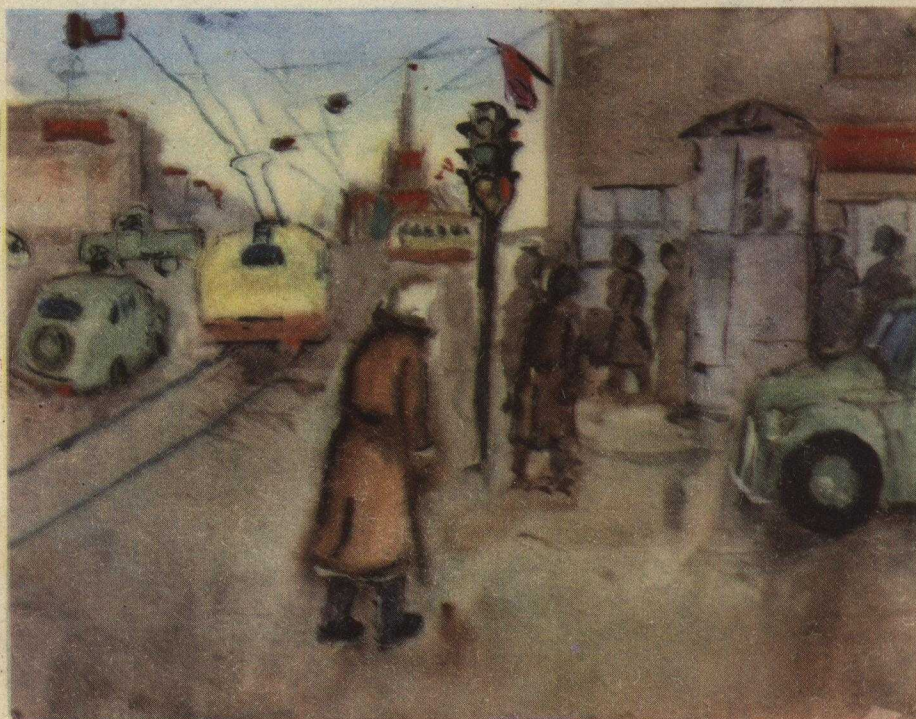

Цена 2 р. 50 к.

ДОМА АВТОЗАВОДА.

Малыгин Вячеслав.

НА УЛИЦАХ МОСКВЫ.

Любезнов Саша.